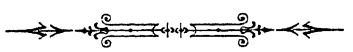
И. Городенскій.

Учебникъ всеобщей психологіи

для

средних учебных заведеній.



ТИФЛИСЪ.
Типографія Канцеляріи Намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ,
Лорисъ-Меликовская ул., домъ каз.
1907.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР
235
40

Предисловіе.

Настоящій учебникъ предназначается для учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; онъ есть результатъ двухлѣтняго преподаванія психологіи въ одной изъ нашихъ гимназій. Я не касаюсь содержанія учебника; разсмотрѣніе его есть дѣло ученой критики. Равнымъ образомъ, не касаюсь я и методической стороны; это также дѣло критики, только педагогической. Нахожу необходимымъ только объяснить нѣкоторые внѣшніе дефекты учебника. Во 1-хъ, учебникъ можетъ обратить на себя вниманіе отсутствіемъ опытовъ, иллюстрирующихъ психологическія положенія. Внести этотъ элементъ съ формальной стороны—дѣло нетрудное; но я обошелъ его съ цѣлью. Производство опытовъ, въ особенности психологическихъ,—дѣло трудное, требующее большой сноровки и навыка. Вмѣстѣ съ тѣмъ психологическій экспериментъ для насъ дѣло новое, молодое. Съ одной стороны, у насъ не установлено еще опредѣленнаго взгляда на характеръ психологическаго эксперимента въ средней школѣ и не сдѣлано выбора подходящихъ опытовъ; съ другой стороны, мы недостаточно опытны въ производствѣ психологическаго эксперимента; поэтому каждый преподаватель съ осторожностью долженъ вводить его въ преподаваніе и только тогда прибѣгать къ нему, когда онъ вполнѣ имъ овладѣлъ. Въ виду этого, введеніе въ учебникъ опредѣленной

системы опытовъ было бы для преподавателя принудительнымъ навязываніемъ. Между тѣмъ учебникъ составленъ такъ, что даетъ полную возможность преподавателю, не стѣсняя его, иллюстрировать изложеніе курса опытами, какіе онъ найдетъ подходящими и удобными для демонстрированія. Къ этимъ соображеніямъ слѣдуетъ присоединить еще слабую продуктивность книжнаго объясненія опыта для ученика средней школы и значительное увеличеніе объема учебника. Вторымъ дефектомъ моей книжки служитъ отсутствіе рисунковъ. Изъ многолѣтней моей педагогической практики я вынесъ убѣжденіе, что если рисунки и картинки хорошаго достоинства съ успѣхомъ служатъ дѣлу усвоенія учащимися учебнаго матеріала, то плохіе не только не полезны, но и вредны. Хорошіе, красочные рисунки значительно повысили бы стоимость книги, а плохими я, признаться, не хотѣлъ портить книги. Принимая во вниманіе что рисунки въ учебникѣ психологіи касаются, главнымъ образомъ, если не сказать исключительно, физіологической стороны, я думаю, что дѣло гораздо болѣе выиграетъ, если преподаваніе психологіи будетъ сопровождаться демонстрированіемъ существующихъ стѣнныхъ таблицъ и моделей.—Объ остальномъ предоставляю судить свѣдущимъ людямъ.

И. Городенскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I. Предметъ и задачи психологіи 1
Опредѣленіе психологіи стр. 1. Отличіе душевныхъ явленій отъ тѣлесныхъ—3. Задачи психологіи—4.
ГЛАВА II. Методы психологическаго изслѣдованія 5
Субъективный методъ или интроспекція—6. Объективный методъ—8. Экспериментальный методъ—9.
ГЛАВА III. Нервная система, какъ органъ душевной жизни . . 10
Связь душевныхъ явленій съ тѣлесными—10. Общее строеніе физическаго организма—13. Строеніе нервной системы—14. Спинной мозгъ и его функціи—15. Головной мозгъ и его функціи—17.
ГЛАВА IV. Общія условія психической дѣятельности. Сознаніе и вниманіе 20
Сознаніе—20. Узость яснаго сознанія—22. Вниманіе—24. Виды вниманія—25. Условія вниманія—26. Разсѣянность—27.
ГЛАВА V. Общая классификація душевныхъ явленій 28
Основные классы психическихъ состояній—28. Единство психическихъ явленій—30. Раздѣленіе психологіи—31.
ГЛАВА VI. Ощущенія. 31
Образованіе ощущеній—31. Дѣленіе ощущеній—32.
ГЛАВА VII. Органическія и моторныя ощущенія 33
Органическія ощущенія—34. Мускульныя или моторныя ощущенія—35.
ГЛАВА VIII. Внѣшнія ощущенія. Ощущенія осязательныя, вкусовыя и обонятельныя. 37
Внѣшнія ощущенія—37. Осязательныя ощущенія—38. Ощущенія вкуса и обонянія—41.
ГЛАВА IX. Ощущенія слуха и зрѣнія. 43
Ощущенія слуха—43. Природа звуковыхъ ощущеній—45. Зрительныя ощущенія—46. Бинокулярное зрѣніе—49. Природа зрительныхъ ощущеній—53.
ГЛАВА X. Количественная сторона ощущеній. Законъ Вебера-Фехнера. 55
Количественная сторона ощущеній—55. Психофизическій законъ Вебера-Фехнера—56.

ГЛАВА XI. О воспроизведеніи ощущеній 58
Понятіе о воспроизведеніи—58. Виды воспроизведенія—60. Условія репродуктивной дѣятельности сознанія—61. Узнаваніе—61. Воспріятіе—62.

ГЛАВА XII. Виды воспріятій. Воспріятіе пространства 64
Виды воспріятій—64. Воспріятіе пространства—65. Образованіе воспріятій пространства—66.

ГЛАВА XIII. Воспріятіе времени 72
Понятіе о воспріятіи времени—72. Измѣреніе времени—73. Субъективное измѣреніе времени—74. Объективное измѣреніе времени—77.

ГЛАВА XIV. Внѣшнія и внутреннія воспріятія. Апперцепція. Иллюзіи 77
Внѣшнія воспріятія—78. Внутреннія воспріятія—81. Апперцепція—82. Иллюзіи—84.

ГЛАВА XV. О представленіяхъ 85
Представленія—85. Виды представленій—86. Сохраненіе и воспроизведеніе представленій—89.

ГЛАВА XVI. Объ ассоціаціи представленій 90
Понятіе объ ассоціаціи представленій—91. Ассоціація по смежности—93. Ассоціація по сходству—94. Ассоціація по контрасту—95. Косвенныя ассоціаціи—95. Условія, опредѣляющія характеръ и направленіе ассоціаціи представленій—96.

ГЛАВА XVII. О памяти 98
Что такое память?—99. Психофизическое объясненіе происхожденія явленій памяти—100. Индивидуальныя особенности памяти—102. Типы памяти—102. Свойства памяти—105. Упражненіе памяти—106. Значеніе памяти—107. Воспоминаніе и отличіе его отъ воспроизведенія—108.

ГЛАВА XVIII. О воображеніи 109
Понятіе о воображеніи и виды воображенія—110. Природа построительнаго воображенія—112. Формы построенія—114. Пріемы построительнаго воображенія—121. Значеніе воображенія—122.

ГЛАВА XIX. О мышленіи 123
Отличительныя свойства мыслительнаго процесса—124. Пріемы познавательнаго процесса—126. Формы мышленія—129.

ГЛАВА XX. О понятіяхъ 130
Общія представленія или понятія—130. Образованіе понятій—131. Обозначеніе понятій—132. Понятіе и слово—135. Происхожденіе языка—138.

ГЛАВА XXI. О сужденіяхъ 139
Понятіе сужденія—140. Общія условія состоятельности сужденій—143.

ГЛАВА XXII. Объ умозаключеніяхъ 145
Понятіе объ умозаключеніи—146. Формы умозаключеній—147. Виды умозаключеній—149. Значеніе индукціи и дедукціи—153.

ГЛАВА XXIII. Высшія понятія 153
Апріорныя истины—154. Понятіе пространства—154. Понятіе времени—156. Понятіе числа—156. Понятіе причины—157. Понятіе субстанціи -157. Значеніе апріорныхъ понятій—158.

ГЛАВА XXIV. О чувствахъ вообще.
Понятіе о чувствѣ—160. Природа чувства и условія его происхожденія—161. Біологія чувства—169.

ГЛАВА XXV. Свойства чувствъ. Классификація чувствъ. Чувства низшія и высшія. 172
Общія свойства чувствъ—173. Классификація чувствъ —177. Физическія чувства—179. Высшія чувства или эмоціи—182.

ГЛАВА XXVI. Индивидуальныя и соціальныя чувства. 184
Общія свѣдѣнія—185. Индивидуальныя чувства—185. Связь индивидуальныхъ чувствъ съ соціальными—190. Соціальныя чувства—190. Зависимость чувствъ симпатіи отъ опыта—191. Происхожденіе и развитіе чувства симпатіи—193.

ГЛАВА XXVII. Моральное и религіозное чувства 198
Понятіе моральнаго чувства—198. Происхожденіе и развитіе моральнаго чувства—201. Понятіе совѣсти —205. Понятіе религіознаго чувства—207. Происхожденіе религіознаго чувства—208.

ГЛАВА XXVIII. Интеллектуальное чувство 209
Понятіе интеллектуальнаго чувства—210. Происхожденіе интеллектуальнаго чувства—214.

ГЛАВА XXIX. Эстетическое чувство 215
Понятіе эстетическаго чувства—215. Виды эстетическаго чуства—217. Отношеніе между чувствомъ высокого и чувствомъ смѣшного—224. Происхожденіе эстетическаго чувства—224.

ГЛАВА XXX. Характеръ и направленіе чувствъ въ зависимости отъ ихъ интенсивности 225
Аффекты—226. Страсти—227. Настроенія—229.

ГЛАВА XXXI. О движеніяхъ 230
Дѣйствіе, какъ основа волевого процеса—230. Движе-

нія и ихъ виды—231. Произвольныя движенія—235. Происхожденіе волевыхъ движеній—237.

ГЛАВА XXXII. Элементы воли 238
Волевой процессъ—239. Отношеніе воли къ познанію и чувству—239. Влеченіе—240. Желаніе—241. Сложные волевые процессы—242.

ГЛАВА XXXIII. Развитіе воли. 246
Понятіе развитой воли—246. Условія, необходимыя для развитія воли—247. Воздѣйствіе воли на познаніе и чувство—248. Привычки, склонности, характеръ—249.

ГЛАВА XXXIV. О свободѣ воли. 257
Общее понятіе свободы воли—257. Метафизическое разрѣшеніе вопроса о свободѣ воли—258. Свобода воли съ психологической точки зрѣнія—259. Этическое пониманіе свободы воли—261.

ГЛАВА XXXV. Личность. Душа и тѣло 262
Что такое „я“?—263. Эмпирическое „я“ или личность—264. Чистое „я“—267. Душа и тѣло—269.

Просятъ предварительно исправить опечатки.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
1	16 снизу.	φνχγ	ψοχγ
25	2 сверху.	актъ вниманіе	актъ вниманія
25	4—5 св.	первый..... второй	первое .... второе
38	6 сн.	Глава VI	Глава VII
84	8 св.	насываются	называются
99	7 св.	Сикарскаго	Сикорскаго
107	5 сн.	Всѣ	Все
109	15 сн.	какіе были	какія были
112	9 сн.	существующихъ	несуществующихъ
113	7 св.	внѣшныхъ	внѣшнихъ
139	15 сн.	какимъ-либо между ними отношеніемъ	какому-либо между ними отношенію
139	12 сн.	непосредственныя	непосредственная
140	5 сн	«судить».	«судить»?
141	16 сн.	Въ этомъ	На этомъ
159	13 сн.	Глава XIV.	Глава XXIV.
161	1 св.	называтся	называется
164	9 св.	сображенія	соображенія
182	6 сн.	рода	хода
202	13 св.	теоріей	теоріи

Глава I.

Предметъ и задачи психологіи.

Опредѣленіе психологіи. Словесное опредѣленіе. Неудовлетворительность его. Причина: трудность уясненія сущности предмета психологіи—души. Три типическія формы пониманія души: спиритуалистическая, матеріалистическая и эмпирическая. Произвольность спиритуалистическаго и матеріалистическаго воззрѣній на душу и неумѣстность примѣненія ихъ въ психологіи. Научная цѣнность эмпирическаго воззрѣнія. Способъ воспріятія психическихъ явленій. Предметное опредѣленіе психологіи. **Отличіе душевныхъ явленій отъ тѣлесныхъ.** Связь психическихъ явленій съ физическими. Отличительныя свойства душевныхъ явленій: сверхчувственность, субъективность, непространственность, недѣлимость. **Задачи психологіи:** описаніе изучаемыхъ явленій, выясненіе ихъ соотношенія съ физіологическими состояніями организма, раскрытіе законовъ ихъ дѣйствованія и изслѣдованіе сущности ихъ основы—души.

Опредѣленіе психологіи. Психологія—слово греческое; оно состоитъ изъ двухъ словъ φυχὴ и λόγος и въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ науку о душѣ. Такимъ образомъ, предметомъ психологіи является то, что мы называемъ *душой*. Но этимъ опредѣленіемъ психологіи удовлетвориться нельзя: оно отличается неточностью. Неточность его состоитъ въ неопредѣленности того понятія, которое мы называемъ душой. Понятіе это въ обыденномъ, популярномъ употребленіи является противоположностью всему матеріальному, чувственному, всему тому, что можетъ оказать сопротивленіе движенію въ пространствѣ. Научное же углубленіе въ это понятіе, съ цѣлью уясненія его сущности, приводитъ людей къ весьма различному его пониманію. Всѣ различія въ представленіяхъ и понятіяхъ о душѣ сводятся къ тремъ типическимъ формамъ: 1) душа—особое, отличное отъ тѣла начало, особая субстанція, какъ и матерія; 2) душа есть особая форма жизнедѣятельности физическаго организма, его отправленіе или

функція; слѣдовательно, явленіе и свойство вещества, матеріи, 3) душа—совокупность особаго рода явленій, лучше говоря, отвлеченное выраженіе для совокупности явленій, которыя мы называемъ психическими. Первое воззрѣніе называется спиритуалистическимъ, второе—матеріалистическимъ, а третье—эмпирическимъ. Эти разногласія въ пониманіи души зависятъ отъ трудности воспріятія тѣхъ явленій, которыя относятся къ области духовнаго. Какое же изъ указанныхъ воззрѣній должно лечь въ основаніе психологической науки? Изученіе души, какъ особой субстанціи, какъ она существуетъ сама по себѣ, представляется дѣломъ невозможнымъ, такъ какъ она недоступна прямому, непосредственному наблюденію и открывается всегда только въ явленіяхъ, притомъ неразрывно связанныхъ съ тѣлеснымъ организмомъ. Попытки опредѣленія души, какъ особой субстанціи, относятся къ области метафизики *); такое изученіе души не можетъ составлять предмета психологіи, которая имѣетъ въ виду точныя, положительныя знанія. Равнымъ образомъ, изученіе души, какъ произведенія физическаго организма или особаго слѣдствія физико-химическихъ процессовъ, является гипотезой, которая не можетъ лечь въ основу психологической науки. Дѣло въ томъ, что нѣтъ возможности объяснить, какимъ образомъ физико-химическіе процессы, сводимые въ концѣ концовъ къ разнымъ формамъ движенія въ пространствѣ, переходятъ въ явленія, не имѣющія пространственнаго характера. Но если душа недоступна прямому наблюденію и изслѣдованію ни какъ особое существо, ни какъ функція физическаго организма; если самое бытіе ея въ томъ или другомъ смыслѣ не представляется очевиднымъ, то различныя состоянія, дѣятельности, явленія, совершающіяся въ человѣкѣ и объединяемыя въ по-

*) Наука о сверхчувственномъ мірѣ; метафизика занимается разрѣшеніемъ вопросовъ о томъ, что не подлежитъ чувственному воспріятію, а постигается путемъ чистаго разума.

нятіи, которое мы называемъ душою, несомнѣнно существуютъ. Никто изъ насъ не сомнѣвается въ томъ, что существуютъ мысли, чувства, желанія, которыя мы называемъ душевными явленіями. Они для насъ такъ же реальны, какъ движеніе, свѣтъ, звукъ и другія явленія внѣшней, физической природы. Подобно имъ, онѣ доступны не только наблюденію, но и опыту; они также могутъ быть предметомъ научнаго изученія. Они-то и составляютъ предметъ психологіи. Какимъ же образомъ постигаются тѣ явленія и процессы, которые мы называемъ психическими? Каждый человѣкъ сознаетъ ихъ въ себѣ, какъ свою принадлежность, иначе говоря, испытывая ихъ, относитъ ихъ къ себѣ. Совокупностью этихъ явленій опредѣляется сознаніе личности субъекта, его «я». Поэтому душевныя явленія называются еще явленіями сознанія. Такимъ образомъ, возникаетъ болѣе точное опредѣленіе психологіи. *Она есть наука о душѣ, какъ послѣдняя обнаруживается въ явленіяхъ сознанія отдѣльныхъ субъектовъ.*

Отличіе душевныхъ явленій отъ тѣлесныхъ. Чтобы уяснить себѣ задачи психологіи, необходимо знакомство съ природой психическихъ явленій въ отличіе ихъ отъ явленій тѣлесныхъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что душевныя явленія всегда наблюдаются въ связи съ физическими, находятся въ зависимости отъ нихъ, безъ нихъ не существуютъ. Чрезъ физическій организмъ они приходятъ во взаимодѣйствіе съ внѣшнимъ міромъ. Послѣдній, дѣйствуя на физическій организмъ, возбуждаетъ его и тѣмъ даетъ поводъ къ образованію различныхъ душевныхъ состояній. Такимъ образомъ, душевно-внутреннее въ своемъ бытіи и развитіи связано съ внѣшнимъ. Такая тѣсная связь духовнаго съ физическимъ подаетъ поводъ къ частому смѣшенію явленій тѣлесныхъ и явленій физическихъ. Но внимательное углубленіе во все то, что въ насъ происходитъ, убѣждаетъ,

что душевныя явленія обладаютъ опредѣленными, только имъ присущими отличительными свойствами, составляютъ особую группу явленій, особый своеобразный міръ, противоположный физическому. Физическія явленія познаются нами посредствомъ такъ называемыхъ внѣшнихъ чувствъ и ихъ органовъ. Явленія же психическія недоступны никакимъ матеріальнымъ средствамъ и орудіямъ; ихъ нельзя ни видѣть, ни слышать, ни осязать; равнымъ образомъ, они не поддаются ни микроскопическимъ, ни телескопическимъ наблюденіямъ; слѣдовательно, они *сверхчувственны*. Какимъ же образомъ они познаются? Они познаются нами путемъ внутренняго воспріятія, путемъ сознанія испытывающимъ ихъ субъектомъ, т. е. признанія ихъ своими, себѣ приналежащими; поэтому психическія явленія *субъективны*. Какъ явленія сверхчувственныя, они не подлежатъ условіямъ пространственности, немыслимы въ пространствѣ, не подчиняются пространственному положенію и измѣренію; они *непространственны*. Сверхчувственность психическихъ явленій приводитъ къ отсутствію въ нихъ какого-бы то ни было матеріальнаго состава, матеріальныхъ частицъ, а потому они *недѣлимы*. Такимъ образомъ, отличительныя свойства душевныхъ явленій въ противоположность физическимъ слѣдующія: *сверхчувственность*, *субъективность*, *непространственность* и *недѣлимость*.

Задачи психологіи. Имѣя своимъ предметомъ особую группу явленій, называемыхъ психическими, психологія является наукою фактическою. Поэтому она прежде всего должна обстоятельно ознакомиться съ матеріаломъ своего изслѣдованія; первою задачею ея служитъ подробное описаніе изучаемыхъ явленій въ ихъ возникновеніи, развитіи, прекращеніи и во взаимныхъ другъ къ другу соотношеніяхъ. Тѣсная связь душевныхъ явленій съ физическими и ихъ взаимодѣйствіе требуютъ затѣмъ изученія ихъ въ ихъ отношеніи къ физіологическимъ состояніямъ организма. Наблюденія надъ

жизнью человѣка показываютъ, что психическія явленія, какъ и физическія, проявляются и дѣйствуютъ по опредѣленнымъ законамъ. Раскрытіе и объясненіе этихъ законовъ составляетъ также задачу психологіи. Подобно тому, какъ естествоиспытатели, занимаясь явленіями физическаго міра, не отказываются отъ разрѣшенія вопроса о сущности ихъ основнаго начала, матеріи, такъ точно и психологи, изучая явленія сознанія и ихъ законы, конечною задачею своихъ изслѣдованій могутъ имѣть вопросъ о сущности ихъ основны, которую мы называемъ душой. Такимъ образомъ, задачи психологіи состоятъ: 1) *въ описаніи фактовъ сознанія*, 2) *въ выясненіи ихъ отношеній къ физіологическимъ состояніямъ организма*, 3) *въ раскрытіи законовъ ихъ проявленія* и 4) *въ изслѣдованіи сущности ихъ основы, называемой душой.*

Глава II.

Методы психологическаго изслѣдованія.

Необходимость примѣненія въ психологіи смѣшаннаго метода. Причина: разнообразіе и сложность задачъ психологическаго изслѣдованія. Наблюденіе и опытъ—основные пріемы психологіи. **Субъективный методъ или интроспекція.** Сущность интроспективнаго метода. Научная его постановка. Трудности интроспективнаго изслѣдованія: 1) внѣшняя (научно-систематическое наблюденіе, требующее научной подготовки и опыта) и 2) внутреннія (подвижность психическихъ явленій, раздвоеніе сознанія на части созерцающую и созерцаемую, индивидуальныя особенности наблюдающихъ субъектовъ). Средства, устраняющія затрудненія: обращеніе къ памяти и воображенію, показанія авторитетныхъ психологовъ. **Объективный методъ.** Сущность его. Способъ примѣненія (внѣшніе признаки и аналогія). Несовершенства объективнаго метода и причины ихъ: ошибочность аналогіи, скрываніе психическихъ состояній. Объекты психологическаго наблюденія. **Экспериментальный методъ.** Сущность этого метода. Ограниченность его примѣненія. Успѣхи психологическаго эксперимента (психофизика).

Успѣхи психологіи, какъ и всякой науки, находятся въ зависимости отъ примѣняемыхъ въ ней методовъ изслѣдова-

нія. Различныя задачи, преслѣдуемыя психологіей, требуютъ и различныхъ методовъ. Такъ, описаніе фактовъ сознанія, равнымъ образомъ, изслѣдованіе ихъ отношеній къ физіологическимъ состояніямъ организма и раскрытіе законовъ ихъ проявленія требуютъ метода, свойственнаго естествознанію, а именно того метода, который опирается на наблюденіе и опытъ. Изслѣдованіе же основы психическихъ явленій, сущности того начала, которое мы называемъ душой, требуетъ метода умозрительнаго. Такимъ образомъ, разнообразіе и сложность задачъ, преслѣдуемыхъ психологіей, приводитъ къ необходимости пользованія *смѣшаннымъ* методомъ.

Субъективный методъ. Изслѣдованіе явленій душевной жизни, какъ извѣстнаго рода фактовъ, безъ чего невозможно осуществленіе другихъ задачъ психологіи, дѣлаетъ наблюденіе и опытъ основнымъ пріемомъ психологической науки. Но особенность матеріала, съ которымъ имѣетъ дѣло психологія, его противоположность тому матеріалу, которымъ занимается естествовѣдѣніе, придаетъ этому методу спеціальный характеръ. Особая природа душевныхъ явленій исключаетъ возможность чувственнаго ихъ воспріятія, какъ это бываетъ съ явленіями, внѣ насъ находящимися. Психическія явленія суть факты нашего сознанія и потому могутъ быть познаваемы не иначе, какъ путемъ непосредственнаго наблюденія и опыта надъ своимъ собственнымъ «я». Это непосредственное сознаваніе собственныхъ психическихъ состояній называется *самосознаніемъ*. Оно является единственнымъ средствомъ прямого наблюденія надъ душевными явленіями. Безъ него немыслимо обнаруженіе явленій сознанія. Познаніе мысли, удовольствія, желанія невозможно безъ личнаго испытыванія этихъ фактовъ. Отсюда самонаблюденіе является основнымъ методомъ психологическаго изслѣдованія и притомъ методомъ, который спеціально принадлежитъ психологіи. Онъ называется *методомъ субъективнымъ*, *методомъ внутренняго*

наблюденія или интроспекціей. Основное правило этого метода, вытекающее изъ самой сущности внутренняго наблюденія, состоитъ въ томъ, что изслѣдователь психическихъ фактовъ долженъ необходимо начинать изслѣдованіе съ наблюденія себя самого, своихъ собственныхъ состояній. Другого начала нѣтъ и быть не можетъ. Такъ поступаетъ каждый человѣкъ въ обыденной, повседневной жизни. Но психологъ, какъ ученый изслѣдователь, не можетъ ограничиваться легкимъ и поверхностнымъ самонаблюденіемъ обыденной жизни. Прежде всего онъ долженъ тщательно изучить опытныя самонаблюденія, данныя въ сочиненіяхъ лучшихъ изслѣдователей души; затѣмъ, основываясь на этомъ изученіи, онъ долженъ составить себѣ ясное и отчетливое представленіе о каждомъ своемъ состояніи и, главное, путемъ упражненія пріобрѣсти навыкъ сосредоточиваться на любомъ внутреннемъ процессѣ, выдѣлять его изъ всѣхъ другихъ, слѣдить въ себѣ самомъ его видоизмѣненія при различныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, а для этого ему необходимо точно запоминать свои состоянія и съ полною отчетливостью воспроизводить ихъ по собственному желанію. Словомъ, отъ психолога требуется научно-систематическое самонаблюденіе. Такая сложная и напряженная работа представляетъ значительную трудность. она требуетъ спеціальной подготовки, большого навыка и обширнаго опыта. Но помимо этого внѣшняго затрудненія, интроспективный методъ представляетъ и другія трудности; онѣ вытекаютъ изъ сущности того предмета, которымъ занимается психологія. Первое затрудненіе заключается въ подвижности и неустойчивости душевныхъ состояній. Какъ только мы сосредоточиваемъ наше вниманіе на какомъ-нибудь психическомъ явленіи, оно уже готово измѣниться или даже совсѣмъ исчезнуть. Къ этому присоединяется и другое неблагопріятное условіе. При самонаблюденіи энергія сознательной жизни раздробляется, наше «я» распадается на часть созерцающую и созерцаемую;

оно одновременно становится въ положеніе и наблюдателя и наблюдаемаго объекта. Отсюда сосредоточеніе вниманія на психическихъ состояніяхъ ослабляетъ ихъ силу и яркость. Съ другой стороны, наиболѣе своеобразныя и важныя душевныя явленія, какъ напр., глубокое мышленіе, восхищеніе, любовь, страхъ и т. п. захватываютъ человѣка цѣликомъ и препятствуютъ указанному раздвоенію сознанія, а оно является необходимымъ условіемъ самонаблюденія. Для устраненія этого затрудненія прибѣгаютъ къ памяти, которая обладаетъ способностью сохранять пережитыя психическія состоянія. Послѣднія могутъ быть изучаемы путемъ возобновленія ихъ въ воспоминаніи и воображеніи. Кромѣ того, пособіемъ могутъ служить также авторитетныя свидѣтельства психологовъ, представляющія результаты ихъ личнаго внутренняго опыта. Другое затрудненіе въ примѣненіи къ изслѣдованію психическихъ явленій интроспективнаго метода представляютъ индивидуальныя психическія особенности наблюдающихъ лицъ. Психологія, имѣя своимъ предметомъ общіе свойства и законы сознанія, при наблюденіи должна отличать общее отъ частнаго, типическое отъ индивидуальнаго. Частныя особенности наблюдателя могутъ препятствовать объективности наблюденія и дѣлать его односторонним. Такъ напр., если въ основѣ духовнаго организма человѣка преобладаетъ эгоистическое начало, то онъ не можетъ путемъ самонаблюденія констатировать существованіе явленій великодушія и альтруизма. Всѣ указанныя затрудненія въ значительной мѣрѣ ограничиваютъ кругъ примѣненія интроспекціи.

Объективный методъ. Трудности и несовершенства интроспективнаго метода требуютъ въ пособіе къ нему примѣненія иного способа наблюденія, внѣшняго, т. е. наблюденія надъ душевными явленіями, происходящими внѣ насъ, а такими явленіями служатъ душевныя состоянія другихъ существъ. Такой методъ называется *объективнымъ*. Однако

непосредственное наблюденіе надъ фактами сознанія другого лица является дѣломъ невозможнымъ; изученіе ихъ возможно лишь въ ихъ внѣшнихъ проявленіяхъ: взглядѣ, жестахъ, тонѣ голоса, рѣчи, положеніи тѣла, внѣшнихъ его перемѣнахъ и т. п. Приэтомъ для уясненія соотвѣтствующаго внѣшнему знаку душевнаго явленія приходится довольствоваться аналогіей, т. е. заключать о фактахъ сознанія другого существа на основаніи сопоставленія и сравненія ихъ со сходственными фактами своего внутренняго опыта. Такимъ образомъ, въ основѣ внѣшняго наблюденія лежитъ болѣе сложная и трудная форма самонаблюденія, и объективный методъ въ изслѣдованіи психологическаго матеріала является методомъ косвеннымъ, вспомогательнымъ. Зависимость его отъ интроспективнаго метода служитъ причиною слабыхъ его сторонъ. Во первыхъ, изслѣдователь легко можетъ прійти къ ошибочной аналогіи, приписавъ на основаніи внѣшнихъ признаковъ другому то, что онъ нѣкогда самъ переживалъ. Такъ напр., по измѣненіямъ лица стыдъ можетъ быть принятъ за испугъ и наоборотъ. Во вторыхъ, практическая жизнь часто пріучаетъ людей скрывать дѣйствительныя свои внутреннія состоянія; это укрываніе усиливается, когда наблюдаемое лицо замѣчаетъ, что за нимъ наблюдаютъ. Несовершенства внѣшняго наблюденія восполняются наблюденіями въ весьма разнообразныхъ сферахъ проявленія фактовъ сознанія. Въ область ихъ входятъ: 1) нормальныя душевныя состоянія другихъ людей, 2) психическія аномаліи и душевныя болѣзни, 3) психическая жизнь дѣтей и животныхъ и 4) матеріалъ, доставляемый языкомъ; исторіей и литературой.

Экспериментальный методъ. Несовершенства субъективнаго и объективнаго наблюденія привели къ необходимости примѣненія третьяго метода, который носитъ названіе *экспериментальнаго* или *опытнаго*. Сущность его заключается въ намѣренномъ воспроизведеніи изучаемыхъ ду-

шевныхъ явленій при искусственномъ созданіи и измѣненіи условій, вызывающихъ эти явленія. Методъ этотъ является особенно важнымъ въ вопросѣ о взаимоотношеніяхъ между душою и тѣломъ, между душевными состояніями и физическими процессами. Однако слѣдуетъ замѣтить, что область примѣненія этого метода ограничивается изслѣдованіемъ наиболѣе простыхъ и основныхъ явленій, каковы напримѣръ, ощущенія звука, цвѣта и др., чувства удовольствія и неудовольствія и т. п. Въ этомъ отношеніи экспериментальный методъ при помощи приборовъ и психологической статистики сдѣлалъ значительные успѣхи и приблизилъ психологію къ точнымъ наукамъ. Создалась цѣлая область экспериментальной психологіи, которая называется *психофизикой*. Что же касается болѣе сложныхъ явленій, каковы напримѣръ, высокія идеи долга, чести, религіозное и эстетическое чувства, то въ этой сферѣ экспериментальный методъ со своимъ лабораторнымъ характеромъ едва ли можетъ оказаться примѣнимымъ.

Глава III.

Нервная система, какъ органъ душевной жизни.

Связь душевныхъ явленій съ тѣлесными. Показанія повседневнаго житейскаго опыта. Вліяніе состояній физическаго организма на психическую дѣятельность: физическое нездоровье, дѣйствіе различныхъ веществъ, обморочное состояніе. Вліяніе душевныхъ состояній на физическій организмъ: произвольныя движенія, душевныя потрясенія, внѣшній обликъ человѣка. Научное подтвержденіе тѣсной связи между душою и тѣломъ. Основныя положенія. Изученіе психологіи требуетъ физіологическихъ знаній. **Общее строеніе физическаго организма.** Сложность тѣлеснаго механизма. Различныя части его и ихъ назначеніе: 1) костный остовъ, 2) мускулатура, 3) органы внѣшнихъ чувствъ, 4) органы, поддерживающіе дѣятельность физическаго организма и 5) нервная система. Связь между нервной системой и сознаніемъ. Необходимость близкаго знакомства съ физіологіей нервной системы. **Строеніе нервной системы.** Элементы

ея: 1) нервная клѣтка и 2) нервное волокно. Нервные узлы или ганглiи Центральная нервная система. Нервы и ихъ назначеніе. Нервы центростремительные и центробѣжные. **Спинной мозгъ и его функціи.** Строеніе и составъ спинного мозга. Спинно-мозговые нервы и ихъ устройство. Нервные корешки и ихъ назначеніе. Функціи спинного мозга: 1) передача импульсовъ, восходящихъ къ головному мозгу и исходящихъ отъ него и 2) завѣдываніе рефлекторными движеніями. **Головной мозгъ и его функціи.** Составъ головного мозга и его главныя части. 1) *Продолговатый мозгъ,* его положеніе и строеніе. Продолговатый мозгъ, какъ органъ, завѣдывающій сложными рефлекторными движеніями. Слѣдствія поврежденія продолговатаго мозга. 2 *Малый мозгъ,* положеніе и составъ его. Невыясненность его функцій. Предположеніе о контролирующемъ значеніи малаго мозга. 3) *Большой мозгъ,* его положеніе, строеніе и внѣшній видъ. Большой мозгъ, какъ органъ, завѣдывающій сознательной жизнью. Комбинирующая роль головного мозга. Опыты, раскрывающіе значеніе головного мозга, какъ органа сознанія. Локализація душевныхъ способностей. 4) *Черепные нервы* и ихъ назначеніе.

Связь душевныхъ явленій съ тѣлесными. Повседневный житейскій опытъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что между психическими и физическими явленіями нашего бытія существуетъ тѣсная связь и взаимодѣйствіе. Несомнѣнно, что различныя состоянія физическаго организма различнымъ образомъ вліяютъ на психическую дѣятельность. Такъ, бодрость, здоровье тѣла дѣйствуютъ повышающимъ образомъ на психическія отправленія и наоборотъ, состоянія физической слабости, нездоровья понижаютъ, ослабляютъ душевную дѣятельность. Это вліяніе тѣла на душу извѣстно было въ древности и нашло себѣ выраженіе въ извѣстномъ изреченіи. въ здоровомъ тѣлѣ—здоровая душа. Хроническія болѣзни различныхъ органовъ нашего тѣла вліяютъ на душевное состояніе, развивая различныя ненормальности въ психическихъ отправленіяхъ. Болѣзни мозга производятъ разстройство душевной дѣятельности, совершенный распадъ психической жизни, который называется душевной болѣзнью или сумасшествіемъ. Дѣйствіе различныхъ веществъ на физическій организмъ также влечетъ за собою измѣненія въ интенсивности и направленіи психическихъ процессовъ и состояній. Такъ, возбуждающія

средства повышаютъ душевную дѣятельность человѣка. Интересны свѣдѣнія о замѣчательныхъ людяхъ, которые для возбужденія душевной дѣятельности употребляли различныя возбуждающія средства. Наоборотъ, другія средства дѣйствуютъ на духовную природу понижающимъ или подавляющимъ образомъ. Болѣзненныя явленія физическаго организма доводятъ иногда до обморочнаго состоянія, которое сопровождается временнымъ прекращеніемъ сознательной жизни, какъ говорятъ, потерею сознанія.

Не подлежитъ сомнѣнію и то, что душевные процессы, въ свою очередь, оказываютъ воздѣйствіе на физическій организмъ. Вліяніе это наиболѣе наглядпымъ образомъ обнаруживается въ способности по внутреннимъ нашимъ побужденіямъ или, выражаясь точнѣе, по требованію нашего сознанія совершать различныя движенія, которыя поэтому и называются произвольными. Кромѣ того, въ этомъ вліяніи убѣждаютъ насъ факты физическаго разстройства и даже смерти, вызванные сильными душевными движеніями, каковы напр., чувства страха, радости, гнѣва и т. п. Наконецъ, духовная природа человѣка оказываетъ несомнѣнное вліяніе на физическую физіономію человѣка. Внѣшній физическій обликъ человѣка служитъ выраженіемъ его душевнаго склада. На этомъ основана такъ называемая *физіогномика*—искусство распознаванія душевныхъ свойствъ по внѣшнимъ признакамъ: чертамъ лица, движенію рукъ и другимъ тѣлодвиженіямъ.

Но связь между тѣломъ и душой рѣшительнымъ образомъ подтверждается научнымъ изслѣдованіемъ; она доказывается цѣлымъ рядомъ наблюденій и опытовъ, которые приводятъ къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ. Во 1-хъ, процессы души и тѣла связаны между собою во времени, т. е. душевная дѣятельность происходитъ одновременно съ тѣлесною, постоянно съ нею сочетается. Нѣтъ душевныхъ отправленій, которыя не сопровождались бы физическими из-

мѣненіями. Во 2-хъ, взаимодѣйствіе между физическими и психическими процессами характеризуется наглядностью, которая дѣлаетъ возможнымъ опытное его изученіе. Опытъ обнаруживаетъ, что нѣкоторые тѣлесные органы служатъ особеннымъ средствомъ къ проявленію извѣстныхъ психическихъ отправленій. Все это дѣлаетъ необходимымъ при изученіи психологіи знакомство съ физическимъ организмомъ человѣка, съ его физіологическимъ устройствомъ и отправленіями.

Общее строеніе физическаго организма. Человѣческое тѣло представляетъ собою чрезвычайно сложный механизмъ, который состоитъ изъ разнообразныхъ органовъ и приспособленій. Одни изъ нихъ поддерживаютъ тѣло, другіе завѣдываютъ различнаго рода движеніями, третьи приводятъ тѣло въ сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ, четвертые поддерживаютъ дѣятельность тѣлеснаго организма, наконецъ, пятые заправляютъ сознательной жизнью организма.

Основой тѣлеснаго организма человѣка служитъ костный остовъ, состоящій изъ 200 слишкомъ костей. Кости соединяются между собою хрящевыми связками, благодаря которыми происходитъ свободное взаимное движеніе костей. Главнымъ агентомъ, который завѣдываетъ движеніями тѣла, служатъ мышечныя ткани, составляющія такъ называемые мускулы. Мускулы прикрѣплены съ разныхъ сторонъ къ костямъ и обладаютъ особеннымъ свойствомъ, подобно пружинѣ, сокращаться и утолщаться въ той же мѣрѣ, въ какой уменьшается ихъ длина. Части нашего тѣла, приводящія насъ въ сообщеніе съ предметами и явленіями внѣшняго міра называются чувственными органами или органами внѣшнихъ чувствъ. Глаза—зрительные органы, уши — слуховые, носъ — обонятельный, языкъ—вкусовой и кожа—осязательный. Дѣятельность физическаго организма поддеживается особыми органами. Органы, которые превращаютъ пищу въ новое вещество, называются органами пищеваренія; органы, разносящіе пищу въ перера-

ботанномъ видѣ по всему тѣлу, называются органами кровообращенія; органы же, выбрасывающіе изъ тѣла ненужные продукты, называются органами выдѣленія. Къ нимъ присоединяется особый органъ, исполняющій двоякое назначеніе—пріобрѣтеніе нужнаго для тѣла матеріала и выдѣленіе негоднаго —это органъ дыханія. Что касается сознательной жизни организма, то физическимъ органомъ ея является нервная система. Между нервной системой и фактами сознанія существуетъ внутренняя связь. Связь эта раскрывается цѣлымъ рядомъ сравнительныхъ наблюденій и опытовъ. Поэтому при изученіи психологіи особенно необходимымъ является обстоятельное знакомство съ организаціей нервной системы.

Строеніе нервной системы. Нервный механизмъ или нервная система представляетъ изъ себя самое сложное сооруженіе въ физическомъ организмѣ человѣка. Элементами ея служатъ· 1) *нервныя клѣтки*—микроскопическія тѣльца округлой формы и сѣроватаго цвѣта и 2) *нервныя волокна*, фибры—тонкія нити серебристо-бѣлаго цвѣта. Нервныя клѣтки соединяются въ многочисленныя группы различной величины; группы эти носятъ названіе *нервныхъ центровъ*. Одни изъ этихъ центровъ, небольшого объема, разсѣяны по всему организму и называются нервными узлами или *гангліями*. Два же соединенія, особенно крупныя, образуютъ обширные нервные центры: головной и спинной мозгъ; они составляютъ такъ называемую *центральную нервную систему*. Органы центральной нервной системы, головной и спинной мозгъ, защищены костной тканью. Первый имѣетъ форму, приближающуюся къ шару, и заключенъ въ плотный костяной покровъ, называемый черепомъ; второй же, въ видѣ длиннаго, тонкаго цилиндра, помѣщается въ позвоночномъ костномъ каналѣ. Нервные центры соединяются между собою множествомъ нервныхъ нитей или волоконъ, которые соединены между собою въ пучки, называемые нервами. Назначеніе нер-

вовъ—служить проводниками, передавать движенія отъ мозга различнымъ органамъ и обратно. По дѣятельности нервы раздѣляются на два вида. Одни изъ нихъ несутъ импульсы въ центральную нервную систему отъ органовъ чувствъ и называются *центростремительными;* другіе, наоборотъ, передаютъ импульсы центральной системы мышцамъ и называются *центробѣжными*. Назначеніе центростремительныхъ нервовъ—воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній (зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ и др.) и возбужденіе соотвѣтствующихъ ощущеній; поэтому эти нервы называются еще *чувствительными*. Центробѣжные нервы, относя импульсы органовъ центральной нервной системы къ мускуламъ, заставляютъ ихъ сокращаться, отчего и происходятъ различныя движенія; поэтому нервы эти называются *двигательными*.

Спинной мозгъ и его функціи. Спинной мозгъ представляетъ собою тонкій, длинный столбъ мягкаго вещества, берущій свое начало въ головномъ мозгѣ. У человѣка онъ доходитъ до уровня второго поясничнаго позвонка и затѣмъ развѣтвляется на волокна. Онъ состоитъ изъ сѣраго вещества (нервныхъ клѣтокъ), которое лежитъ въ центральной части столба, и вещества бѣлаго, расположеннаго по окружности (нервныя волокна). На протяженіи всего спинного мозга, чрезъ нѣкоторые промежутки, выходятъ изъ него парные нервы, которые называются *спинно-мозговыми* (31 пара). Каждый нервъ начинается двумя корнями переднимъ, идущимъ отъ передней части мозга, и заднимъ—отъ задней его части. Далѣе, на нѣкоторомъ разстояніи отъ мозга, корешки соединяются, образуя такимъ образомъ нервный стволъ, который, выйдя изъ позвоночнаго канала чрезъ отверстія, отдѣляющія два сосѣдніе позвонка, распредѣляется въ извѣстныхъ органахъ человѣческаго тѣла. Нервы, исходящіе изъ спинного мозга, имѣютъ двоякое назначеніе. Одни изъ нихъ относятся къ чувствительнымъ, другіе къ двигательнымъ нер-

вамъ. Чувствительные нервы идутъ въ спинной мозгъ чрезъ задній корень, а двигательные чрезъ передній. Это обнаруживается опытами. При поврежденіи задняго корешка прекращается передача чувствительныхъ импульсовъ, тогда какъ двигательные импульсы, идущіе по переднему, неповрежденному корешку, передаются съ обычною правильностью. И наоборотъ, при поврежденіи передняго корешка двигательные импульсы становятся недѣйствительными, чувствительные же достигаютъ центральной нервной системы и вызываютъ соотвѣтствующія ощущенія.

Что касается функцій спинного мозга, то объ этомъ надлежитъ сказать слѣдующее. При поврежденіи спинного мозга на срединѣ спины человѣкъ утрачиваетъ способность двигать всѣми членами, лежащими ниже мѣста поврежденія. Равнымъ образомъ, онъ становится нечувствительнымъ къ раздраженіямъ, происходящимъ также ниже мѣста поврежденія. Отсюда ясно, что одною изъ функцій спинного мозга служитъ передача импульсовъ, восходящихъ къ головному мозгу или исходящихъ отъ него. Но если у человѣка съ поврежденнымъ спиннымъ мозгомъ гдѣ-нибудь выше крестца пощекотать подошву, то замѣчается иногда внезапное отдергиванье ноги, несмотря на то, что человѣкъ не ощущаетъ щекотанія и не можетъ произвольно двигать ногой. Подобнаго рода явленія находятъ себѣ аналогію въ опытахъ надъ животными. Такъ напримѣръ, если отрѣзать у лягушки голову, то въ ней продолжается нѣкоторое время біеніе сердца, пока его не тронутъ. Обезглавленное животное ничего не чувствуетъ, лишено всякихъ произвольныхъ движеній. Но если его ущипнуть за конецъ лапки, то лапка отдернется. Или, если смочить кусочекъ пропускной бумаги въ кислотѣ и приложить къ лапкѣ, то лапка произведетъ движеніе, направленное на то, чтобы снять бумажку. Кислота, возбуждая кожу, вызываетъ чувствительные импульсы, которые идутъ въ

спинной мозгъ и возбуждаютъ въ немъ обратные импульсы, идущіе въ мышцы лапки, которые и начинаютъ двигаться въ извѣстномъ направленіи. Здѣсь, очевидно, дѣйствуютъ многіе мускулы и притомъ, въ опредѣленной послѣдовательности и съ опредѣленной степенью силы. Отсюда слѣдуетъ, что спинной мозгъ, кромѣ указаннаго назначенія, является самостоятельнымъ органомъ сложныхъ и цѣлесообразныхъ движеній, вызываемыхъ раздраженіемъ центростремительныхъ нервовъ. Движенія эти отличаются правильностью, однообразіемъ, но они непроизвольны и совершаются безъ участія сознанія. Такія движенія называются *рефлекторными движеніями или рефлексами*. Такимъ образомъ, спинной мозгъ является самостоятельнымъ органомъ многихъ рефлекторныхъ движеній.

Головной мозгъ и его функціи. Головной мозгъ по своему устройству представляетъ чрезвычайно сложное сооруженіе. Онъ также состоитъ изъ сѣраго и бѣлаго вещества, совершенно такого же образованія, какъ и въ спинномъ мозгу. Головной мозгъ раздѣляется на слѣдующія главныя части: 1) продолговатый мозгъ, 2) малый мозгъ или мозжечокъ, 3) большой мозгъ и 4) черепные нервы.

1. *Продолговатый мозгъ* занимаетъ нижнюю часть головного мозга; онъ непосредственно переходитъ въ спинной мозгъ и по своему строенію нѣсколько походитъ на него, представляя изъ себя нѣчто похожее на конусъ, обращенный основаніемъ кверху. Въ продолговатомъ мозгу распредѣленіе сѣраго и бѣлаго вещества совершенно такое же, какъ и въ спинномъ; только въ немъ сѣрое вещество въ количественномъ отношеніи преобладаетъ надъ бѣлымъ. Продолговатый мозгъ служитъ для выполненія многихъ весьма сложныхъ рефлекторныхъ движеній. Онъ заключаетъ въ себѣ множество центровъ, важныхъ для поддержанія и сохраненія жизни. Такъ, въ немъ находятся центры, управляющіе актами дыханія, сердцебіенія, глотанія, выдѣленія слюны, мочи и др.

Поврежденіе этихъ центровъ влечетъ за собою остановку соотвѣтствующихъ движеній и смерть.

2. *Малый мозгъ* или такъ называемый *мозжечокъ* расположенъ въ затылочной части черепа. По своему составу онь представляетъ сложную массу сѣраго и бѣлаго вещества и состоитъ изъ двухъ полушарій, которыя симметрично раздѣляются на доли. Соединяясь съ верхнимъ отдѣломъ продолговатаго мозга, мозжечокъ охватываетъ его по бокамъ и даже спускается ниже его. Функціи мозжечка не выяснены. Но сравнительно сложное строеніе и расположеніе частей его заставляетъ предполагать въ немъ органъ важныхъ нервныхъ импульсовъ, органъ, имѣющій контролирующее значеніе.

3. *Большой мозгъ* занимаетъ переднюю часть черепа и состоитъ изъ двухъ равныхъ отдѣловъ, которые называются *полушаріями*. Полушарія почти отдѣлены другъ отъ друга, и только въ нѣкоторой, незначительной своей части соединяются между собою плоскими пучками нервныхъ волоконъ. Мозговая масса большого мозга распредѣляется такъ. Наружная часть полушарій представляетъ толстый слой сѣраго вещества, который называется *мозговой коркой*, во внутренней же части ихъ преобладаетъ бѣлое вещество. Поверхность мозговой корки изборождена многочисленными глубокими складками или извилинами, которыя придаютъ мозгу своеобразный, характерный видъ.

По важности функцій большой мозгъ является вѣнцомъ всего сооруженія нервной системы. Онъ представляетъ собою главнѣйшій центръ, гдѣ обрабатываются и комбинируются всѣ элементарные процессы, возникающіе въ другихъ нервныхъ центрахъ. Въ то время какъ другіе центры служатъ органами рефлекторныхъ движеній, большой мозгъ заправляетъ всѣми произвольными дѣйствіями. Въ немъ совершаются всѣ процессы чувственныхъ воспріятій, мышленія и воли. Многочисленные опыты пролили достаточный свѣтъ на значеніе

мозга въ психической жизни разныхъ существъ и въ частности—человѣка. Лягушка, лишенная мозговыхъ полушарій, но сохранившая всѣ остальныя части головного мозга, отличается отъ лягушки, лишенной совершенно мозга. Послѣдняя лежитъ съ разслабленными членами, сохраняя неизмѣнно то положеніе, которое ей дали, и даже не дышитъ; между тѣмъ первая сидитъ, какъ обыкновенно, и продолжаетъ дышать. Легкое раздраженіе, какъ напр., внезапный свѣтъ, заставляетъ ее двигаться; значитъ, зрительный ея нервъ продолжаетъ дѣйствовать. Если ее перевернуть на спину, то она совершаетъ цѣлый рядъ движеній, стараясь принять естественное сидячее положеніе. Если ее бросить въ воду, то она начинаетъ плавать, пока не выберется изъ воды. Послѣ этого она снова успокаивается и сидитъ неподвижно, пока ее не потревожатъ. Собака, при значительномъ поврежденіи обѣихъ затылочныхъ долей большого мозга, не понимаетъ того, что она видитъ и слышитъ. Она становится совершенно нечувствительной къ угрозамъ побить ее, не обращаетъ вниманія на свою пищу, если она не поставлена на обычное мѣсто, не пугается шума, не слышитъ зова, не безпокоится отъ табачнаго дыма и безъ признаковъ отвращенія пожираетъ трупъ собаки. Но та же собака, встрѣчая препятствія на своемъ пути, обходитъ ихъ и боится яркаго освѣщенія. Очевидно, большой мозгъ является физическимъ органомъ сознательнаго отношенія къ получаемымъ раздраженіямъ и произвольныхъ движеній, иначе говоря, органомъ проявленія дѣятельности нашего сознанія. Наблюденія и опыты даютъ основаніе заключать, что различные виды психическихъ явленій связываются съ опредѣленными частями большого мозга. На этомъ основаніи создалась теорія локализаціи душевныхъ способностей. Теорія эта далеко не представляется законченной; однако успѣхи, сдѣланные въ послѣднее время въ этомъ направленіи, весьма значительны, и знанія наши въ отношеніи

локализаціи функцій головного мозга съ каждымъ годомъ расширяются.

4. Изъ головного мозга выходитъ 12 паръ симметрично расположенныхъ нервовъ, которые называются *черепными*. Одни изъ этихъ нервовъ берутъ свое начало въ продолговатомъ мозгу, другіе выходятъ изъ большого мозга. По своему назначенію черепные нервы раздѣляются на чувствительные и двигательные. Сюда относятся, напр., зрительные, слуховые, обонятельные нервы, а также лицевые, язычно-глоточные и др.

Глава IV.

Общія условія психической дѣятельности. Сознаніе и вниманіе.

Сознаніе. Трудность опредѣленія сознательности. Сознаніе, какъ общая форма душевныхъ состояній. Сознаніе, какъ основное душевное состояніе. Измѣненія въ силѣ и ясности сознанія. Примѣры. **Узость яснаго сознанія.** Ограниченность проявленія сознанія въ зависимости отъ физическихъ условій. Примѣры. Ясное сознаніе. Объемъ и узость яснаго сознанія. Относительность объема яснаго сознанія и условія, отъ которыхъ она зависитъ. Попытки опредѣленія максимальнаго объема яснаго сознанія. Трудность задачи. Ученіе о невозможности одновременнаго возникновенія нѣсколькихъ психическихъ состояній. Доказательства. Условность понятія объема яснаго сознанія. **Вниманіе.** Вниманіе, какъ необходимое условіе сознательности. Отличіе вниманія отъ сознанія. Опредѣленіе вниманія. Двѣ стороны вниманія: положительная и отрицательная. Примѣры. Виды вниманія: непроизвольное и произвольное. Природа непроизвольнаго вниманія и случаи его проявленія. Опредѣленіе произвольнаго вниманія. Примѣры. **Условія вниманія.** Физіологическіе процессы, сопровождающіе собою дѣятельность вниманія. Матеріальныя условія, обезпечивающія проявленіе вниманія. Интересъ, какъ психологическое условіе вниманія. Источники интереса, возбуждающаго вниманія. **Разсѣянность.** Опредѣленіе разсѣянности, какъ состоянія, противоположнаго вниманію. Причины разсѣянности: 1) утомленіе, 2) несовершенство физическаго и духовнаго организма и 3) спеціализація вниманія.

Сознаніе. При изученіи психологіи однимъ изъ основныхъ вопросовъ является вопросъ о томъ, что слѣдуетъ по-

нимать подъ сознаніемъ. Между тѣмъ вопросъ этотъ представляетъ большія трудности. Мы легко понимаемъ сознательность по внѣшнимъ ея проявленіямъ, сущность же ея остается для насъ глубоко непонятною; она не можетъ быть нами представлена. Поэтому напр., логическое опредѣленіе сознанія должно быть основано на тѣхъ фактахъ и явленіяхъ, которые составляютъ предметъ психологіи, а такими фактами и явленіями служатъ психическія состоянія.

Въ предыдущемъ изложеніи выяснено было, что совокупность психическихъ явленій, обнаруживаемыхъ въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ, составляетъ то, что называется душой. Иначе говоря, явленія эти составляютъ то, что мы называемъ нашимъ «я», они же въ совокупности могутъ быть названы также сознаніемъ. Такимъ образомъ, «душа», «я» и «сознаніе» являются названіями одного и того же понятія; они составляютъ общую форму всѣхъ душевныхъ явленій, которыя обнаруживаются въ отдѣльной личности. Таково общее и въ самомъ точномъ смыслѣ пониманіе сознанія. По смыслу этого опредѣленія, всякое психическое явленіе, заключаетъ въ себѣ то, что мы называемъ сознательностью. Въ чемъ же однако состоитъ послѣдняя? Всякое психическое явленіе становится для насъ таковымъ послѣ того, какъ мы, переживая его, относимъ его къ себѣ, къ своему «я», иначе говоря, *сознаемъ* его. Это-то отнесеніе къ себѣ испытываемаго психическаго состоянія и можетъ быть названо сознаніемъ. Принимая во вниманіе, что жизнь человѣка представляетъ непрерывную смѣну психическихъ состояній, сознаніе можетъ быть опредѣлено такъ: *оно есть непрерывное ощущеніе нами нашего психическаго бытія, какъ оно обнаруживается въ испытываемыхъ нами душевныхъ состояніяхъ.* Въ такомъ смыслѣ понимаемое сознаніе является основнымъ душевнымъ состояніемъ, общимъ условіемъ всякаго психическаго факта. Безъ сознанія нѣтъ психическаго явленія, безъ психическаго явле-

нія нѣтъ сознанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ такое пониманіе сознанія отрицаетъ возможность существованія безсознательности психическихъ состояній. Безсознательность можетъ быть понимаема лишь условно, въ смыслѣ минимальнаго сознанія. Отсюда очевидно, что сила и ясность сознанія подвержены измѣненіямъ. Это подтверждаются повседневнымъ нашимъ опытомъ. Такъ, утромъ, послѣ крѣпкаго сна, явленія нашей психической жизни отличаются особенной бодростью, силой и отчетливостью. Напротивъ того, вечеромъ, передъ отходомъ ко сну, явленія эти принимаютъ вялый, слабый и смутный характеръ: чувства слабѣютъ, мысли разсѣянны, желанія безхарактерны и неопредѣленны. Когда же мы, при постепенномъ засыпаніи, погружаемся въ дремоту, то мы становимся нечувствительны къ внѣшнимъ воспріятіямъ, мысли бродятъ въ разсѣяніи, и мы оказываемся все менѣе и менѣе сознательными. Наоборотъ, при постепенномъ пробужденіи отъ сна, сознаніе наше также постепенно проясняется. Въ глубокомъ снѣ сознаніе настолько становится слабымъ и темнымъ, что только какое-нибудь внѣшнее впечатлѣніе, способствующее пробужденію, можетъ возстановить ясность сознанія. Равнымъ образомъ, и при глубокомъ обморокѣ, когда, какъ говорится, человѣкъ теряетъ сознаніе, послѣднее становится чрезвычайно слабымъ и темнымъ, но не прекратившимся, ибо перерывъ его равнялся бы прекращенію жизни.

Узость яснаго сознанія. Сознаніе, какъ основное душевное состояніе, какъ общее условіе психическихъ явленій, есть нѣчто цѣлое, недѣлимое. Отсюда и проявленіе его должно было бы отличаться цѣлостностью. Однако зависимость его отъ физическихъ условій дѣлаетъ его ограниченнымъ. Оказывается, что количество одновременно сознаваемыхъ душевныхъ состояній весьма ограниченно. При этомъ и сила ихъ неодинакова. Обыкновенно, одно изъ нихъ отличается особою отчетливостью и яркостью. Сидя, напр., за какимъ-

нибудь умственнымъ трудомъ, я могу сознательно различать разговоръ, идущій въ сосѣдней комнатѣ, скрыпъ растворяющейся двери, замѣчать летающую муху, ощущать холодъ, или теплоту, усталость и желаніе отдыха, чувствовать скуку, радость, словомъ, испытывать множество различныхъ психическихъ состояній. Но одновременно переживать возможно лишь ограниченное число ихъ съ замѣтнымъ сосредоточеніемъ моего сознанія на одномъ изъ нихъ, въ данномъ случаѣ на моемъ умственномъ трудѣ. Количество душевныхъ состояній, ясно сознаваемыхъ нами въ данный моментъ, называется *объемомъ* или *полемъ яснаго сознанія*, а ограниченіе этого объема нѣсколькими состояніями носитъ названіе *узости яснаго сознанія*. Объемъ или поле яснаго сознанія не есть величина постоянная; размѣры его находятся въ зависимости, во 1-хъ, отъ способностей и психическаго развитія отдѣльныхъ лицъ, а во 2-хъ, отъ различныхъ условій состоянія психофизическаго организма въ данный моментъ. Существуетъ, напр., разсказъ объ одномъ глупомъ солдатѣ, который изъ трехъ составныхъ частей пороха никогда не могъ вспомнить болѣе двухъ. Съ другой стороны, извѣстно свидѣтельство о Юліи Цезарѣ, который обладалъ способностью одновременно слушать докладъ, писать письмо и диктовать четыре другихъ. Опытный спеціалистъ, благодаря навыку, пріобрѣтаетъ способность одновременно воспринимать значительное число впечатлѣній, касающихся его спеціальности. Глубокая мысль, сильное чувство или желаніе, равнымъ образомъ, утомленіе съуживаютъ поле яснаго сознанія. Человѣкъ, захваченный какимъ-нибудь однимъ психическимъ состояніемъ, какъ говорится, ничего не видитъ и не слышитъ.

Были попытки путемъ самонаблюденія и эксперимента опредѣлить максимальное количество душевныхъ состояній, которыя человѣкъ одновременно можетъ испытывать. Различіе добытыхъ психологами данныхъ обнаруживаетъ трудность

въ этомъ отношеніи точнаго опредѣленія. Показанія колеблются отъ 12 до 5 одновременныхъ явленій сознанія. Существуетъ, однако, ученіе, отрицающее возможность одновременнаго возникновенія нѣсколькихъ психическихъ состояній. Исходя изъ непространственности психическихъ явленій, представители этого ученія заключаютъ, что они находятся въ непрерывной преемственности; поэтому въ каждый данный недѣлимый психологическій моментъ душа наша можетъ испытывать лишь одно состояніе. Очевидные, повидимому, факты множественности одновременно сознаваемыхъ различныхъ состояній души объясняются быстротой совершающаго перехода одного явленія въ другое. Если за однимъ состояніемъ возникаетъ другое, то первое съ неуловимой быстротой прекращаетъ свое сознательное бытіе; возвращаясь вновь, оно, въ свою очередь, съ такой же быстротой вытѣсняетъ изъ сознанія предыдущее. Такая быстрая смѣна нѣсколькихъ состояній вызываетъ обманчивое представленіе одновременнаго ихъ существованія. При такомъ пониманіи дѣятельности нашего сознанія понятіе объ объемѣ или полѣ яснаго сознанія является только условнымъ.

Вниманіе. Вниманіе есть такое психическое состояніе, которымъ обусловливается ясность сознанія. Короче говоря, безъ вниманія нѣтъ сознанія. Однако вниманіе не слѣдуетъ отождествлять съ сознаніемъ. Можно смутно сознавать какія-либо психическія состоянія, но не дѣлать ихъ предметомъ вниманія. Непосредственнымъ результатомъ акта вниманія является сила, яркость и отчетливость того психическаго состоянія, которое подлежитъ вниманію. Такимъ образомъ, вниманіе есть особое состояніе нашего сознанія; *оно есть напряженіе сознанія въ опредѣленномъ направленіи.*

Въ актѣ вниманія слѣдуетъ различать двѣ стороны. Когда мы сосредоточиваемъ наше сознаніе на какомъ-либо одномъ психическомъ состояніи, то вслѣдствіе узости яснаго

сознанія, ослабляются или даже совсѣмъ выключаются изъ поля сознанія другія состоянія. Поэтому актъ вниманіе обусловливается двумя дѣйствіями: положительнымъ и отрицательнымъ. Первый состоитъ въ усиленіи одного какого-нибудь душевнаго факта; второй—въ ослабленіи другихъ. Обратимся къ примѣрамъ. Не слыша тиканья карманныхъ часовъ, лежащихъ на столѣ, и желая знать, продожаютъ ли они идти, мы напрягаемъ наше сознаніе, и нужные намъ звуки пріобрѣтаютъ ясность и отчетливость. Или, желая въ толпѣ отыскать знакомаго человѣка, мы присматриваемся, иначе говоря, усиливаемъ дѣятельность нашего сознанія и находимъ того, кого намъ нужно. Имѣя, напримѣръ, надобность возстановить въ нашемъ сознаніи событія дня, мы напряженіемъ памяти слѣдимъ за ходомъ ихъ и такимъ образомъ возстановляемъ ихъ преемственность. Напротивъ того, всякое развлеченіе или обращеніе къ различнымъ ощущеніямъ ослабляетъ или даже совершенно заглушаетъ то психическое состояніе, которымъ въ данный моментъ занято поле нашего сознанія. Желая, напримѣръ, избавиться отъ ощущенія мучительной боли, мы прибѣгаемъ къ какому-либо сосредоточенному физическому или умственному труду, и наоборотъ, желая заглушить тяжесть душевнаго гнета, мы прибѣгаемъ къ вызову физической боли. При какомъ-либо умственномъ трудѣ или любопытномъ зрѣлищѣ ослабѣваетъ или даже совсѣмъ исчезаетъ чувство жажды, голода и т. п. Находясь подъ гнетомъ тяжелаго душевнаго состоянія, мы стараемся развлечь себя прогулкою, имѣя въ виду различнаго рода внѣшнія впечатлѣнія.

Виды вниманія. Различаютъ два вида вниманія: *непроизвольное* и *произвольное*. Простѣйшую форму вниманія представляетъ непроизвольное или пассивное вниманіе. Оно вызывается просто силою внѣшняго или внутренняго возбужденія безъ всякаго участія сознательнаго намѣренія. Не-

произвольное вниманіе имѣетъ сходство съ рефлекторными движеніями и потому по аналогіи можетъ быть названо рефлекторнымъ. Оно наблюдается въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Такъ напримѣръ, маленькій ребенокъ нѣкоторое время пристально смотритъ на внесенный въ комнату свѣтъ, который возбуждаетъ въ немъ пріятный эффектъ. Взрослые люди также на каждомъ шагу, какъ говорится, обращаютъ невольное вниманіе на различнаго рода какъ внѣшнія, такъ и внутреннія возбужденія. Учитель, разсказывающій урокъ, невольно отвлекаетъ свое вниманіе различнаго рода дѣйствіями учениковъ. Вниманіе человѣка, сосредоточенное въ данный моментъ на какомъ-нибудь психическомъ состояніи, можетъ быть непроизвольно отвлечено, напримѣръ, мухою, раздражающею тѣло, или какою-нибудь внезапно явившеюся мыслью, или другимъ какимъ-либо психическимъ явленіемъ. Но душевная жизнь человѣка не ограничивается однимъ непроизвольнымъ вниманіемъ. На ряду съ нимъ и нерѣдко изъ него является сознательное намѣреніе сосредоточить вниманіе на какомъ-нибудь психическомъ процессѣ. Это-то намѣренное сосредоточеніе нашего сознанія на какомъ-либо одномъ предметѣ называется *произвольнымъ* или *активнымъ вниманіемъ*. Побуждаемый интересомъ знанія, ученый сосредоточиваетъ свое вгиманіе на скучныхъ математическихъ выкладкахъ, ожидая для себя отъ нихъ интересныхъ результатовъ. Учитель, проникнутый сознаніемъ долга и пользы, сосредоточиваетъ вниманіе на процессѣ выспрашиванья учениковъ и т. п.

Условія вниманія. Дѣятельность вниманія сопровождается физіологическими процессами. Область его расположена, какъ полагаютъ, въ высшихъ нервныхъ центрахъ мозговыхъ полушарій. Оно, какъ показываетъ утомленіе послѣ сильной его дѣятельности, требуетъ нервнаго напряженія извѣстныхъ областей мозга. На ряду съ этимъ актъ внѣшняго вниманія сопровождается усиленной мускульной работой. Та-

кимъ образомъ, работа вниманія влечетъ за собою расходованіе какъ нервныхъ, такъ и мышечныхъ тканей, которыя требуютъ своего возстановленія. Отсюда, для здоровой, продолжительной и цѣлесообразной дѣятельности вниманія необходимы прежде всего матеріальныя условія, обезпечивающія здоровье и бодрость организма, а именно: здоровая кровь, возстановляющая разрушенныя ткани, хорошее питаніе, нормальный отдыхъ, главнымъ образомъ, въ формѣ продолжительнаго и спокойнаго сна. Къ этимъ матеріальнымъ условіямъ присоединяется и психологическое; оно состоитъ въ интересѣ вниманія. Возбужденіе интереса можетъ достигаться различными путями. Во 1-хъ, онъ можетъ вызываться свойствами самихъ предметовъ. Таковъ, напр., интересъ, привлекающій наше вниманіе къ картинамъ природы, произведеніямъ искусства и т. п. Во 2-хъ, источникомъ интереса можетъ служить связь предмета съ прошлою психическою жизнью. Мы со вниманіемъ слушаемъ разсказъ о какомъ-либо происшествіи, которое напоминаетъ намъ факты, нѣкогда вызвавшіе въ насъ извѣстное психическое состояніе. Наконецъ, интересъ можетъ быть возбужденъ развитою любовью къ знаніямъ, т. е. тѣмъ, что мы называемъ любознательностью. Сила такого интереса находится въ зависимости отъ степени духовнаго развитія человѣка и его образованности.

Разсѣянность. Состояніе, характеризуемое слабою дѣятельностью вниманія, въ особенности активнаго, называется *разсѣянностью*. Оно выражается въ неспособности сосредоточенія человѣка на одномъ какомъ-либо предметѣ или явленіи. Причины разсѣянности различны. Къ нимъ относятся, во 1-хъ, утомленіе. Продолжительный и напряженный физическій трудъ дѣлаетъ человѣка на нѣкоторое время неспособнымъ къ проявленію вниманія и вызываетъ состояніе разсѣянности. Утомленный человѣкъ, какъ говорятъ, духовно тупѣетъ. Другою причиною разсѣянности служитъ несовершен-

ство психофизической организаціи человѣка. Бываютъ люди, отъ природы склонные къ разсѣянности. Степень природной разсѣянности можетъ доходить до болѣзненнаго состоянія, причина котораго состоитъ въ ненормальномъ состояніи головного мозга. Болѣе слабая степень природной разсѣянности можетъ быть до нѣкоторой степени устранена воспитательными мѣрами. Съ другой стороны, неправильное воспитаніе можетъ повлечь за собою искусственное развитіе разсѣянности, которая обнаруживается въ отсутствіи прочныхъ убѣжденій, постоянныхъ интересовъ и привязанностей, опредѣленныхъ навыковъ и цѣлей жизни (Акакій Акакіевичъ Башмачкинъ, Евгеній Онѣгинъ). Наконецъ, причиною разсѣянности можетъ быть спеціализація вниманія, т. е. постоянное и глубокое сосредоточеніе вниманія на одномъ какомъ-либо предметѣ. Такою разсѣянностью особенно отличаются люди, имѣющіе склонность къ отвлеченному мышленію, каковы, напр., математики, философы (Сократъ).

Глава V.

Общая классификація душевныхъ явленій.

Основные классы психическихъ состояній. Сложность и разнообразіе психическихъ процессовъ. Примѣры и ихъ анализъ. Возможность сведенія всего разнообразія психическихъ явленій къ тремъ категоріямъ. Научная классификація душевныхъ способностей, какъ результатъ опытнаго обобщенія. Три класса душевныхъ способностей и ихъ опредѣленіе. **Единство психическихъ явленій.** Единство сознанія и условность дѣленія психическихъ явленій на способности. Примѣръ. Цѣль дѣленія. **Раздѣленіе психологіи.**

Основные классы психическихъ состояній. Сознаніе и вниманіе, какъ видно изъ предыдущаго, являются общими условіями психической жизни человѣка. Душевная же дѣятельность человѣка слагается изъ чрезвычайно многихъ и

разнообразныхъ психическихъ процессовъ. Самые, повидимому, простые акты нашей повседневной жизни, при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи, оказываются явленіями весьма сложнаго психическаго состава. Напр., простой фактъ выхода нашего изъ дома по какому-либо дѣлу слагается изъ ряда многихъ и разнообразныхъ психическихъ процессовъ. Я вспоминаю, что у меня въ городѣ есть дѣло. Въ головѣ моей зарождается идея выхода изъ дома и возникаетъ намѣреніе ея исполненія. Вслѣдъ за этимъ я получаю ощущеніе отъ шума падающаго дождя или завыванія вѣтра. Воображеніе мое рисуетъ картину неблагопріятной для выхода изъ дома погоды. Во мнѣ пробуждается чувство неудовольствія и нежеланіе выходить изъ дома. Сознаніе необходимости или интереса побѣждаетъ непріятное чувство, и я прихожу къ рѣшенію выйти. Или, я сижу въ креслахъ и предаюсь отдыху. Мнѣ говорятъ объ интересныхъ газетныхъ сообщеніяхъ. Во мнѣ зарождается желаніе прочесть газету. Она лежитъ въ сосѣдней комнатѣ. Потребность покоя вызываетъ непріятное чувство, въ виду необходимости встать и пройтись въ сосѣднюю комнату; является нежеланіе исполнить это. Но любопытство побѣждаетъ неохоту къ движеніямъ, и я рѣшаю встать и пойти за газетой. Анализируя всѣ данныя психическія явленія, мы находимъ въ нихъ большое разнообразіе. Здѣсь есть: воспоминаніе, мысль или идея, внѣшнее воспріятіе или ощущеніе, представленіе, чувствованіе, желаніе, намѣреніе и рѣшеніе. Однако все это разнообразіе можетъ быть сведено къ нѣсколькимъ общимъ классамъ или категоріямъ. Одни изъ данныхъ явленій могутъ быть отнесены къ процессамъ умственнымъ, другія—къ чувственнымъ состояніямъ или чувствамъ, третьи, наконецъ, составляютъ факты волевой дѣятельности. На этомъ основаніи возникаетъ общая научная классификація психическихъ явленій съ раздѣленіемъ ихъ на три основные класса: *познаніе*, *чувство* и *волю*.

1. Познаніе — совокупность мыслительныхъ дѣйствій, направленныхъ къ пріобрѣтенію и возобновленію всякаго рода знаній. Сюда относятся, напр., ощущенія, воспоминанія, умственные образы или представленія, разсужденія и др.

2. Къ явленіямъ чувственнымъ относятся всѣ душевныя состоянія удовольствія и неудовольствія. Такія состоянія носятъ названіе волненій, эмоцій, каковы, напр., радость, печаль, гнѣвъ, страхъ, восторгъ, удивленіе и т. д.

3. Волевыя явленія—такія душевныя состоянія, которыя заключаютъ въ себѣ позывъ или возбужденіе къ дѣйствію, иначе говоря, къ перенесенію силы внутренней на что-либо внѣшнее. Таковы наши влеченія, желанія, намѣренія и т. п.

Единство психическихъ явленій. Указанные три класса душевныхъ явленій обыкновенно называютъ *душевными способностями*. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что этому термину нѣкоторые психологи придавали значеніе самостоятельной субстанціи или сущности. По ихъ мнѣнію, каждая способность является особенной «скрытой силой», которая имѣетъ въ нашей душѣ отдѣльное, самостоятельное существованіе. Противъ такого представленія говорятъ наблюденія надъ общимъ ходомъ жизни души или сознанія. Хотя сознаніе и представляетъ собою состояніе сложное, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно есть нѣчто единое и недѣлимое. Всѣ элементы его, несмотря на ихъ разнообразіе, такъ тѣсно и органически связаны другъ съ другомъ, что въ каждомъ актѣ нашей сознательной жизни находятся, можно сказать, въ совмѣстномъ существованіи. Такимъ образомъ, всякое наше дѣйствіе, какъ слѣдствіе душевной работы, является результатомъ соединеннаго участія всѣхъ трехъ классовъ психическихъ явленій, или, какъ говорятъ, всѣхъ трехъ способностей. Возьмемъ, напр., фактъ подаянія неимущему. На первый взглядъ этотъ фактъ, выражая собою наше рѣшеніе, основанное на желаніи

помочь ближнему, является слѣдствіемъ волевого момента нашего сознанія. Между тѣмъ ближайшее разсмотрѣніе его показываетъ, что онъ есть слѣдствіе всѣхъ трехъ моментовъ сознанія, а именно идеи о любви къ ближнему, чувства состраданія къ чужому несчастію и стремленія, направленнаго къ разрѣшенію этихъ душевныхъ процессовъ путемъ перенесенія ихъ во внѣшній міръ. Такимъ образомъ, дѣленіе психическихъ явленій на классы или «способности» является актомъ умственнымъ, имѣющимъ условное значеніе. Цѣль этого дѣленія понятна. Оно имѣетъ въ виду изслѣдованіе цѣлаго и сложнаго въ его составныхъ частяхъ и основныхъ элементахъ, т. е. разсмотрѣніе отдѣльныхъ сторонъ душевной организаціи.

Раздѣленіе психологіи. Согласно установленному дѣленію психическихъ явленій на три класса или три способности, и психологія можетъ быть раздѣлена на три отдѣла: на *психологію познанія, психологію чувства и психологію воли.*

Отдѣлъ I.

Психологія познанія.

Глава VI.

Ощущенія.

Образованіе ощущеній. Познаніе, какъ необходимое условіе земного существованія человѣка. Роль тѣла въ дѣлѣ познанія. Раздраженіе нервной системы. Участіе сознающей силы. Ощущеніе, какъ результатъ общей психофизической работы. Условія возникновенія ощущеній: 1) дѣйствіе внѣшней матеріальной силы, 2) раздраженіе нервной системы и 3) дѣятельность сознанія. Опредѣленіе ощущенія. Понятіе о чувствительности. **Дѣленіе ощущеній.** Разнообразіе и сложность явленій чувствительности. Возможность ихъ раздѣленія. Дѣленіе ощущеній на группы: 1) органическія или общія ощущенія, 2) моторныя ощущенія и 3) внѣшнія ощущенія.

Образованіе ощущеній. Пребываніе человѣка, какъ духовнаго организма, среди физическаго міра приводитъ къ

необходимому условію его земного существованія—познанію этого міра. Посредникомъ для этого познанія является физическій организмъ человѣка, который въ тоже время есть и объектъ познанія. Всякое знаніе, какъ результатъ процесса познанія, получается при помощи особыхъ физическихъ приспособленій, органовъ, получающихъ отъ соприкосновенія съ предметами и явленіями физическаго міра механическіе слѣды. Слѣды эти обыкновенно называютъ *впечатлѣніями*. Но чтобы эти механическіе слѣды стали матеріаломъ для познанія, необходимо участіе сознанія. Достигается это содѣйствіемъ нервной системы, а именно путемъ передачи раздраженія отдѣльныхъ нервовъ въ центральную нервную систему, главнымъ образомъ, въ сѣрое вещество головного мозга при посредствѣ сосредоточенія вниманія на этомъ раздраженіи. Результатомъ этой психофизической работы является психическій фактъ, который называется *ощущеніемъ*. Такимъ образомъ, необходимыми условіями образованія ощущенія служатъ: 1) дѣйствіе матеріальной силы, находящейся во внѣшнемъ мірѣ или въ физическомъ организмѣ, 2) раздраженіе нервной системы, и какъ слѣдствіе этого раздраженія 3) измѣненіе душевнаго состоянія при участіи дѣятельности вниманія. Изъ анализа условій возникновенія ощущенія вытекаетъ опредѣленіе послѣдняго. *Ощущеніе есть психическое состояніе, какъ непосредственный результатъ раздраженія нервной системы путемъ воздѣйствія на нее матеріальной силы.* Изъ опредѣленія ощущенія явствуетъ, что въ немъ заключается начало душевной жизни: съ него начинается жизнь души въ связи съ тѣломъ и физическимъ міромъ. Слѣдовательно, ощущеніе есть первичное, простѣйшее и основное душевное состояніе. Воспріимчивость человѣка къ ощущеніямъ называютъ обыкновенно *чувствительностью*.

Дѣленіе ощущеній. Явленія чувствительности представляютъ непрерывный рядъ фактовъ, изъ которыхъ сла-

гается психофизическая жизнь человѣка. Явленія эти отличаются большимъ разнообразіемъ и сложностью. Занимаясь какимъ-нибудь дѣломъ или находясь въ состояніи отдыха, мы испытываемъ множество различныхъ ощущеній: зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ, ощущеній боли, усталости, недомоганія и проч. Всѣ они тѣсно сплетаются другъ съ другомъ, образуя сложныя соединенія или, какъ говорятъ, *комплексы*. Однако ближайшій анализъ этихъ соединеній приводитъ къ возможности разобраться въ нихъ, отдѣлить одно ощущеніе отъ другого, а также опредѣлить ихъ *качественное* и *количественное* отличіе. Качественный анализъ ощущеній обнаруживаетъ, что они различаются какъ по физіологическимъ органамъ, такъ и по психическимъ свойствамъ и въ этомъ отношеніи могутъ быть раздѣлены на три группы. Одну группу составляютъ тѣ ощущенія, которыя находятся въ связи съ физико-химическими процессами организма, какъ-то: пищеваренія, кровообращенія, дыханія и пр. Они носятъ названіе *органическихъ* или *общихъ ощущеній*. Другія ощущенія являются результатомъ раздраженія мускульныхъ нервовъ и связаны съ различнаго рода движеніями. Они называются *мускульными* или *моторными ощущеніями*. Къ третьей группѣ относятся тѣ ощущенія, которыя получаются путемъ нервныхъ раздраженій, производимыхъ предметами и явленіями внѣшняго міра. Поэтому они называются *внѣшними ощущеніями* или *ощущеніями внѣшнихъ органовъ чувствъ*.

Глава VI.

Органическія и моторныя ощущенія.

Органическія ощущенія. Опредѣленіе органическихъ ощущеній и главнѣйшіе ихъ виды. Нервы, заправляющіе органическими ощущеніями. Отличительныя свойства органическихъ ощущеній: простота, неопредѣленность, сложность, чувственный характеръ, слабость лока-

лизаціи. иррадіація. **Моторныя или мускульныя ощущенія.** Опредѣленіе. Нервы, завѣдывающіе моторными ощущеніями. Главнѣйшіе виды моторныхъ ощущеній: 1) ощущеніе движенія и 2) ощущеніе напряженія или соприкосновенія. Особенности моторныхъ ощущеній: волевой характеръ, связь съ осязательными ощущеніями. Значеніе моторныхъ ощущеній въ психической жизни человѣка.

Органическія ощущенія. Къ органическимъ ощущеніямъ относятся всѣ тѣ ощущенія, которыя вызываются въ нашемъ сознаніи состояніемъ различнаго рода тканей и происходящими въ нихъ измѣненіями подъ вліяніемъ физіологическихъ процессовъ, которыми обусловливается психофизическая жизнь организма. Сюда относятся, напр., ощущенія недомоганія при разстройствѣ той или другой ткани и ея отправленій и противоположныя имъ ощущенія здороваго состоянія, ощущеніе бодрости и утомленія, ощущеніе дѣятельнаго состоянія и состоянія отдыха. Къ органическимъ ощущеніямъ принадлежатъ также спеціальныя ощущенія, связанныя съ опредѣленными органическими отправленіями, каковы, напр., ощущенія, связанныя съ процессами: дыханія (свободное и затрудненное дыханіе), питанія (чувство голода, жажды, тошноты, тяжести, какъ послѣдствія неправильнаго пищеваренія), кровообращенія (ощущенія правильнаго и неправильнаго кровообращенія, головокруженіе, сердечныя остановки и замиранія), половой дѣятельности и др. Органическія ощущенія являются результатомъ раздраженія чувствительныхъ нервовъ, не имѣющихъ спеціальныхъ приспособленій или такъ называемыхъ концевыхъ аппаратовъ. Нервы эти расположены во всѣхъ органахъ, заправляющихъ жизненными процессами нашего тѣла. Органическія ощущенія составляютъ группу самыхъ простыхъ, низшихъ ощущеній. Каждое изъ нихъ, въ отдѣльности взятое, отличается слабостью сознанія и относительною неопредѣленностью. Органическія ощущенія возникаютъ обыкновенно группами. Образуя разнообразныя соединенія, они вызываютъ болѣе или менѣе опредѣленное сознаніе

извѣстнаго состоянія организма. здоровья, недомоганія, утомленія, силы, слабости и проч. Характерную черту органическихъ ощущеній представляетъ связь ихъ съ чувствами удовольствія и страданія. Ощущенія, которыя являются результатомъ нормальныхъ отправленій организма, сопровождаются чувствомъ пріятнымъ; наоборотъ, ощущенія, получаемыя отъ ненормальныхъ органическихъ процессовъ, вызываютъ чувство непріятное, чувство страданія. Совокупное дѣйствіе различнаго рода органическихъ ощущеній выражается въ томъ общемъ состояніи сознанія, которое мы называемъ *самочувствіемъ*. Смотря по тому, какое чувство является преобладающимъ, удовольствіе или страданіе, самочувствіе называемъ хорошимъ или плохимъ. Вслѣдствіе тѣсной связи органическихъ ощущеній съ чувствами, ихъ называютъ также *ощущеніями жизни*: ими опредѣляются состоянія нашего организма. Отличительную особенность органическихъ ощущеній составляетъ слабость ихъ локализаціи. Нерѣдко наблюдается, напр., тотъ фактъ, что извѣстнаго рода органическое ощущеніе сопровождается однороднымъ ощущеніемъ, получаемымъ изъ другихъ частей тѣла. Такъ, напр., ощущеніе боли одного зуба влечетъ за собою ощущеніе боли другихъ зубовъ, вслѣдствіе чего происходятъ ошибки при ихъ удаленіи. Явленіе это объясняется такъ называемой *иррадіаціей*, т. е. распространеніемъ ощущенія на части тѣла, смежныя съ тѣми, въ которыхъ они возникаютъ. Физіологическая причина иррадіаціи заключается въ строеніи и расположеніи нервовъ, заправляющихъ органическими ощущеніями.

Мускульныя или моторныя ощущенія. Мускульныя или моторныя ощущенія составляютъ ту группу ощущеній, которыя вызываются какъ произвольными, такъ и непроизвольными движеніями различныхъ частей тѣла. Моторныя ощущенія получаются отъ раздраженія нервовъ, расположенныхъ въ мускулахъ, сухожиліяхъ и въ поверхности

суставовъ. Ощущенія, вызываемыя мускульной дѣятельностью, сводятся къ двумъ главнымъ видамъ: 1) *ощущеніямъ движенія* или *свободнаго выхода энергіи*; они приводятъ къ различенію направленія и скорости движенія. Такъ, напр., посредствомъ ощущеній движенія мы распознаемъ протяженіе предметовъ, относительное положеніе ихъ, форму и размѣры: 2) второй видъ составляютъ *ощущенія напряженія или направленія*, которое мы стараемся преодолѣть при движеніи. Таковы, напр., ощущенія при поднятіи тяжести, передвиженіи ея съ одного мѣста на другое и т. п. Изъ получаемаго ощущенія количества затрачиваемой энергіи на преодолѣніе сопротивленія возникаютъ производныя ощущенія: твердости, мягкости, жидкости, газообразности, равнымъ образомъ, ощущенія тяжести, и др. Особенность мускульныхъ ощущеній составляетъ ихъ связь съ волевыми состояніями или ихъ активность. Это объясняется тѣмъ, что множество мускульныхъ движеній, вызывающихъ моторныя ощущенія, является результатомъ сознательныхъ намѣреній и рѣшеній. Къ особенностямъ мускульныхъ ощущеній слѣдуетъ еще отнести ихъ тѣсную связь съ ощущеніями осязательными. Связь эта такъ тѣсна и постоянна, что нѣкоторые психологи причисляютъ моторныя ощущенія къ осязательнымъ. Какъ о связи моторныхъ ощущеній съ осязательными, такъ и о ихъ различіи удобнѣе распространяться въ главѣ объ осязательныхъ ощущеніяхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что мускульныя ощущенія играютъ важную роль въ душевной жизни человѣка. Въ связи съ другими ощущеніями они служатъ источникомъ многихъ весьма важныхъ и существенныхъ знаній. Болѣе подробное выясненіе этого вопроса послѣдуетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Глава VIII.

Внѣшнія ощущенія. Ощущенія осязательныя, вкусовыя и обонятельныя.

Внѣшнія ощущенія. Опредѣленіе. Строеніе нервовъ, завѣдывающихъ внѣшними ощущеніями. Качественная различимость внѣшнихъ ощущеній. Пять классовъ внѣшнихъ ощущеній: зрительныя, слуховыя, вкусовыя, обонятельныя и осязательныя. Сравнительная качественная и количественная цѣнность внѣшнихъ ощущеній. **Осязательныя ощущенія.** Происхожденіе ихъ. Строеніе нервнаго аппарата. Виды осязательныхъ ощущеній: 1) *ощущенія температуры* и 2) *ощущенія соприкосновенія*. Происхожденіе термическихъ ощущеній. Зависимость ихъ отъ температуры кожи. Понятіе о нулѣ термическаго ощущенія или физіологическомъ нулѣ. Относительность температуры физіологическаго нуля. Причины термическихъ ощущеній: наружная и внутренняя. Вліяніе температуры физіологическаго нуля на термическую чувствительность. Неодинаковая чувствительность различныхъ частей кожи. Осложненіе термическихъ ощущеній. Ощущенія соприкосновенія и ихъ главнѣйшія формы: а) собственно осязательныя ощущенія, ихъ происхожденіе и осложненіе; б) ощущенія давленія и связь ихъ съ мускульными ощущеніями. Зависимость ощущеній давленія отъ площади раздраженія. Различіе чувствительности различныхъ частей кожи. Особенность осязательныхъ ощущеній: способность ихъ къ локализаціи; опытъ. Значеніе осязательныхъ ощущеній въ психической жизни человѣка. **Ощущенія вкуса и обоняніе.** Происхожденіе вкусовыхъ ощущеній. Нервъ, заправляющій вкусовыми ощущеніями; устройство его концевого аппарата. Разнообразіе и сложность вкусовыхъ ощущеній. Основные виды ощущеній вкуса. Смѣшанныя и осложненныя формы вкусовыхъ ощущеній. Ощущенія сложныхъ пищевыхъ продуктовъ. Происхожденіе обонятельныхъ ощущеній. Нервъ, завѣдывающій обонятельными ощущеніями; устройство его концевого аппарата. Тонкость обонятельнаго чувства. Качественное разнообразіе обонятельныхъ ощущеній и невозможность ихъ классификаціи. Осложненіе обонятельныхъ ощущеній. Значеніе вкусовыхъ и обонятельныхъ ощущеній въ психической жизни человѣка.

Внѣшнія ощущенія. Внѣшними ощущеніями называются тѣ ощущенія, источникомъ которыхъ служатъ нервныя раздраженія, происходящія на периферіи тѣла отъ дѣйствія предметовъ и явленій внѣшняго міра. Нервы, несущіе нашему сознанію эти раздраженія, снабжены цѣлесообразно

устроенными и расположенными на поверхности тѣла концевыми аппаратами, которые представляютъ собою спеціальныя органы для воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній. Вслѣдствіе этого, ощущенія, получаемыя чрезъ эти органы, отличаются качественною опредѣленностью и легко отличимы одно отъ другого. По качественному различію внѣшнія ощущенія дѣлятся на пять классовъ: ощущенія зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса и осязанія. Они носятъ общее названіе *внѣшнихъ чувствъ*. По качеству и количеству матеріала, играющаго роль въ психической жизни человѣка, внѣшнія ощущенія должны быть распредѣлены въ слѣдующемъ восходящемъ порядкѣ: осязательныя ощущенія, затѣмъ вкусовыя и обонятельныя и наконецъ, слуховыя и зрительныя.

Осязательныя ощущенія. Ощущенія осязанія есть результатъ нервнаго раздраженія, происходящаго отъ механическаго дѣйствія различнаго рода физическихъ тѣлъ: твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ. Ощущенія эти получаются при посредствѣ особеннаго аппарата или органа—*кожи;* поэтому осязательныя ощущенія въ чистомъ своемъ видѣ правильнѣе было бы называть «кожными ощущеніями». Кожа представляетъ собою жировой слой, эпителій, эпидерму. Во внутреннихъ слояхъ ея въ огромномъ количествѣ расположены концы чувствительныхъ нервовъ, идущихъ отъ теменныхъ долей большого мозга, частію непосредственно, частію чрезъ спинной мозгъ. Концы эти снабжены особыми приспособленіями въ видѣ микроскопическихъ сосковъ, которые называются «осязательными сосочками». Внутри сосочковъ заключаются осязательныя тѣльца, которыя соединяются съ корнями волосъ, что увеличиваетъ ихъ чувствительность. Ощущенія, вызываемыя раздраженіемъ осязательныхъ нервовъ, довольно разнообразны. Изъ нихъ наибольшею опредѣленностью отличаются: 1) ощущенія температуры и 2) ощущенія соприкосновенія.

1. *Ощущенія температуры* или *термическія ощущенія* опредѣляются различеніемъ тепла и холода. Для этихъ ощущеній, какъ предполагаютъ, существуютъ спеціальныя формы нервныхъ концовъ, такъ какъ термическія раздраженія возникаютъ въ особыхъ, маленькихъ участкахъ кожи съ особыми нервными волокнами. Термическія ощущенія вызываются нервнымъ раздраженіемъ, происходящимъ отъ колебаній чрезвычайно тонкаго вещества, называемаго эѳиромъ. Ощущенія тепла и холода относительны и находятся въ зависимости отъ температуры кожи. При извѣстной температурѣ участка кожи послѣдняя становится безразличной къ воспріятію тепла и холода. Такое состояніе называется *нулемъ термическаго ощущенія* или *физіологическимъ нулемъ*. Такъ какъ кожа обладаетъ способностью приспособляться къ внѣшнимъ температурнымъ условіямъ, то поэтому температура физіологическаго нуля не всегда и притомъ не для всѣхъ частей тѣла одинакова. Средняя высота ея для покрытаго платьемъ туловища равняется приблизительно 34° Цельсія, для пальцевъ и лица значительно ниже. Причинами ощущеній тепла и холода служатъ, съ одной стороны, наружная—прикосновеніе посторонніхъ тѣлъ, а съ другой,—внутренняя—измѣненія въ кровообращеніи. Опредѣленіе причины, вызвавшей то или другое термическое ощущеніе, не всегда представляется возможнымъ. Чувствительность къ внѣшнему теплу или холоду достигаетъ наибольшей тонкости, когда температура дѣйствующаго на кожу тѣла приближается къ физіологическому нулю. Такъ, при температурѣ тѣла въ предѣлахъ отъ 32° до 35° Цельсія ощущается разница отъ 0,15 до 0,2 градуса. Приэтомъ въ различныхъ частяхъ кожи чувствительность эта неодинакова. Особенною чувствительностью отличаются концы пальцевъ, ладонь, губы, языкъ, подошвы ногъ; менѣе чувствительны: задняя часть шеи и, вообще, спина, въ особенности въ верхнихъ областяхъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что

термическія ощущенія обыкновенно осложняются другими ощущеніями—давленія и боли.

2. *Ощущенія* возбуждаемыя *соприкосновеніемъ*, отличаются значительнымъ качественнымъ разнобразіемъ. Однако они могутъ быть сведены къ двумъ главнымъ формамъ: а) собственно осязательныя ощущенія и б) ощущенія давленія.

а. Благодаря особой чувствительности осязательнаго аппарата, ощущенія могутъ быть возбуждаемы незначительнымъ прикосновеніемъ самаго легкаго тѣла. Это и есть осязательныя ощущенія въ строгомъ смыслѣ этого слова. Въ чистомъ видѣ такія ощущенія получаются отъ соприкосновенія съ очень мягкими и легкими тѣлами. Обыкновенно же такого рода ощущенія связаны съ движеніемъ, т. е. осложнены мускульными ощущеніями. Таковы, напр., ощущенія гладкаго и шероховатаго.

б. Другого рода осязательныя ощущенія возбуждаются прикосновеніемъ болѣе или менѣе тяжелаго тѣла, надавливающаго на извѣстный участокъ кожи. Ихъ называютъ ощущеніями давленія. Они всегда связаны съ мускульными ощущеніями сопротивленія. Таковы, напр., ощущенія твердаго и мягкаго, остраго и тупого и др. Ощущенія давленія тѣмъ яснѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ меньше затронутый раздраженіемъ участокъ. Давленіе, равномѣрно распространенное на всю поверхность кожи, совсѣмъ нечувствительно, какъ напр., давленіе окружающей атмосферы.

Чувствительность отъ соприкосновенія въ разныхъ частяхъ кожи также неодинакова. Наиболѣе чувствительны: кожа на лбу возлѣ висковъ, концы пальцевъ, кончикъ языка, а наименѣе—задняя сторона шеи и средина спины.

Особенность осязательныхъ ощущеній составляетъ способность ихъ къ локализаціи, т. е. отнесеніе ихъ нашимъ сознаніемъ къ опредѣленнымъ участкамъ кожи. Такъ, не видя внѣшней причины, возбуждающей осязательное ощущеніе,

мы безъ труда распознаемъ мѣсто прикосновенія. Способность локализаціи различныхъ частей кожи провѣряется и измѣряется опытами. Берутъ циркуль и, раздвинувъ его ножки. приставляютъ ихъ къ кожѣ. Наименьшая длина линіи двухъ точекъ прикосновенія, при которой получаются ощущенія двухъ отдѣльныхъ прикосновеній, служитъ показателемъ степени способности даннаго кожнаго мѣста къ локализаціи Такъ, на кончикѣ языка линія эта равняется 0,04 дюйма. тогда какъ на срединѣ спины она достигаетъ 2,64 дюйма.

Сами по себѣ осязательныя ощущенія мало продуктивны въ отношеніи пріобрѣтенія нами познаній о внѣшнемъ мірѣ, но осложненныя мускульными ощущеніями, они являются весьма важнымъ источникомъ многихъ, существенныхъ познаній. Посредствомъ подобнаго рода сложныхъ ощущеній мы знакомимся со многими свойствами предметовъ: вѣсомъ, формою, размѣрами, пространственными ихъ измѣреніями и мн. др.

Ощущенія вкуса и обоняніе. *Ощущенія вкуса* происходятъ отъ раздраженія слизистой оболочки языка и нёба, вызываемаго химическимъ дѣйствіемъ тѣлъ, приведенныхъ въ жидкое состояніе. Нервъ, заправляющій вкусовыми ощущеніями, беретъ начало въ височныхъ доляхъ большого мозга и, развѣтвляясь въ языкѣ и передней части неба, заканчивается различной величины бугорками или такъ называемыми «вкусовыми сосочками». Наибольшее количество этихъ бугорковъ лежитъ на верхней части языка у его кончика и по краямъ, что и дѣлаетъ эти части наиболѣе чувствительными къ вкусовымъ ощущеніямъ. Вкусовыя ощущенія отличаются большимъ разнообразіемъ и сложностью. Не осложненные никакими другими ощущеніями, они сводятся къ четыремъ основнымъ видамъ: ощущенія сладкаго, горькаго, кислаго и соленаго. Всѣ же остальные виды представляютъ собой или смѣшанныя формы основныхъ вкусовъ (горько-

соленый, кисло-сладкій и др.), или же соединеніе вкусовыхъ ощущеній съ другими. преимущественно обонятельными и осязательными (вяжущій, острый, ѣдкій, металлическій и т. п.). Что касается ощущеній вкуса, которыми мы въ нашемъ сознаніи различаемъ вкусъ различныхъ сложныхъ пищевыхъ продуктовъ, какъ напр., мяса, молока, масла, плодовъ и др., то при несомнѣнной ихъ сложности, способъ ихъ сложенія для насъ остается неизвѣстнымъ.

Обонятельныя ощущенія также являются результатомъ химическаго дѣйствія на слизистую оболочку носа тѣлъ, приведенныхъ въ газообразное состояніе. Обонятельный нервъ начинается также въ височныхъ доляхъ большого мозга; затѣмъ онъ развѣтвляется по слизистой оболочкѣ носовой полости и заканчивается обонятельными клѣточками—микроскопическими тѣльцами формы веретенца. Кончики этихъ клѣточекъ выступаютъ на поверхность оболочки и приходятъ въ соприкосновеніе съ воздухомъ. Обонятельныя ощущенія отличаются тонкостью и чрезвычайнымъ разнообразіемъ. Тонкость обонянія доходитъ до различенія специфическаго запаха нѣкоторыхъ пахучихъ веществъ, взятыхъ въ микроскопическихъ дозахъ. Такъ, 0,0000005 долей милиграмма спиртовой вытяжки мускуса достаточно, чтобы почувствовать запахъ этого вещества. Что касается качественнаго разнообразія обонятельныхъ ощущеній, то оно столь велико, что ощущенія эти не поддаются никакой классификаціи. Въ языкѣ не существуетъ даже установленныхъ словесныхъ обозначеній для ощущеній обонянія, и мы называемъ различные запахи именами тѣхъ веществъ или предметовъ, которые служатъ ихъ источниками, какъ напр., запахъ розы, фіалки, мускуса, камфоры и т. д. Кромѣ того, обонятельныя ощущенія осложняются также и другими, преимущественно вкусовыми и осязательными. Ощущенія обонятельно-вкусовыя характеризуются возбужденіемъ, которое мы называемъ *аппетитомъ*;

ощущенія обонятельно-осязательныя вызываются ѣдкими запахами, какъ напр., горчицы, нашатырнаго спирта и т. п.

Какъ вкусовыя, такъ и обонятельныя ощущенія болѣе удовлетворяютъ физіологическимъ потребностямъ организма и мало имѣютъ значенія въ дѣлѣ познанія внѣшняго міра; поэтому въ психической жизни человѣка они не играютъ важной роли.

Глава IX.

Ощущенія слуха и зрѣнія.

Ощущенія слуха. Происхожденіе ихъ. Слуховой нервъ и его концевой аппаратъ—ухо. Строеніе уха. Дѣленіе уха на части: внѣшнее, среднее и внутреннее ухо. Внѣшнее ухо: ушная раковина, слуховой каналъ, барабанная перепонка. Среднее ухо: Евстахіева труба, система подвижныхъ косточекъ, отверстія съ эластичными перепонками. Внутреннее ухо: эндолимфа, полукружные каналы, преддверіе и улитка. Устройство улитки: костяная перегородка, базилярная перепонка, органъ Корти. Процессъ образованія слуховыхъ ощущеній. **Природа слуховыхъ ощущеній.** Предѣлы воздушныхъ колебаній, вызывающихъ звуковыя ощущенія. Высота звука и ея причина. Качественное различіе звуковыхъ ощущеній (чистые звуки и шумы). Сложность звуковъ; тоны, какъ звуковые элементы Звуковая окраска или тембръ. **Зрительныя ощущенія.** Происхожденіе ихъ. Зрительный нервъ и его концевой аппаратъ—глазъ. Устройство глаза. Наружная часть глаза: склеротика, сосудистая оболочка и сѣтчатка. Строеніе сѣтчатки: палочки и колбочки, желтое и бѣлое пятно. Внутренняя часть глаза: система прозрачныхъ преломляющихъ тѣлъ. Процессъ образованія зрительныхъ ощущеній: значеніе желтаго пятна, фото-химическое свойство палочекъ и колбочекъ, роль системы преломляющихъ тѣлъ и въ особенности хрусталика (аккомодація). Конвергенція. **Бинокулярное зрѣніе.** Глазъ, какъ самостоятельный зрительный аппаратъ. Отличіе бинокулярнаго зрѣнія отъ монокулярнаго. Опытъ съ ниткой. Бинокулярное зрѣніе, какъ условіе воспріятія третьяго измѣренія. Объясненіе причины этого. Опытъ съ рукою. Провѣрка искусственными опытами. Опытъ съ конусомъ. Стереоскопъ. Устройство его. Простѣйшій опытъ стереоскопическаго зрѣнія. **Природа зрительныхъ ощущеній.** Виды зрительныхъ ощущеній: ощущенія свѣтовыя, цвѣтовыя и ощущенія различенія въ общемъ свѣтовомъ полѣ отдѣльныхъ предметовъ. Ощущенія свѣта и тьмы и ихъ происхожденіе.

Различіе цвѣтовъ. Цвѣта простые и сложные и ихъ образованіе. Основные и смѣшанные цвѣта. Нейтральные и дополнительные цвѣта. Значеніе слуховыхъ и зрительныхъ ощущеній въ психической жизни человѣка. Особенное значеніе зрѣнія и происхожденіе слова міросозерцаніе.

Ощущенія слуха. Ощущенія слуха происходятъ вслѣдствіе механическаго раздраженія слухового нерва дѣйствіемъ на него волнообразныхъ колебаній воздуха. Слуховой нервъ выходитъ изъ височныхъ долей большого мозга и заканчивается аппаратомъ весьма сложнаго устройства, который называется *ухомъ*. Ухо состоитъ изъ трехъ частей, которыя носятъ названія внѣшняго, средняго и внутренняго уха. Внѣшнее ухо состоитъ изъ ушной раковины, играющей роль резонатора, и слухового канала, отдѣленнаго отъ средняго уха воронкообразною барабанною перепонкою. Среднее ухо или такъ называемая барабанная полость представляетъ собою камеру, наполненную воздухомъ и соединенную особымъ каналомъ (Евстахіевой трубой) съ полостями носа и рта. Въ камерѣ находится система подвижныхъ слуховыхъ косточекъ (молоточекъ, наковальня и стремя), которыя, будучи соединены съ барабанною перепонкою, передаютъ ея колебанія внутреннему уху. За барабанною полостью слѣдуетъ самая важная часть слухового аппарата—внутреннее ухо, соединенное съ среднимъ двумя небольшими отверстіями, которыя затянуты эластичными перепонками. Внутреннее ухо, иначе ушной лабиринтъ, состоитъ изъ трехъ тѣсно соединенныхъ между собою отдѣленій, которыя наполнены водянистою жидкостью—эндолимфою. Верхнее отдѣленіе представляетъ собою три полукружныхъ канала, среднее — камеру, называемую преддверіемъ, и нижняя—спиралью согнутую трубку, которая поэтому называется улиткою. Улитка—самая важная часть ушного лабиринта. Это—узкій каналъ, спиралью согнутый въ два съ половиною оборота и раздѣленный внутри костяною перегородкою. Между краями костяной перегородки и наруж-

ной стѣнкой улитки находится незначительное пространство, затянутое перепонкой, которая называется основой или базилярной перепонкой. Она состоитъ изъ огромнаго количества тонкихъ эластичныхъ нитей, которыя представляютъ собою развѣтвленія слухового нерва. Нити эти, натянутыя поперекъ улитки, подобно струнамъ фортепіано или арфы, отличаются другъ отъ друга длиною, а вмѣстѣ съ тѣмъ и высотою воспроизводимыхъ тоновъ. Надъ нитями возвышаются тонкія, палочковидныя клѣтки, дугообразно расположенныя въ видѣ арки; онѣ называются «палочками Корти». Съ наружной стороны этихъ палочекъ расположено въ нѣсколько рядовъ множество вооруженныхъ рѣсничками клѣточекъ, непосредственно связанныхъ со слуховымъ нервомъ. Система кортіевыхъ дугъ со всѣми непосредственно примыкающими къ нимъ образованіями называется органомъ Корти.

Слуховой процессъ совершается слѣдующимъ образомъ. Воздушныя волны, производимыя колебаніями звучащаго тѣла, поступаютъ чрезъ ушную раковину въ слуховой каналъ и приводятъ въ колебательныя движенія барабанную перепонку, а вмѣстѣ съ нею и слуховыя косточки. Движенія эти чрезъ посредство эластичной оболочки, закрывающей входъ въ лабиринтъ, приводятъ въ колебательное состояніе водянистую жидкость ушного лабиринта. Отъ этого колебанія жидкости приходятъ въ сотрясеніе «струны» базилярной перепонки, а ихъ колебанія посредствомъ органа Корти достигаютъ слухового нерва.

Природа звуковыхъ ощущеній. Ощущенія звука вызываются воздушными колебаніями въ предѣлахъ отъ 16 до 50.000 въ секунду. Быстротою колебаній опредѣляется тоновая высота звука. Чѣмъ быстрѣе колебанія, тѣмъ выше звукъ. Не всѣ люди обладаютъ одинаковой чувствительностью въ отношеніи различенія высоты тоновъ, въ особенности, тоновъ значительной высоты. Въ качественномъ отношеніи слу-

ховыя ощущенія подраздѣляются на двѣ группы. Къ первой группѣ относятся *правильные* или *чистые*, иначе музыкальные звуки, таковы звуки человѣческаго голоса и музыкальныхъ инструментовъ. Они получаются отъ равномѣрныхъ періодическихъ воздушныхъ колебаній. Вторую группу составляютъ смутные, смѣшаннаго характера звуки, называемые *шумами*. Происхожденіе ихъ зависитъ отъ безпорядочной и лишенной періодичности смѣны колебательныхъ движеній воздуха. Къ нимъ относятся многочисленные звуки неопредѣленнаго характера, каковы напр., трескъ, стукъ, гулъ толпы, грохотъ отъ ѣдущаго экипажа и много др. Какъ звуки, такъ и шумы отличаются сложностью и могутъ быть разложены на простые звуковые элементы, которые называются *тонами*. Наибольшею простотою и чистотою тоновъ отличаются звуки, издаваемые камертонами. Отъ сложности звуковъ зависитъ ихъ окраска, по которой мы отличаемъ звуки человѣческаго голоса отъ звуковъ инструментовъ, а также звуки одного инструмента отъ другого. Эта звуковая окраска, по которой мы отличаемъ одинъ инструментъ отъ другого, называется *тембромъ*. Научный анализъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ различіе звукового тембра, составляетъ предметъ физики.

Зрительныя ощущенія. Зрительныя ощущенія получаются путемъ химическаго раздраженія зрительныхъ нервовъ дѣйствіемъ на нихъ тонкаго вещества—свѣтового эѳира. Зрительные нервы идутъ отъ затылочныхъ долей большого мозга и заканчиваются весьма сложнымъ аппаратомъ, который называется *глазомъ*. Глазъ представляетъ собою хорошо защищенный шарообразный органъ. Наружная часть его состоитъ изъ трехъ концентрическихъ оболочекъ Верхняя—твердая, бѣлая называется *бѣлкомъ* или *склеротикой;* средняя—тонкая, обильная сосудами—*сосудистая оболочка;* она въ передней части глаза переходитъ въ кольцевидную, окрашенную въ какой-либо цвѣтъ занавѣску, которая называется

радужной оболочкой; въ центрѣ радужной оболочки находится отверстіе—*зрачокъ*. Внутренняя оболочка представляетъ чашевидное развѣтвленіе зрительнаго нерва; она состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ и называется *сѣтчаткой* или *ретиной*. Отдѣльныя ея волокна заканчиваются цилиндрическими и веретенообразными клѣтками, которыя называются *палочками* и *колбочками*. Сѣтчатка, подобно фотографической пластинкѣ, является воспринимающимъ зрительныя впечатлѣнія аппаратомъ и потому есть самая существенная и важная часть глаза. На ней находится два замѣчательныхъ пункта. Одинъ изъ нихъ, состоящій исключительно изъ колбочекъ, отличается особенною чувствительностью къ свѣту и служитъ такимъ образомъ центромъ наиболѣе яснаго зрѣнія; онъ называется *желтымъ пятномъ*. На недалекомъ отъ него разстояніи расположенъ другой пунктъ, лишенный совершенно палочекъ и колбочекъ и потому нечувствительный къ воспріятію зрительныхъ впечатлѣній. Онъ называется *бѣлымъ, слѣпымъ* или *маріоттовымъ пятномъ*. Внутренняя часть глазного яблока представляетъ собою помѣщеніе, похожее на камеръ-обскуру; въ ней помѣщается система прозрачныхъ, преломляющихъ свѣтовые лучи тѣлъ, а именно: 1) *водянистая жидкость*, 2) *хрусталикъ*—небольшое плотное эластичное тѣльце, по формѣ приближающееся къ двояковыпуклому стеклу и 3) *стекловидное тѣло*—особенно прозрачное, полужидкое вещество, по формѣ похожее на луковицу.

Процессъ образованія зрительныхъ ощущеній слѣдующій. Свѣтовые лучи, исходящіе отъ предмета, попадая чрезъ зрачокъ во внутренность глаза, проходятъ чрезъ систему прозрачныхъ преломляющихъ тѣлъ и, по общимъ оптическимъ законамъ, достигаютъ ретины, сосредоточиваясь преимущественно на желтомъ пятнѣ глаза. Отъ фотохимическаго дѣйствія ихъ на палочки и колбочки ретины происходитъ разложеніе свѣточувствительнаго вещества послѣднихъ. Процессъ этотъ вызы-

ваетъ раздраженіе зрительнаго нерва, который относитъ это раздраженіе соотвѣтствующимъ частямъ большого мозга. Необходимымъ условіемъ отчетливости получаемаго на ретинѣ изображенія является сосредоточеніе лучей на желтомъ пятнѣ ея. Это достигается системою преломляющихъ тѣлъ и главнымъ образомъ хрусталикомъ. Послѣдній, благодаря своей эластичности, обладаетъ способностью дѣйствіемъ различныхъ мускуловъ измѣнять кривизну своей поверхности и независимо отъ относительнаго къ глазу положенія и разстоянія видимаго предмета собирать лучи такъ, чтобы изображеніе его, получаемое на ретинѣ, достигало наибольшей ясности. Мѣсто наибольшей ясности изображенія называется *фокусомъ*. Это свойство хрусталика приспособляться къ полученію наиболѣе яснаго изображенія называется *аккомодаціей*. Точка предмета, которая отражается на желтомъ пятнѣ, называется *фиксаціонной точкой*, а видѣніе этой точки называется *фиксированіемъ*.

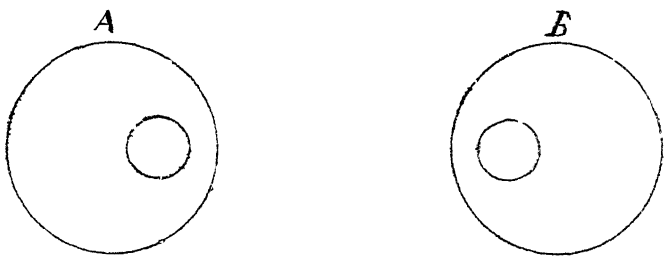
Зрительный процессъ, производимый однимъ глазомъ, называется *монокулярнымъ зрѣніемъ*; зрѣніе же, совершаемое посредствомъ двухъ глазъ, называется *бинокулярнымъ*. Совмѣстная и одинаковая работа обоихъ глазъ, дающая одно общее зрительное ощущеніе, объясняется тѣмъ цѣлесообразнымъ устройствомъ ихъ, которое даетъ имъ возможность путемъ одновременной аккомадаціи обоихъ хрусталиковъ сосредоточить фокусы лучей видимаго предмета на желтыхъ пятнахъ. Дѣло представляется такъ. Если мы будемъ фиксировать какую-либо точку разсматриваемаго предмета, то эта фиксаціонная точка одновременно отразится на желтыхъ пятнахъ обоихъ глазъ; что же касается другихъ точекъ того же предмета, то они расположатся на сѣтчаткахъ вокругъ желтыхъ пятенъ и притомъ совершенно симметрично въ обоихъ глазахъ. Эти симметрическіе точки сѣтчатокъ, лежащіе на одинаковомъ разстояніи и въ одномъ направленіи отъ желтыхъ пятенъ, называются *соотвѣтствующими* или *тождественными*

точками. Эти точки обладаютъ той особенностью, что при одновременномъ ихъ раздраженіи они даютъ ощущеніе не двухъ предметовъ, а одного, т. е. происходитъ сліяніе двухъ изображеній въ одно. Такая непроизвольная, чисто механическая способность глазъ одновременно сосредоточивать фокусы лучей видимаго предмета на желтыхъ пятнахъ называется *конвергенціей*.

Бинокулярное зрѣніе. Каждый глазъ, взятый въ отдѣльности, представляетъ собою самостоятельный, вполнѣ законченный зрительный аппаратъ. Эта самостоятельность легко обнаруживается тѣмъ, что мы въ своей зрительной практикѣ можемъ безъ особеннаго ущерба обходиться каждымъ глазомъ въ отдѣльности. Такъ. закрывши одинъ глазъ, мы съ достаточною отчетливостью получаемъ зрительныя ощущенія, повидимому, безъ всякихъ существенныхъ измѣненій. На этомъ основаніи существовало весьма долго убѣжденіе о равноцѣнномъ значеніи обоихъ глазъ. Но тогда представляется вопросъ, для чего же намъ два глаза? Вопросъ этотъ выясненъ сравнительно недавно. Внимательныя наблюденія и опыты показали, что бинокулярное зрѣніе отличается отъ монокулярнаго. Это прежде всего можно обнаружить путемъ слѣдующаго простого опыта. Если, напр., передъ бѣлой стѣной на нѣкоторомъ отъ нея разстояніи протянуть въ вертикальномъ направленіи нитку такъ, чтобы не было видно точекъ прикрѣпленія ея, то при бинокулярномъ зрѣніи мы безъ труда можемъ опредѣлить разстояніе нитки отъ стѣны, что безошибочно провѣряется мускульно-осязательнымъ опытомъ руки. Если же мы на ту же нитку будемъ смотрѣть однимъ глазомъ, то точное опредѣленіе разстоянія нитки отъ стѣны является затруднительнымъ, и при попыткѣ схватить ее рукою мы будемъ дѣлать ошибки. Этимъ обнаруживается, что бинокулярное зрѣніе способствуетъ точному опредѣленію нами разстояній или того, что мы называемъ глубиною предметовъ или третьимъ измѣреніемъ. Какова же причина этого? Обратимся къ фак-

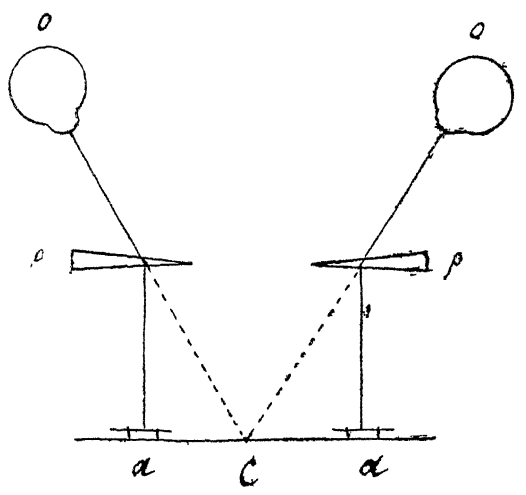
тамъ. Если мы помѣстимъ на близкомъ разстояніи отъ нашихъ глазъ какой-нибудь предметъ и будемъ, попеременно закрывая одинъ глазъ, другимъ смотрѣть на этотъ предметъ, то безъ труда замѣтимъ, что одинъ глазъ будетъ видѣть иначе, чѣмъ другой. Такъ напр., если мы станемъ держать на близкомъ между глазами разстояніи руку ребромъ и притомъ такъ, чтобы ладонь занимала въ отношеніи къ лицу перпендикулярное положеніе, то закрывши одинъ глазъ, мы другимъ будемъ видѣть ладонь, а закрывши другой, первымъ увидимъ тыльную сторону руки. Когда же мы посмотримъ на руку обоими глазами, то эта односторонность пропадетъ, и мы увидимъ руку въ болѣе совершенномъ видѣ, а именно, она съ большею ясностью представится намъ распространенною въ глубину. вслѣдствіе этого, изображеніе руки сдѣлается для насъ болѣе рельефнымъ, тѣлеснымъ. Ясно, что когда мы смотримъ на какой-нибудь предметъ, то на сѣтчаткахъ обоихъ глазъ получаются изображенія нѣсколько другъ отъ друга отличныя, которыя, въ силу того, что они размѣщаются на соотвѣтствующихъ точкахъ сѣтчатокъ, сливаются въ одно и притомъ рельефное изображеніе. Такимъ образомъ, различіе изображеній на сѣтчаткахъ обоихъ глазъ и должно быть принимаемо за причину того, что посредствомъ бинокулярнаго зрѣнія мы воспринимаемъ третье измѣреніе или тѣлесность предметовъ. Это происходитъ отъ того, что наши два глаза смотрятъ на предметы съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Такое свойство бинокулярнаго зрѣнія провѣряется и искусственными опытами. Представленіе тѣлесности можетъ быть вызвано безъ дѣйствительнаго существованія какого-либо тѣлеснаго предмета, а только посредствомъ предоставленія каждому глазу въ отдѣльности такого изображенія, которое ему свойственно при смотрѣніи на тѣлесный предметъ. Можно взять, напр., усѣченный параллельно основанію конусъ и помѣстить его передъ глазами, на равномъ отъ каждаго изъ нихъ разстояніи, повернувъ его къ лицу сѣченіемъ. Затѣмъ, закрывши

правый глазъ, срисовать точное изображеніе конуса, какъ оно представляется лѣвому, и наоборотъ, закрывши лѣвый глазъ, начертить изображеніе, получаемое въ правомъ. Изображенія эти будутъ отличаться одно отъ другого приблизительно такъ, какъ мы видимъ это на рисункѣ (см. фиг. 1). Приэтомъ



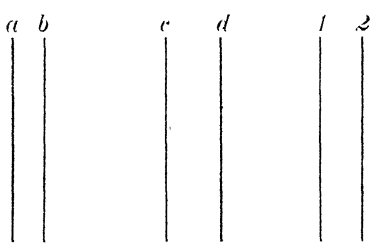
фиг 1

каждое изъ нихъ не даетъ намъ никакого представленія тѣлесности. Если же мы съумѣемъ установить наше зрѣніе такъ, что лѣвымъ глазомъ будемъ смотрѣть на вершину изображенія А, а правымъ на вершину В, то получится тѣлесное изображеніе конуса, какъ-будто мы разсматриваемъ настоящій конусъ. Но вслѣдствіе привычки всегда направлять оба глаза на одну и туже точку, такое смотрѣніе представляется затруднительнымъ. Затрудненіе это можетъ быть устранено посредствомъ особаго прибора, извѣстнаго подъ названіемъ *стереоскопа*. Положимъ, что *a*, *a* (см. фиг. 2) представляютъ собою ри-



фиг 2.

сунки съ плоскими изображеніями конуса, какъ его видятъ оба глаза *o*, *o* въ отдѣльности. Для того, чтобы имѣть возможность фиксировать одновременно эти рисунки, оба глаза должны были бы стоять параллельно. Но чтобы достигнуть того же самаго при обыкновенномъ расположеніи глазъ, для этого помѣщаютъ между глазами и рисунками призмы *p*, *p*, преломляющіе углы которыхъ обращены внутрь. Тогда свѣтовые лучи, идущіе отъ *a*, *a*, отклонятся такъ, что изображенія въ обѣихъ сѣтчаткахъ упадутъ на мѣста яснѣйшаго зрѣнія. Между тѣмъ оба глаза будутъ фиксировать одну точку *C*. При такомъ положеніи внутренніе круги рисунковъ *A* и *B* (фиг. 1) помѣстятся на соотвѣтственныхъ точкахъ обѣихъ сѣтчатокъ, вслѣдствіе чего они, какъ извѣстно, сольются въ одно и притомъ рельефное изображеніе. Такимъ образомъ, сущность стереоскопа состоитъ въ томъ, что при помощи его мы имѣемъ возможность два нѣсколько различныхъ плоскихъ изображенія одного и того же предмета, соотвѣтствующихъ видѣнію обоихъ глазъ, но въ отдѣльности, видѣть слитыми въ одно рельефное изображеніе. Простѣйшимъ опытомъ стереоскопическаго зрѣнія служитъ слѣдующій. Если каждому глазу показать въ стереоскопѣ по двѣ параллельныхъ вертикальныхъ линіи, но на различныхъ одна отъ другой разстояніяхъ (см. фиг. 3), а именно, лѣвому глазу, какъ *a*, *b*, а правому, какъ *c*, *d*, то въ результатѣ мы увидимъ общее изображеніе, состоящее изъ двухъ линій. Изъ нихъ одна (1) образуется изъ сліянія *a* и *c*, а другая (2) изъ сліянія *b* и *d*; но первая будетъ казаться лежащей въ плоскости бумаги, другая же за нею въ нѣкоторой глубинѣ. Это явленіе вполнѣ соотвѣтствуетъ реальному видѣнію. Когда оба



Фиг. 3.

наши глаза смотрятъ на двѣ линіи, изъ которыхъ, положимъ, правая лежитъ глубже отъ насъ, чѣмъ лѣвая, то горизонтальное разстояніе между этими линіями для обоихъ глазъ будетъ неодинаково: для праваго глаза оно будетъ нѣсколько больше, чѣмъ для лѣваго. Отсюда понятно, что если мы дадимъ каждому глазу по двѣ параллельныхъ вертикальныхъ линіи при различномъ горизонтальномъ между ними разстояніи, то должно получиться соединенное изображеніе двухъ линій въ перспективномъ отношеніи.

Такимъ образомъ, бинокулярное зрѣніе заключаетъ въ себѣ одно изъ условій воспріятія нами третьяго измѣренія.

Природа зрительныхъ ощущеній. Ощущенія зрѣнія сводятся къ тремъ видамъ: ощущеніямъ свѣтовымъ, цвѣтовымъ и ощущеніямъ различенія въ общемъ свѣтовомъ полѣ отдѣльныхъ предметовъ. Подъ свѣтовыми ощущеніями разумѣются ощущенія свѣта и тьмы. При непосредственномъ дѣйствіи на зрительный нервъ сильнаго свѣтового источника получается ощущеніе яркаго, ослѣпительнаго блеска; при дѣйствіи же его силою отраженія на окружающіе предметы свѣтовое ощущеніе получается въ видѣ бѣлаго поля или пространства. Явленіе противоположное, т. е. отсутствіе свѣтового источника, даетъ ощущеніе тьмы. Свѣтовыя ощущенія, какъ сказано было выше, вызываются волнообразными колебаніями свѣтового эѳира, дѣйствующими неизслѣдованнымъ образомъ на зрительный нервъ. Отъ различія въ быстротѣ колебаній свѣтовыхъ волнъ, а также отъ различной ихъ длины зависитъ качественная разница зрительныхъ ощущеній, которая состоитъ въ различеніи того, что мы называемъ *цвѣтами*. Въ зависимости отъ указанныхъ физическихъ свойствъ свѣтовыхъ волнъ цвѣта дѣлятся на простые и сложные. Ощущенія простыхъ цвѣтовъ получаются отъ дѣйствія на сѣтчатку глаза однородныхъ лучей, т. е. съ одинаковой длиной волнъ и одинаковымъ числомъ колебаній. Дѣйствіе же разно-

родныхъ лучей (при разной длинѣ волнъ и различномъ числѣ колебаній) даетъ ощущенія смѣшанныхъ цвѣтовъ. Простыми или чистыми цвѣтами считаются три цвѣта спектра: *красный*, *зеленый* и *фіолетовый*. Изъ смѣшенія ихъ получается бѣлый цвѣтъ и всѣ остальные цвѣта спектра; поэтому эти три цвѣта называютъ *основными*. Изъ сочетанія основныхъ цвѣтовъ спектра получаются разнообразныя ощущенія цвѣтовъ, которые называются *смѣшанными* цвѣтами. Нѣкоторые, какъ простые, такъ и смѣшанные цвѣта, при взаимномъ сочетаніи парализуютъ другъ друга и образуютъ *нейтральные* цвѣта: при болѣе сильномъ дѣйствіи свѣтовыхъ лучей—*бѣлый*, при слабомъ—*сѣрый*. Цвѣта, взаимно уничтожающіе другъ друга, называются *дополнительными*. Ихъ пять паръ:

красный — зелено-голубой,
оранжевый — свѣтло-синій,
желтый — синій,
фіолетовый — желто-зеленый и
зеленый — пурпуровый.

Черный цвѣтъ является результатомъ отсутствія цвѣтового впечатлѣнія.

Слуховыя и зрительныя ощущенія въ психической жизни человѣка играютъ первенствующую роль. По качеству и количеству доставляемаго ими матеріала слухъ и зрѣніе должны быть признаваемы *высшими*, *благородными* чувствами. Но особенно важное значеніе имѣютъ зрительныя ощущенія. Отличаясь богатствомъ и разнообразіемъ матеріала для душевной жизни, они придаютъ всѣмъ возникающимъ на ихъ основѣ психическимъ явленіямъ особенную опредѣленность, отчетливость, яркость и служатъ центральнымъ источникомъ нашихъ познаній, около котораго группируются всѣ другія ощущенія. Недаромъ представленіе наше о мірѣ, которое является результатомъ познанія его при посредствѣ различнаго рода ощущеній, называется *міросозерцаніемъ*.

Глава X.

Количественная сторона ощущеній. Законъ Вебера-Фехнера.

Количественная сторона ощущеній. Различіе ощущеній по степени интенсивности и зависимость ихъ въ этомъ отношеніи отъ силы раздраженія. Примѣры. Крайніе предѣлы внѣшняго раздраженія. Порогъ ощущеній. Ограниченность нашихъ знаній. **Психофизическій законъ Вебера-Фехнера.** Попытки къ измѣренію интенсивности ощущеній. Опыты Вебера. Результаты ихъ. Разностный порогъ раздраженія. Веберовскій законъ. Математическая формулировка этого закона, сдѣланная Фехнеромъ. Неточность закона Вебера-Фехнера. Значеніе его, какъ показателя относительности ощущеній.

Количественная сторона ощущеній. Кромѣ качественнаго различія, ощущенія имѣютъ и количественную сторону, которая заключается въ ихъ силѣ, напряженіи или *интенсивности*. Различіе ощущеній по степени ихъ интенсивности легко устанавливается непосредственнымъ сознаніемъ; при этомъ совершенно извѣстна и причина этого различія, она заключается въ силѣ внѣшнихъ раздраженій. Чѣмъ сильнѣе, напр., свѣтовой источникъ, тѣмъ сильнѣе и получаемое отъ него свѣтовое ощущеніе. Громкій звукъ слышнѣе тихаго. Фунтовая гиря оказываетъ большее давленіе на кожу, чѣмъ гиря вѣсомъ въ золотникъ. Болѣе сильный растворъ соли производитъ болѣе сильное вкусовое ощущеніе соленаго и т. д. Приэтомъ слѣдуетъ замѣтить, что сила внѣшняго раздраженія имѣетъ свои границы, за которыми количественный ростъ ощущенія прекращается, и оно переходитъ въ общее болевое ощущеніе. Съ другой стороны, не всякая сила внѣшняго возбудителя можетъ вызвать ощущеніе. Слишкомъ слабыя раздраженія совсѣмъ не вызываютъ ощущеній. Существуетъ минимальный предѣлъ внѣшней раздражающей силы, съ котораго начинается сознаніе ея дѣйствія. Этотъ предѣлъ называется «порогомъ ощущенія» или «веберовскимъ порогомъ». Изъ

этого слѣдуетъ то, что познанія наши о внѣшнемъ мірѣ отличаются ограниченностью. слишкомъ малыя, равно какъ и слишкомъ большія величины внѣшнихъ силъ и дѣятелей остаются внѣ нашего сознанія.

Законъ Вебера-Фехнера. Возможность точнаго математическаго опредѣленія силы внѣшняго раздраженія навела на мысль о такомъ же измѣреніи интенсивности ощущеній. Разрѣшеніе этого вопроса принадлежитъ нѣмецкому ученому Веберу, а дальнѣйшая разработка — Фехнеру.

Опыты, произведенные Вебером, показали, что не всякая прибавка въ силѣ раздраженія влияетъ на измѣненіе интенсивности ощущенія. Такъ напр., прибавка къ тяжести въ одинъ фунтъ одного или двухъ золотниковъ не измѣняетъ ощущенія давленія; зажженная въ комнатѣ, освѣщенной дневнымъ свѣтомъ, свѣча не окажетъ вліянія на измѣненіе свѣтового ощущенія и т. п. Но вмѣстѣ съ тѣмъ опыты выяснили, что для каждаго рода ощущеній существуетъ опредѣленная минимальная разница въ силѣ раздраженія, съ которой мы сознаемъ измѣненіе въ силѣ ощущенія. Такъ. для полученія едва замѣтнаго измѣненія силы свѣтового ощущенія необходима разница въ силѣ свѣтового источника на 0,01; для ощущеній тяжести разница эта равняется $^1/_{17}$, для ощущеній давленія и звука—$^1/_3$. Эти предѣльныя величины въ силѣ раздраженія называются «разностнымъ порогомъ раздраженія». Цифры эти, въ зависимости отъ индивидуальной чувствительности, нѣсколько мѣняются и являются, такимъ образомъ, приблизительными. Однако несомнѣннымъ оказалось то, что *возрастаніе силы ощущенія слабѣе возрастанія силы раздраженія*, и что между ними существуетъ постоянное, опредѣленное отношеніе. Обобщеніе это извѣстно подъ именемъ «веберовскаго закона».

Нѣмецкій физикъ Фехнеръ нашелъ возможнымъ дать закону Вебера точную математическую формулировку. При-

нявъ наименьшую разницу между двумя ощущеніями въ области одного чувства за величину постоянную, онъ установилъ математически точное соотношеніе между количественнымъ измѣненіемъ ощущеній и соотвѣтствующими измѣненіями раздражающихъ силъ. Такъ, если минимальное ощущеніе давленія принять за 1, а слѣдующее замѣтно усиленное ощущеніе за 2, то сила раздраженія, обозначенная въ первомъ случаѣ также черезъ 1, во второмъ должна обозначиться черезъ $1+{}^1/_3={}^4/_3$. Обозначая такимъ образомъ послѣдующіе приросты ощущеній, мы получимъ слѣдующій рядъ соотношеній между ощущеніями и вызывающими ихъ раздражающими силами:

Ощущенія.	**Раздраженія.**
1	1
2	$1+{}^1/_3={}^4/_3$
3	${}^4/_3+{}^4/_3\,.\,{}^1/_3={}^{16}/_9=({}^4/_3)^2$
4	$({}^4/_3)^2+{}^1/_3({}^4/_3)^2={}^{64}/_{27}=({}^4/_3)^3$
5	$({}^4/_3)^3+{}^1/_3({}^4/_3)^3={}^{256}/_{81}=({}^4/_3)^4$ и т. д.

Разсматривая эти соотношенія нетрудно замѣтить, что рядъ чиселъ, показывающихъ увеличеніе ощущенія на одну и ту же разницу, представляетъ ариѳметическую прогрессію, тогда какъ числа, означающія послѣдовательное увеличеніе силы раздраженія, идутъ въ прогрессіи геометрической. Отсюда вытекаетъ математически формулированный законъ: *при возрастаніи ощущеній въ ариѳметической прогрессіи, соотвѣтствующія имъ раздраженія растутъ въ прогрессіи геометрической.* Но ариѳметическая прогрессія можетъ быть выражена въ видѣ величинъ, равныхъ логариѳмамъ геометрической прогрессіи; поэтому законъ этотъ можетъ быть выраженъ болѣе краткой математической формулой: *ощущеніе возрастаетъ, какъ логариѳмъ раздраженія.*

Законъ Вебера-Фехнера, несмотря на точную математическую формулировку, имѣетъ лишь приблизительное значеніе. Имъ устанавливается несомнѣнно то лишь положеніе,

что между интенсивностью ощущеній и вызывающихъ ихъ раздраженій существуетъ правильное отношеніе. Кромѣ того, законъ этотъ служитъ раскрытіемъ относительности ощущеній, т. е., онъ показываетъ намъ, что сила того или другого ощущенія сознается нами не иначе, какъ по сравненію съ одновременнымъ или предшествующимъ ему однороднымъ ощущеніемъ. Ощущеніе давленія, получаемое отъ фунтовой гири, кажется намъ достаточно сильнымъ, когда оно слѣдуетъ за ощущеніемъ давленія золотника, и весьма слабымъ послѣ ощущенія, полученнаго отъ гири въ 10 фунтовъ. Свѣтъ свѣчи, внесенной въ полутемную комнату, дастъ болѣе сильное свѣтовое ощущеніе, чѣмъ тотъ же свѣтъ при солнечномъ освѣщеніи и т. п.

Глава XI.

О воспроизведеніи ощущеній.

Понятіе о воспроизведеніи. Связь переживаемыхъ психическихъ состояній съ ранѣе пережитыми. Примѣры. Повторяемость душевныхъ явленій и ея физіологическая основа; законъ навыка и его значеніе. Условія повторяемости психическихъ явленій (при наличности внѣшней причины и въ отсутствіи ея). Опредѣленіе репродукціи. Представленія, какъ результатъ репродукціи. Способности, которыми обусловливается репродуктивная дѣятельность: память и воображеніе. **Виды воспроизведенія.** Сложность репродуктивнаго процесса. Воспроизведеніе полное и неполное. Репродукція въ тѣсномъ смыслѣ слова и воспоминаніе. Воспроизведеніе репродуктивное и продуктивное. **Условія репродуктивной дѣятельности сознанія.** Воспроизведеніе ощущеній—основаніе репродукціи. Переходныя явленія, лежащія на границѣ между ощущеніями и представленіями. Связь репродукціи съ процессами узнаванія и воспріятія. **Узнаваніе.** Ограниченность психическаго опыта и неизбѣжность повторенія отдѣльныхъ его фактовъ. Узнаваніе, какъ процессъ усвоенія повторныхъ явленій; физіологическая причина этого. Связь узнаванія съ репродукціей. Факты узнаванія, какъ переходныя отъ первичныхъ къ повторнымъ. **Воспріятіе.** Ощущеніе, какъ субъективный фактъ сознанія.

Сложность ощущеній и ихъ объективація. Понятіе о воспріятіи. Ассоціированіе ощущеній въ воспріятіи и вызываніе однихъ другими. Примѣры. Связь воспріятія съ узнаваніемъ и репродукціей.

Понятіе о воспроизведеніи. Самыя поверхностныя и бѣглыя наблюденія надъ психическою жизнью человѣка обнаруживаютъ постоянную, органическую связь возникаемыхъ въ насъ душевныхъ состояній съ состояніями, которыя мы раньше переживали. Новыя душевныя явленія вызываютъ въ насъ прежнія. Видъ новаго дома можетъ вызвать во мнѣ образъ прежде видѣннаго мною дома; черты лица человѣка, котораго мы видимъ въ первый разъ, могутъ привести къ воспоминанію о знакомомъ лицѣ; чужое горе часто служитъ причиною ко вторичному переживанію нѣкогда испытаннаго нами горя; прочитанная статья часто вызываетъ въ насъ мысли, ранѣе нами пережитыя и т. п. Изъ непрерывнаго сочетанія и взаимодѣйствія въ разное время пережитыхъ душевныхъ состояній съ вновь возникаемыми слагается вся наша психическая жизнь, весь нашъ душевный опытъ. Такое ассоціированіе психическихъ явленій обнаруживаетъ, что всѣ переживаемыя нами явленія удерживаются въ нашемъ сознаніи и повторяются въ различныхъ сочетаніяхъ и комбинаціяхъ. Это удерживаніе и повтореніе душевныхъ состояній находитъ себѣ объясненіе въ физіологическомъ строеніи нашего организма, благодаря которому каждое испытанное состояніе сопровождается физіологическимъ процессомъ въ нервной системѣ. Сущность этихъ процессовъ состоитъ въ томъ, что всякое возбужденіе нервной ткани производитъ въ ней такія измѣненія, при которыхъ нервъ получаетъ *предрасположеніе* совершать вызываемое этимъ возбужденіемъ дѣйствіе съ большей легкостью и слѣдовательно меньшей затратой энергіи. Такое стремленіе организма къ сохраненію новаго положенія, при которомъ возможно повтореніе связаннаго съ нимъ дѣйствія, называется *закономъ навыка* или *привычки*.

Исполняя важную задачу природы, которая состоитъ въ экономіи и цѣлесообразномъ расходованіи матеріальной энергіи, законъ навыка имѣетъ важное значеніе и въ отношеніи душевныхъ явленій; онъ значительно облегчаетъ ихъ повтореніе. Такъ напр., повторное чтеніе книги, слушаніе музыкальной пьесы совершается нами съ большей легкостью и воспринимается яснѣе и отчетливѣе, чѣмъ въ первый разъ.

Повтореніе психическаго состоянія можетъ совершаться или при наличности внѣшней причины, вызвавшей его въ первый разъ, какъ напр., вторичное чтеніе книги, разсматриваніе картины и т. п., или же въ отсутствіе ея; таково напр., произвольное или непроизвольное повтореніе понравившейся намъ мелодіи, возникновеніе или намѣренное вызываніе образовъ предметовъ, когда-либо заинтересовавшихъ насъ и т. п. Процессъ возобновленія въ нашемъ сознаніи душевныхъ явленій безъ участія внѣшней причины, вызвавшей ихъ въ первый разъ, называется *воспроизведеніемъ* или *репродукціей*. Эти возобновляющіеся факты сознанія возникаютъ въ видѣ умственныхъ образовъ, которые называются *представленіями*. Въ процессѣ репродукціи играютъ роль двѣ способности: способность, сохраняющая и воспроизводящая явленія въ отсутствіе причинъ, вызывающихъ ихъ,—это *память*, и способность, построяющая и представляющая,—*воображеніе*. Далѣе эти способности составятъ предметъ особыхъ подробныхъ объясненій.

Виды воспроизведенія. При репродукціи могутъ воспроизводиться либо всѣ элементы пережитаго душевнаго состоянія, либо нѣкоторые изъ нихъ. Въ первомъ случаѣ воспроизведеніе является *полнымъ*, а во второмъ—*неполнымъ*. Кромѣ того, воспроизведеніе можетъ сопровождаться сознаніемъ того, что воспроизводимые факты дѣйствительно переживались нами ранѣе; такого рода репродукція обращается въ воспоминаніе. Если же воспроизведеніе происходитъ безъ

участія подобнаго сознанія, то оно является репродукціей въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Наконецъ, слагаемыя пережитаго психическаго явленія могутъ воспроизводиться въ томъ сочетаніи, въ какомъ они въ первый разъ возникли; тогда получается воспроизведеніе *репродуктивное*, иначе говоря, воспроизведеніе въ собственномъ смыслѣ слова. Но пережитыя явленія могутъ воспроизводиться въ измѣненномъ видѣ: составные элементы ихъ могутъ видоизмѣняться, перемѣщаться, или же къ нимъ могутъ присоединяться новые. Въ этомъ случаѣ получается вопроизведеніе *продуктивное* или *творческое*.

Условія репродуктивной дѣятельности сознанія. Простѣйшими, элементарными душевными фактами. дающими матеріалъ для познанія, какъ сказано было выше, служатъ ощущенія; они, какъ непосредственный результатъ внѣшней раздражающей силы, могутъ быть названы *первичными фактами сознанія*. Несомнѣнно, что въ основаніи репродукціи лежитъ воспроизведеніе ощущеній. Но мы знаемъ, что ощущеніе, какъ выраженіе какого-либо обособленнаго свойства или качества, въ чистомъ видѣ въ дѣйствительности не встрѣчается; они являются всегда сложными группами въ видѣ предметовъ и явленій. Отсюда и процессъ репродукціи также отличается сложностью; приэтомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что между ощущеніями и представленіями, которыя являются слѣдствіемъ репродукціи, существуютъ переходныя состоянія; состоянія эти суть результаты нѣкоторыхъ психическихъ процессовъ, а именно, *узнаванія* и *воспріятія*.

Узнаваніе. Психическій опытъ человѣка, какъ конечнаго существа, ограниченъ; поэтому возникаемыя въ насъ душевныя состоянія, какъ по вызывающимъ ихъ причинамъ, такъ и по качеству своему, не отличаются безконечнымъ разнообразіемъ. Отсюда возникаетъ неизбѣжность ихъ повторенія. Вся наша психофизическая жизнь совершается въ пре-

обладающемъ кругѣ знакомыхъ намъ предметовъ и явленій, которые и вызываютъ въ насъ повторныя состоянія. Каждое повторяющееся впечатлѣніе усваивается нами съ большею легкостью и отчетливостью, чѣмъ въ первый разъ, и принимается нами за знакомое, извѣстное. Черты видѣннаго нами лица, звуки слышанной мелодіи, названіе какого-либо предмета при повтореніи воспринимаются нами, какъ уже намъ извѣстные. Мало того, новый, никогда не видѣнный нами столъ, лай неизвѣстной намъ собаки и т. д., на основаніи предыдущаго нашего опыта, также признаются нами за знакомые. Этотъ процессъ усваиванія повторнаго впечатлѣнія, какъ уже намъ знакомаго, называется *узнаваніемъ*. Физіологическая причина его намъ уже знакома; она заключается въ законѣ навыка или привычки, по которому на легкость и отчетливость усвоенія повторнаго впечатлѣнія оказываетъ вліяніе слѣдъ отъ первичнаго впечатлѣнія въ видѣ предрасположенія. Это обстоятельство обнаруживаетъ тѣсную связь фактовъ узнаванія съ процессомъ репродукціи, нельзя узнать пережитаго нѣкогда факта безъ умственнаго его воспроизведенія. Привычка сообщаетъ процессу узнаванія быстроту и безсознательный характеръ; узнаваніе въ большинствѣ случаевъ является для насъ процессомъ механическимъ. Анализъ же фактовъ узнаванія обнаруживаетъ, что они представляютъ собою явленія нѣкоторой сложности; они заключаютъ въ себѣ элементы какъ первичныхъ, такъ и повторныхъ явленій, и такимъ образомъ, стоятъ на границѣ между ощущеніемъ и представленіемъ.

Воспріятіе. Всякое ощущеніе, взятое въ отдѣльности, представляется намъ какъ какое-либо обособленное качество или свойство безъ отношенія его къ тому или другому предмету. Такъ, если мы будемъ смотрѣть на изолированную часть какой-либо красной поверхности, то мы получимъ приблизительно чистое ощущеніе краснаго цвѣта, не относя его ни къ какому предмету; или если мы съ закрытыми глазами бу-

демъ водить по поверхности какого-либо предмета, то получимъ ощущеніе шероховатости или гладкости. Такимъ образомъ, каждое въ отдѣльности взятое ощущеніе является простымъ субъективнымъ элементомъ нашего сознанія. Но мы уже знаемъ, что въ житейскомъ опытѣ ощущенія въ такомъ чистомъ видѣ не возникаютъ, а являются болѣе или менѣе сложными группами, представляя собою сочетаніе разнородныхъ ощущеній и притомъ составляющихъ свойства, качества, признаки предметовъ. Такъ напр., камень, взятый нами въ руку, является для насъ совокупностью различныхъ ощущеній цвѣта, формы, шероховатости или гладкости, твердости, температуры и др. Такимъ образомъ, помимо сложности, ощущенія обладаютъ еще тѣмъ свойствомъ, что они выносятся за предѣлы нашего «я», какъ нѣчто внѣ насъ стоящее, иначе говоря, «объективируются» въ видѣ свойствъ и качествъ того, что мы называемъ вещами или предметами. Процессъ сочетанія различныхъ ощущеній въ одно цѣлое, соотвѣтствующее предмету, какъ объекту, находящемуся внѣ нашего сознанія, называется *воспріятіемъ*. Результатомъ полученныхъ такимъ образомъ ощущеній служатъ реальные образы предметовъ, которые называются также *воспріятіями* или *перцептами*. Слѣды, которые остаются въ нашемъ психофизическомъ организмѣ отъ повторяющихся группъ ощущеній удерживаются въ сознаніи такими же группами, причемъ отдѣльные члены ихъ ассоціируются другъ съ другомъ такъ, что одно ощущеніе, какъ свойство извѣстнаго предмета, вызываетъ вмѣстѣ съ собою и всѣ остальныя, одновременно съ нимъ воспринятыя. Вмѣстѣ со зрительными ощущеніями, получаемыми нами отъ апельсина, возникаютъ и другія связанныя съ ними ощущенія, а именно, осязательныя, вкусовыя, обонятельныя, мускульныя. Слыша голосъ знакомаго человѣка, мы вмѣстѣ съ слуховымъ ощущеніемъ сочетаемъ и другія, напр., зрительныя (физіономія, костюмъ, походка и т. п.).

Чѣмъ же обусловливается процессъ воспріятія? Анализъ воспріятій показываетъ, что образованіе ихъ основывается на удержаніи и возобновленіи ранѣе пріобрѣтенныхъ нами впечатлѣній. При повтореніи одного изъ ощущеній возникаютъ, какъ дополненіе къ нимъ, нѣкогда связанныя съ ними и другія. Такимъ образомъ, несомнѣнно то, что процессъ воспріятія обусловливается процессомъ воспроизведенія и вмѣстѣ съ тѣмъ находится въ тѣсной связи съ процессомъ узнаванія. Поэтому воспріятія или перцепты относятся также къ фактамъ, которые находятся на границѣ между первичными и повторными фактами сознанія.

— —

Глава XII.

Виды воспріятій. Воспріятіе пространства.

Виды воспріятій. Внутреннее состояніе различенія „я“ и „не—я“. Внѣшнія и внутреннія воспріятія, какъ результатъ этого различенія. Связь воспріятій вообще съ идеями пространства и времени, которыя основаны на пространственныхъ и временныхъ воспріятіяхъ. **Опредѣленіе воспріятія пространства.** Отличіе воспріятія отъ ощущенія. Пространственныя отношенія, какъ причина этого отличія. Основныя формы пространственныхъ воспріятій: плоскостное и перспективное измѣреніе. **Образованіе воспріятій пространства.** Показанія житейскаго опыта и научнаго анализа. Сложность процесса воспріятія пространства. Процессъ воспріятія плоскости; ассоціпрованіе зрительныхъ ощущеній съ мускульными. Процессъ воспріятія третьяго измѣренія, какъ результатъ сложнаго комплекса разнаго рода ощущеній. Подтвержденіе этого опытами: воспріятіе пространства безъ участія зрѣнія нормальными людьми и слѣпыми. Выводъ. *Нативизмъ и генетизмъ.* Неразрѣшенность вопроса о способѣ образованія пространственныхъ воспріятій. Теоріи нативизма и генетизма; ихъ сущность и различіе. Подтвержденіе генетической теоріи наблюденіями и опытами: 1) надъ новорожденными дѣтьми, 2) прозрѣвшими слѣпорожденными и 3) при воспріятіи величины предметовъ. Общій выводъ относительно образованія воспріятій пространства.

Виды воспріятій. Всякій нормальный человѣкъ сознаетъ себя особымъ существомъ, отдѣленнымъ отъ всего того,

что его окружаетъ и что онъ представляетъ внѣ себя находящимся. Результатомъ такого сознанія является постоянное и неизмѣнно присущее человѣку внутреннее состояніе различенія идеи «я» или личности отъ «не—я» или «внѣшняго». Отсюда и жизнь человѣка слагается изъ двоякаго рода воспріятій: *внѣшнихъ* и *внутреннихъ*. Подъ внѣшними воспріятіями разумѣются тѣ, которыя получаются отъ всего того, что объективируется внѣ нашего сознанія, имѣетъ характеръ матеріальности и связано съ идеей о предметѣ или вещи. Внутреннія же воспріятія это воспріятія различныхъ душевныхъ состояній, изъ которыхъ слагается содержаніе познающей личности, иначе говоря, того, что мы называемъ «я». Всѣ наши познанія, основанныя на воспріятіяхъ, находятся въ связи съ двумя важными идеями: идеей пространства и идеей времени. Такъ, въ основаніи множества внѣшнихъ воспріятій лежитъ представленіе протяженности, пространственности; съ другой стороны, при образованіи какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ воспріятій участвуетъ сознаніе смѣны и теченія отдѣльныхъ фактовъ. Идеи пространства и времени образуются изъ особаго рода воспріятій: воспріятія пространства и воспріятія времени. Такимъ образомъ, можно сказать, что всѣ наши воспріятія сочетаются съ воспріятіемъ либо пространства, либо времени. Поэтому разсмотрѣніе послѣднихъ представляетъ особенную важность.

Воспріятіе пространства. Воспріятія, какъ извѣстно изъ предыдущаго, являются совокупностью различнаго рода ощущеній, какъ напр., цвѣта, температуры, различнаго рода поверхности, вкуса и др. Но сущность воспріятій, въ отличіе отъ ощущеній, заключается въ объективаціи послѣднихъ и локализаціи ихъ за предѣлами нашего сознанія. Вслѣдствіе этого, ощущенія въ воспріятіи являются свойствами той или другой вещи, предмета. Что же служитъ причиною этой особенности воспріятій? Въ группѣ ощущеній, относимыхъ

къ тому или иному предмету, мы различаемъ, между прочимъ, ощущенія длины, ширины, толщины его, а также его положенія, которое опредѣляется словами: «вверхъ» и «внизъ», «направо» и «налѣво» и т. п. Всѣ эти свойства носятъ общее названіе *протяженности* или *пространственныхъ отношеній*. Они-то и играютъ важную роль въ образованіи воспріятій, сообщая ощущеніямъ характеръ матеріальности, предметности.

Въ какія же формы облекаются наши пространственныя воспріятія? Пространство воспринимается нами въ трехъ геометрическихъ измѣреніяхъ, вверхъ и внизъ, направо и налѣво, впередъ и назадъ; иначе говоря, въ длину, ширину и глубину. Но эти три измѣренія сводятся къ двумъ: къ плоскостному (длина и ширина) и перспективному или разстоянію (глубина).

Образованіе воспріятій пространства. Какъ же воспринимаются пространственныя формы и отношенія? Обыденная практика нормальнаго человѣка показываетъ, что воспріятіе пространства осуществляется посредствомъ зрительнаго чувства. Однако психофизіологическій анализъ обнаруживаетъ здѣсь весьма сложный процессъ, основанный на комплексѣ различнаго рода ощущеній. Что касается воспріятія плоскости, то вопросъ этотъ не представляетъ особенныхъ затрудненій. Воспринимая видимые предметы незначительной частью сѣтчатой оболочки, мы получаемъ почти плоское изображеніе, которое, такимъ образомъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ реальной плоскости. Приэтомъ съ увеличеніемъ или умепьшеніемъ размѣровъ плоскости увеличивается или уменьшается и изображеніе ея на сѣтчаткѣ. Слѣдовательно, между измѣненіями реальной плоскости и изображеніемъ ея на сѣтчаткѣ оказывается полное соотвѣтствіе. Однако и здѣсь процессъ воспріятія посредствомъ зрительнаго чувства осложняется движеніями нашего зрительнаго аппарата. Для опредѣленія границъ

видимой плоскости представляется необходимымъ измѣрить ее. Измѣреніе это достигается движеніемъ глазъ. Глазъ невольно приспособляется такъ, чтобы предметъ попадалъ на желтое пятно сѣтчатки, а это осуществляется при посредствѣ мышечныхъ движеній, поворачивающихъ глаза въ различныхъ направленіяхъ: вправо и влѣво, вверхъ и внизъ. Такимъ образомъ, при воспріятіи плоскости зрительныя ощущенія ассоціируются съ ощущеніями мускульными.

Наиболѣе труднымъ для объясненія представляется процессъ воспріятія третьяго измѣренія или разстоянія. Анализъ его обнаруживаетъ весьма сложный комплексъ различнаго рода ощущеній. Прежде всего воспріятіе разстоянія сопровождается болѣе сложными движеніями зрительнаго аппарата: конвергенціей и аккомодаціей хрусталика; движенія эти вызываютъ собою мускульныя ощущенія. Сложность процесса воспріятія подтверждается опытами, которые обнаруживаютъ возможность пространственныхъ воспріятій безъ непосредственнаго участія зрительнаго чувства. Обратимся прежде всего къ тѣмъ случаямъ, когда мы лишены возможности пользоваться зрѣніемъ. Такъ, находясь въ темной комнатѣ, человѣкъ имѣетъ возможность воспринимать различныя пространственныя отношенія и формы, какъ-то форму предметовъ, ихъ положеніе, величину и разстояніе ихъ отъ себя. Достигается это путемъ нащупыванія предметовъ, а также посредствомъ различнаго рода движеній частей нашего тѣла. Ощупываніе же и движенія суть функціи осязательнаго и двигательнаго чувства. Тоже самое получается и при намѣренномъ устраненіи зрительнаго чувства. Такъ напр., если раздвинутыми ножками циркуля прикоснуться къ какой-либо части поверхности нашего тѣла, то на извѣстномъ разстояніи между ними, какъ мы знаемъ, получится ощущеніе двухъ прикосновеній. Ощутимость двухъ прикосновеній даетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность съ большею или меньшею отчетливостью воспри-

нимать и разстояніе между ними; воспріятіе же это образуется съ помощью осязательнаго чувства. Сложность процесса пространственныхъ воспріятій, и въ особенности воспріятія разстоянія, подтверждается наблюденіями надъ слѣпыми, которые, будучи лишены органа зрѣнія, пріобрѣтаютъ способность къ пространственнымъ воспріятіямъ, пользуясь только осязательнымъ и двигательнымъ чувствомъ. Путемъ ощупыванія и различнаго рода движеній слѣпой воспринимаетъ не только форму, величину и положеніе предметовъ, но и разстояніе ихъ отъ себя.

Итакъ, несомнѣнно, что въ образованіи пространственныхъ воспріятій вообще и воспріятія разстоянія въ особенности играютъ роль ассоціированныя зрительныя, осязательныя и мускульныя ощущенія.

Нативизмъ и *генетизмъ*. Въ предыдущемъ изложеніи мы познакомились съ составомъ пространственныхъ воспріятій; остается, однако, неразрѣшеннымъ вопросъ о способѣ образованія пространственныхъ воспріятій. На этотъ предметъ существуетъ много толкованій, которыя сводятся къ двумъ основнымъ теоріямъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *нативизма* и *генетизма* или *эмпиризма*. По теоріи нативизма, сознаніе обладаетъ прирожденной способностью воспріятія пространства во всѣхъ его трехъ измѣреніяхъ. Человѣкъ отъ природы надѣленъ готовымъ для этихъ воспріятій физіологическимъ аппаратомъ, вслѣдствіе чего пространственность или протяженность есть врожденное свойство нашихъ ощущеній, подобно ощущаемымъ нами качествамъ, каковы: цвѣтъ, запахъ, вкусъ и т. п. Такъ напр., воспріятіе цвѣта получается не иначе, какъ въ видѣ цвѣтовой плоскости, и притомъ находящейся на извѣстномъ отъ нашихъ глазъ разстояніи. Воспріятіе осязаемой нами поверхности дается только въ видѣ пространственной поверхности, имѣющей длину, ширину и толщину. Такимъ образомъ, по мнѣнію нативистовъ, человѣкъ

отъ природы надѣленъ способностью воспріятія всѣхъ пространственныхъ формъ и отношеній. Въ противоположность нативизму, генетическая или эмпирическая теорія учитъ, что пространство не есть врожденная способность нашего сознанія и что воспріятіе пространства во всѣхъ его формахъ и отношеніяхъ есть результатъ постепеннаго опыта, основаннаго на ассоціаціи осязательныхъ, мускульныхъ и зрительныхъ ощущеній. Сначала посредствомъ постепеннаго ощупыванія и разглядыванія предметовъ совершается образованіе воспріятія плоскостного пространства съ его двумя измѣреніями, длиной и шириной; затѣмъ путемъ ассоціаціи мускульно-осязательнаго опыта съ зрительными ощущеніями получается воспріятіе третьяго измѣренія, т. е. разстоянія или глубины. Сущность различія между нативизмомъ и генетизмомъ сводится къ тому, что нативизмъ утверждаетъ возможность воспріятія пространства во всѣхъ его трехъ измѣреніяхъ однимъ лишь зрительнымъ чувствомъ; тогда какъ генетизмъ въ основаніе пространственныхъ воспріятій ставитъ мускульно-осязательный опытъ. Что же касается того, что мы въ дѣйствительности воспринимаемъ посредствомъ зрѣнія всѣ пространственныя формы и отношенія, то это объясняется пріобрѣтенной уже опытомъ ассоціацей зрительныхъ и мускульно-осязательныхъ ощущеній, которая устанавливается путемъ репродукціи. каждый разъ при возникновеніи зрительнаго образа воспроизводится и мускульно-осязательный.

Генетическая теорія находитъ себѣ подтвержденіе въ наблюденіяхъ и опытахъ: 1) надъ пространственными воспріятіями новорожденныхъ дѣтей, 2) прозрѣвшихъ слѣпорожденныхъ и 3) при воспріятіи величины предметовъ.

1. Наблюденія показываютъ, что хотя зрительныя ощущенія существуютъ у ребенка съ момента рожденія, но они находятся въ зачаточномъ состояніи. Объясняется это неразвитостью зрительнаго аппарата: движенія обоихъ глазъ у но-

ворожденнаго не координированы, и онъ лишенъ способности приспособлять зрѣніе къ нормальному видѣнію предметовъ, тѣмъ болѣе къ разстоянію. Даже на 17-ой недѣлѣ ребенокъ находящіеся въ его рукахъ предметы подноситъ къ самымъ глазамъ. Фактъ этотъ говоритъ противъ прирожденности механизма къ воспріятію пространственныхъ отношеній. Но еще убѣдительнѣе тотъ фактъ, что дѣти даже въ тотъ періодъ ихъ жизни, когда зрительный аппаратъ ихъ пріобрѣтаетъ способность дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствуетъ у взрослыхъ людей, лишены точнаго воспріятія разстоянія. Распознаваніе разстоянія производится ими при помощи движеній тѣла и рукъ, причемъ на каждомъ шагу замѣчаются въ оцѣнкѣ разстоянія ошибки. Такъ, еще на второмъ, иногда и на третьемъ году жизни ребенокъ нерѣдко тянется руками, стараясь схватить, къ такимъ предметамъ, которые находятся на далекомъ отъ него разстояніи. Да и вообще замѣчается при хватаніи предметовъ несоразмѣрность: вмѣсто хватанія предмета происходитъ хватаніе воздуха. Все это объясняется несовершенствомъ мускульно-осязательнаго опыта, который, однако, предшествуетъ опыту зрительному.

2. Еще лучшимъ доказательствомъ справедливости теоріи генетизма служатъ наблюденія и опыты надъ прозрѣвшими слѣпорожденными. Когда англійскій хирургъ Чезельденъ путемъ операціи сдѣлалъ одного слѣпорожденнаго зрячимъ, то оказалось, что прозрѣвшій, пользуясь зрительнымъ аппаратомъ, воспринималъ пространство не такъ, какъ воспринимаемъ его мы. Ему казалось, что всѣ видимые имъ предметы «касались его глазъ» совершенно такъ, какъ осязаемые имъ предметы касались его рукъ. Онъ не могъ распознавать формы предметовъ однимъ лишь зрѣніемъ, а узнавалъ ихъ путемъ прикосновенія, т. е. посредствомъ мускульно-осязательнаго опыта. Такія же точно явленія наблюдались и надъ многими другими прозрѣвшими слѣпорожденными. Слѣпорож-

денный, оперированный Францомъ, всѣ предметы представлялъ плоскими: кубъ—квадратомъ, шаръ—кругомъ, пирамиду —трехугольникомъ, и только съ помощью осязанія пріучился различать эти предметы. Одинъ оперированный слѣпой безъ помощи рукъ не въ состояніи былъ опредѣлить ни одного разстоянія. Когда ему показали на блестящую ручку дверей, то онъ направился къ ней съ вытянутыми руками, но остановился передъ ней на разстояніи двухъ шаговъ и нѣсколько разъ тщетно старался схватить ее, не попадая на нее руками. Одинъ изъ прозрѣвшихъ слѣпыхъ безъ помощи осязанія не могъ опредѣлить различія между вертикальнымъ и горизонтальнымъ положеніемъ двухъ полосокъ картона. Наблюдались явленія, когда прозрѣвшіе слѣпорожденные прибѣгали къ защитѣ глазъ руками изъ боязни чисто механическаго ихъ поврежденія. Всѣ эти случаи показываютъ, что зрительныя представленія у прозрѣвшихъ слѣпорожденныхъ развиваются подъ вліяніемъ мускульно-осязательнаго опыта.

3. Въ пользу генетической теоріи говорятъ также наблюденія надъ воспріятіемъ величины предметовъ. Казалось бы, что оцѣнка нами величины предметовъ основывается на величинѣ изображенія предметовъ, которое получается на сѣтчаткѣ. Въ дѣйствительности же условіе это вѣрно въ отношеніи предметовъ, находящихся на одинаковомъ разстояніи отъ глазъ; что же касается предметовъ, расположенныхъ на различныхъ отъ нашего зрѣнія разстояніяхъ, то оно оказывается недостаточнымъ. Если мы смотримъ на вертикальный карандашъ, находящійся вблизи насъ, и на телеграфный столбъ, стоящій на значительномъ отъ насъ разстояніи, то на сѣтчаткѣ получаются отъ этихъ предметовъ изображенія приблизительно одинаковой величины. Однако это обстоятельство не устраняетъ вѣрности сужденія о величинѣ видимыхъ предметовъ: дерево мы признаемъ больше карандаша. Очевидно, что здѣсь въ оцѣнкѣ величины предметовъ играетъ роль

другое условіе, а именно, предшествующій мускульно-осязательный опытъ.

Все вышеизложенное приводитъ къ слѣдующему заключенію. Воспріятіе пространства со всѣми его формами и отношеніями образуется въ нашемъ сознаніи путемъ постепеннаго опыта. Всѣ пространственныя представленія слагаются на основаніи ассоціаціи зрительныхъ, осязательныхъ и мускульныхъ ощущеній. Первоначальной основой пространственныхъ воспріятій служитъ чувство осязанія и сопровождающія его двигательныя ощущенія, что мы называемъ мускульно-осязательнымъ опытомъ; зрительный же опытъ къ нему присоединяется, сообщая всѣмъ пространственнымъ воспріятіямъ наибольшую ясность, отчетливость и яркость.

Глава XIII.

Воспріятіе времени.

Понятіе о воспріятіи времени. Словесное выраженіе временныхъ воспріятій. Воспріятіе времени, какъ результатъ непосредственнаго сознанія смѣны и теченія психическихъ явленій. **Измѣреніе времени** Представленіе трехъ временъ. Время—величина; возможность его измѣренія. Единица измѣренія времени. Двоякая оцѣнка времени: субъективная и объективная. **Субъективное измѣреніе времени.** Необходимость различенія двухъ психологическихъ моментовъ времени. Условія, оказывающія вліяніе на субъективную оцѣнку времени: 1) интересъ къ переживаемому и 2) количество пережитыхъ представленій. 1. *Интересъ* сокращаетъ время. Примѣры. Случаи, когда интересъ удлиняетъ время. 2. *Психологическій законъ*, опредѣляющій вліяніе количества переживаемыхъ представленій на субъективную оцѣнку времени. Примѣры. Субъективная оцѣнка малыхъ промежутковъ времени. Опыты. Неточность субъективной оцѣнки времени и ея причина. **Объективное измѣреніе времени.** Потребность въ объективномъ измѣреніи времени. Способы объективнаго измѣренія времени въ ихъ исторической послѣдовательности: измѣненія въ организмѣ, явленія внѣшней природы, искусственные пріемы. Отношеніе пространства къ измѣренію времени.

Понятіе о воспріятіи времени. Подобно тому,

какъ словами «вверхъ», «внизъ», «направо» и «налѣво», «впередъ» и «назадъ» мы выражаемъ воспріятія пространственныхъ отношеній, такимъ же точно образомъ слова «прежде», «теперь», «потомъ» или «было», «есть», «будетъ» обозначаютъ воспріятіе тѣхъ отношеній, которыя мы называемъ временными. Какимъ же образомъ получаются воспріятія времени? Обращаясь къ фактамъ нашей внутренней, психической жизни мы замѣчаемъ, что всякое состояніе нашего сознанія имѣетъ начало, теченіе и конецъ, т. е. имѣетъ въ нѣкоторомъ родѣ длину, которую, въ отличіе отъ пространственной длины, мы называемъ «продолжительностью». Кромѣ того, всѣ явленія нашего сознанія представляются намъ слѣдующими одно за другимъ. Сейчасъ я предавался воспоминанію о быломъ, въ настоящій моментъ я любуюсь окружающей природой и т. д. Душевная жизнь представляетъ постоянную, непрерывную смѣну состояній различной продолжительности, а потому воспріятіе времени возникаетъ непосредственно въ самомъ сознаніи независимо отъ наблюденія надъ теченіемъ внѣшнихъ явленій. Однако идея о времени связывается и съ явленіями внѣшняго міра. Если пространственныя отношенія возникаютъ въ связи съ зрительными и осязательными воспріятіями, то при воспріятіяхъ вкуса, запаха и, въ особенности, звука преобладающее значеніе имѣетъ время. Такимъ образомъ, непосредственное воспринятіе и сознаніе смѣны и теченія отдѣльныхъ явленій служитъ первоначальною основою идеи того, что мы называемъ временемъ

Измѣреніе времени. Общею словесною формою выраженія временныхъ отношеній, какъ сказано выше, служатъ слова «прежде», «теперь», «потомъ» или «было», «есть», «будетъ». Слѣдовательно, время, подобно пространству, имѣетъ какъ бы три измѣренія и подраздѣляется на прошедшее, настоящее и будущее. Прошедшее время представляетъ воспро-

изведеніе воспринятыхъ явленій; настоящее—совокупность воспринимаемыхъ въ данный моментъ явленій; будущее—воображаемый рядъ явленій, которыя должны наступить съ прекращеніемъ воспринимаемыхъ явленій. Наблюдая за теченіемъ отдѣльныхъ явленій и сравнивая ихъ между собою, мы замѣчаемъ, что продолжительность ихъ неодинакова. Одни изъ нихъ отличаются большею протяженностью, другіе меньшею, нѣкоторыя же изъ нихъ протекаютъ въ равные промежутки. Такимъ образомъ, время въ нашемъ сознаніи является величиной, которая, какъ и всякая величина, нуждается въ измѣреніи. Но для осуществленія этого необходима постоянная и опредѣленная единица. Такъ какъ время есть не что иное, какъ рядъ смѣняющихъ другъ друга явленій, то поэтому и единицей времени должна служить равномѣрная, правильно періодически совершающаяся смѣна явленій, а такой смѣной является равномѣрное движеніе.

Изъ предыдущаго извѣстно, что представленіе времени возникаетъ непосредственно въ нашемъ сознаніи путемъ наблюденія надъ собственными психическими состояніями; вмѣстѣ съ тѣмъ оно связывается и съ воспріятіями внѣшнихъ явленій. Отсюда существуетъ двоякая оцѣнка времени: *субъективная* и *объективная*. Первая основывается на наблюденіи надъ движеніемъ нашихъ собственныхъ состояній, вторая же производится при помощи явленій, внѣ насъ совершающихся.

Субъективное измѣреніе времени. При анализѣ субъективной оцѣнки времени прежде всего слѣдуетъ отличать время, совпадающее съ переживаемыми психическими состояніями, отъ воспоминанія о пережитомъ времени. На субъективную оцѣнку времени оказываютъ вліяніе два обстоятельства: 1) интересъ къ содержанію того, что мы переживаемъ и 2) количество пережитыхъ въ извѣстный промежутокъ времени представленій.

1. *Интересъ* къ пережитому можетъ оказывать на оцѣнку времени весьма различное вліяніе. Обыкновенно сосредоточеніе вниманія на какомъ-либо интересующемъ насъ явленіи препятствуетъ сознанію слѣдить за смѣною явленій и тѣмъ укорачиваетъ время, какъ при самомъ переживаніи, такъ и при воспоминаніи пережитаго. Когда мы переживаемъ что-нибудь интересное, пріятное, то время въ нашемъ сознаніи протекаетъ очень быстро: равнымъ образомъ, и при воспомпнаніи о пріятно пережитомъ времени послѣднее кажется намъ также быстро протекшимъ. Напротивъ того, отсутствіе интереса къ переживаемому или пережитому, въ особенности сопровождаемое ожиданіемъ чего-либо, дѣлаетъ для насъ время чрезвычайно долгимъ. Недаромъ, годы счастливой жизни сравниваются съ мигомъ и, наоборотъ, минуты томительнаго ожиданія съ вѣчностью. Но интересъ къ пережитому можетъ и удлинять время при воспомпнаніи о немъ. Такая оцѣнка времени происходитъ тогда, когда мы, устраняя чувство пріятности, испытанное нами во время переживанія, опредѣляемъ это время анализомъ содержанія пережитаго.

2. Другимъ важнымъ факторомъ субъективной оцѣнки времени, независимо отъ интереса, служитъ *количество пережитыхъ въ данный промежутокъ времени фактовъ*. Чѣмъ больше по количеству представленій и разнообразнѣе пережитое, тѣмъ быстрѣе кажется намъ его движеніе во время переживанія, но тѣмъ медленнѣе при воспоминаніи. Наоборотъ, малое количество фактовъ и ихъ сравнительное однообразіе значительно удлиняетъ время при переживаніи, но сокращаетъ при воспоминаніи. Такъ напр., прогулка по новому городу и осмотръ его достопримѣчательностей, возбуждая большое количество и разнообразіе представленій, производятъ субъективную переоцѣнку времени: оно кажется намъ гораздо менѣе потраченнаго нами объективнаго времени. Но при воспоминаніи о пережитомъ, время, потраченное на него,

покажется намъ очень великимъ. Наоборотъ, время, проведенное нами въ обыденной, однообразной обстановкѣ и небогатое количествомъ смѣняющихся представленій, кажется намъ обыкновенно протекающимъ очень медленно, но при воспоминаніи оно значительно сокращается. Таково, напр., время болѣзни, тюремнаго заключенія и т. п. Особенно яркимъ примѣромъ, подтверждающимъ справедливость установленнаго психологіей положенія, служатъ сновидѣнія. Незначительный промежутокъ времени, переживаемый человѣкомъ въ состояніи сновидѣнія, при воспоминаніи, по обилію и разнообразію образовъ, кажется громаднымъ временемъ. Такимъ образомъ, психологія устанавливаетъ, что субъективная оцѣнка времени опредѣляется количествомъ и разнообразіемъ пережитыхъ образовъ.

Интересны наблюденія надъ субъективною оцѣнкою малыхъ промежутковъ времени, каковы напр., секунда и части ея. Для этого производятъ слѣдующіе опыты. Съ помощью метронома отмѣриваютъ промежутокъ времени, равный секундѣ. Затѣмъ при помощи другого метронома производятъ поочередно промежутки, равные секундѣ, нѣсколько больше и нѣсколько меньше секунды и приглашаютъ экспериментируемое лицо сравнивать ихъ съ промежуткомъ въ одну секунду, произведеннымъ первымъ метрономомъ. Обыкновенно оказывается, что промежутокъ въ секунду отождествляется съ промежуткомъ времени менѣе одной секунды, т. е. промежутокъ въ одну секунду мы субъективною оцѣнкою уменьшаемъ. Наоборотъ, опыты съ оцѣнкою промежутка времени въ одну треть секунды показываютъ, что мы его сравнительно съ дѣйствительностью считаемъ больше. Однако существуетъ такой промежутокъ времени, который обыкновенно оцѣнивается съ наибольшей точностью, а именно, промежутокъ въ двѣ трети секунды.

Изъ предыдущаго можно усмотрѣть, что субъективная оцѣнка времени есть прежде всего дѣло индивидуальности. Каждое лицо имѣетъ въ этомъ отношеніи свой собственный

масштабъ, который опредѣляется, съ одной стороны, интересомъ къ своей психической жизни, а съ другой —, быстротою смѣняющихся образовъ. Отсюда ясно, что субъективное измѣреніе времени, опирающееся исключительно на смѣну нашихъ внутреннихъ состояній, отличается значительною неточностью.

Объективное измѣреніе времени. Неточность субъективной оцѣнки времени весьма рано вызвала потребность въ объективномъ его измѣреніи. Для этого человѣчество стало пользоваться равномѣрными, правильно періодически смѣняющимися явленіями внѣшней природы. Простѣйшимъ средствомъ сначала служили постоянныя измѣненія организма, каковы, напр., миганіе, дыханіе, періодическое возникновеніе голода послѣ насыщенія, періодическая смѣна сна и бодрствованія и т. п. Затѣмъ болѣе удобнымъ средствомъ измѣренія времени послужили явленія внѣшней природы, какъ напр., движеніе солнца, луны и другихъ небесныхъ свѣтилъ. Для болѣе мелкихъ подраздѣленій времени стали прибѣгать къ искусственнымъ пріемамъ и приборамъ, каковы напр., песочные и водяные часы. Наконецъ, явились изобрѣтенія, которыя привели къ вполнѣ точному объективному измѣренію времени. Таковы движенія маятника и хроноскопъ. Разсматривая способы объективнаго измѣренія времени, не трудно замѣтить, что оцѣнка времени путемъ равномѣрныхъ движеній сводится къ измѣренію времени при помощи пространства. По размѣру пройденнаго пространства минутной стрѣлкой мы судимъ о количествѣ протекшаго времени.

Глава XIV.

Внѣшнія и внутреннія воспріятія. Апперцепція. Иллюзіи.

Внѣшнія воспріятія. Общія формы внѣшнихъ воспріятій: 1) воспріятія внѣшнихъ вещей и 2) воспріятія собственнаго тѣла. *1. Воспрія-*

тіе внѣшнихъ предметовъ, какъ результатъ объективаціи ощущеній. Связь ихъ съ пространственными воспріятіями. Пассивная роль нѣкоторыхъ чувствъ въ образованіи внѣшнихъ воспріятій. Первенствующее значеніе мускульно-осязательныхъ и зрительныхъ ощущеній. *2. Воспріятіе собственнаго тѣла.* Двоякое отношеніе человѣка къ собственному тѣлу: тѣло—посторонній предметъ и тѣло—часть нашего „я“. Отличіе воспріятій собственнаго тѣла отъ воспріятій внѣшнихъ предметовъ. Сложность ощущеній, образующихъ воспріятія собственнаго тѣла, и значеніе осязательныхъ ощущеній. Недостаточность осязательныхъ ощущеній и ассоціированіе ихъ съ мускульными и зрительными ощущеніями. Наблюденія надъ паралитиками. Воспріятія собственнаго тѣла, какъ результатъ опыта. Наблюденія надъ дѣтьми; послѣдовательная практика осязательныхъ, мускульныхъ и зрительныхъ ощущеній. **Внутреннія воспріятія.** Отличіе внутреннихъ воспріятій отъ внѣшнихъ. Дѣятельность вниманія. Сознаніе, какъ причина внутреннихъ воспріятій. **Апперцепція.** Участіе въ воспріятіи ранѣе пережитыхъ фактовъ сознанія и значеніе ихъ, какъ элемента, ограничивающаго воспріятіе. Примѣры. Опредѣленіе апперцепціи. Значеніе апперцепціи, какъ процесса, обезпечивающаго пріобрѣтеніе точныхъ знаній Апперцепція, какъ причина иллюзій. **Иллюзіи.** Опредѣленіе иллюзій. Причины иллюзій: неопредѣленность ощущеній и апперцепція. Примѣры. Галлюцинаціи и отличіе ихъ отъ иллюзій. Физіологическое объясненіе происхожденія галлюцинацій. Объясненіе природы сновидѣній.

Внѣшнія воспріятія. Всѣ получаемыя нами ощущенія могутъ локализироваться либо во внѣшнемъ мірѣ, либо на поверхности нашего тѣла. Отсюда и внѣшнія воспріятія выражаются въ двухъ общихъ формахъ 1) одни изъ нихъ составляютъ *воспріятія внѣшнихъ вещей*, 2) другія—*воспріятія собственнаго тѣла.*

1. *Воспріятіе внѣшнихъ предметовъ*, какъ выяснено было раньше, сводится къ воспріятію ихъ качествъ, которыя суть не что иное, какъ наши ощущенія, вынесенныя за предѣлы нашего сознанія. Вынося ощущенія за предѣлы нашего «я», мы относимъ причину ихъ къ чему-то, внѣ насъ находящемуся, приводимъ ихъ въ связь съ пространственнымъ воспріятіемъ, приписывая имъ различныя пространственныя формы и отношенія. Въ воспріятіи качествъ предметовъ принимаютъ участіе всѣ наши внѣшнія чувства, но не всѣ они обладаютъ способностью распознаванія вещей и ихъ простран-

ственныхъ отношеній. Такъ, вкусовыя ощущенія могутъ локализироваться лишь тогда, когда вкусовыя вещества, производя давленіе на кожу, вызываютъ мускульно-осязательныя ощущенія. Обоняніе безъ помощи зрѣнія неспособно опредѣлить источника запаха. Равнымъ образомъ, безъ посредства зрѣнія и мускульно-осязательнаго чувства слухъ безсиленъ опредѣлить предметы, производящіе тѣ или иные звуки. Такимъ образомъ, въ основаніи внѣшнихъ воспріятій лежатъ мускульно-осязательныя и зрительныя ощущенія.

2. *Воспріятіе собственнаго тѣла.* Физическій организмъ или тѣло человѣка лежитъ на границѣ между духовнымъ его міромъ и міромъ внѣшнимъ, его окружающимъ. Отсюда и отношеніе человѣка къ своему тѣлу двоякое. Съ одной стороны, отъ тѣла, какъ отъ всякаго внѣшняго предмета, мы получаемъ различнаго рода впечатлѣнія, которыя ставятъ его въ нашемъ сознаніи въ положеніе самостоятельно существующаго предмета. Съ другой стороны, сочетаніе особаго рода ощущеній, которыя мы не связываемъ съ внѣшними предметами, а локализируемъ въ какой-либо части собственнаго тѣла, свидѣтельствуютъ нашему сознанію о томъ, что тѣло состоитъ въ неразрывной связи съ нашей личностью; поэтому мы считаемъ его частью нашего «я».

Существенное отличіе воспріятій собственнаго тѣла отъ воспріятій внѣшнихъ предметовъ заключается въ томъ, что здѣсь мы воспринимаемъ не только качества и пространственныя отношенія, но и локализируемъ въ различныхъ мѣстахъ организма различнаго рода ощущенія, иначе говоря, мы сознаемъ, на какую часть нашего тѣла распространяется дѣйствіе причины того или иного ощущенія. Особенность эта объясняется составомъ тѣхъ ощущеній, изъ которыхъ созидается воспріятіе нашего тѣла. Анализъ воспріятія нашего тѣла показываетъ, что оно слагается изъ различнаго рода ощущеній, но въ основѣ ихъ лежатъ разнообразныя осяза-

тельныя ощущенія, которыя и локализируются на периферіи тѣла. Такъ, дѣйствіе какой-либо причины на тотъ или иной участокъ кожи производитъ ощущеніе давленія, которое по качеству и силѣ отличается отъ ощущеній, возбуждаемыхъ въ другихъ частяхъ тѣла. Прикосновеніе, напр., какого-нибудь предмета къ щекѣ сопровождается осязательнымъ ощущеніемъ, отличнымъ отъ ощущеній, вызываемыхъ прикосновеніемъ ко лбу, затылку, рукѣ, спинѣ и т. д. Тоже самое происходитъ и при возникновеніи органическихъ ощущеній внутри тѣла, каковы напр., ощущенія, связанныя съ процессами пищеваренія, дыханія и т. п. Однако однихъ осязательныхъ ощущеній для воспріятія собственнаго тѣла оказывается недостаточно. Это подтверждается наблюденіями надъ паралитиками. Лица, пораженныя одностороннимъ параличемъ, оказываются обыкновенно нечувствительными къ уколамъ въ парализованныхъ частяхъ тѣла, если приэтомъ завязать имъ глаза; при открытыхъ же глазахъ они чувствуютъ эти уколы и правильно ихъ локализируютъ. Отсутствіе у паралитика способности различенія и локализаціи осязательныхъ ощущеній въ тѣхъ парализованныхъ частяхъ своего тѣла, которыхъ онъ не видитъ, объясняется потерею способности движенія и мускульнаго чувства, которое у здороваго человѣка ассоціируется съ осязательнымъ. То же обстоятельство, что паралитикъ способенъ локализировать осязательныя ощущенія даже въ парализованныхъ частяхъ, когда онъ видитъ, какъ ему дѣлаютъ уколы, находитъ себѣ причину и объясненіе въ томъ, что вмѣстѣ съ осязательными ощущеніями у него ассоціируются и зрительныя. Отсюда несомнѣнно слѣдуетъ, что воспріятіе нашего тѣла образуется изъ троякаго рода ощущеній: осязательныхъ, мускульныхъ и зрительныхъ. Осязательныя ощущенія локализируются на периферіи тѣла; но эта локализація обусловливается мускульными и зрительными ощущеніями: послѣднія путемъ ассоціаціи съ осязательными

ощущеніями указываютъ ихъ мѣсто на поверхности тѣла или, какъ говорятъ, сообщаютъ имъ „мѣстный знакъ“, по которому эти ощущенія всегда относятся нами къ опредѣленнымъ мѣстамъ.

Тотъ фактъ, что локализація осязательныхъ ощущеній происходитъ при участіи мускульнаго чувства и зрѣнія, показываетъ, что воспріятіе собственнаго тѣла не можетъ быть прирожденнымъ, а есть результатъ постепеннаго опыта младенческаго періода жизни. И дѣйствительно, всякое болѣе или менѣе ощутительное осязательное впечатлѣніе, получаемое ребенкомъ, влечетъ за собою инстинктивное движеніе рукъ въ направленіи той части тѣла, на которую дѣйствуетъ внѣшняя причина. Мускульныя ощущенія, происходящія отъ этихъ движеній, ассоціируются съ осязательными ощущеніями и тѣмъ указываютъ ихъ мѣсто на поверхности тѣла. Сравнительно позднѣе къ этому осязательно-мускульному опыту присоединяется зрительный. При полученіи осязательныхъ ощущеній ребенокъ поворачиваетъ голову въ сторону внѣшняго ихъ происхожденія и смотритъ на мѣста ихъ локализаціи; такимъ образомъ, съ осязательно-мускульными ощущеніями ассоціируются и зрительныя. Затѣмъ, повтореніе какого-либо осязательнаго ощущенія влечетъ за собою по ассоціаціи воспоминаніе о сопровождавшихъ ихъ мускульныхъ и зрительныхъ ощущеніяхъ: у ребенка возникаютъ представленія о тѣхъ движеніяхъ, какія онъ производилъ глазами и руками, чтобы увидѣть и прикоснуться къ тому мѣсту своего тѣла, гдѣ возникло осязательное ощущеніе. Такимъ путемъ происходитъ локализація осязательнаго ощущенія. Частое повтореніе однородныхъ воспріятій дѣлаетъ ассоціацію мускульныхъ и зрительныхъ представленій съ осязательными ощущеніями настолько привычной, что она становится для насъ совершенно незамѣтной, безсознательной.

Внутреннія воспріятія. Воспріятія явленій пси-

хической жизни существенно отличаются отъ внѣшнихъ воспріятій. Отличіе это объясняется особою природою душевныхъ явленій, а именно, ихъ сверхчувственностью, субъективностью, непространственностью и недѣлимостью. Вслѣдствіе этого, воспріятіе внутреннихъ состояній не пользуется никакими органами, какъ это происходитъ при внѣшнемъ воспріятіи, а совершается съ помощью особаго психическаго процесса, который состоитъ въ выдѣленіи изъ всей сложности психической жизни отдѣльныхъ явленій путемъ сосредоточенія на нихъ нашего вниманія. Подобно тому, какъ во внѣшнемъ воспріятіи получаемыя нами ощущенія мы проектируемъ за предѣлы нашего сознанія, признавая ихъ качествами общей причины, которую мы называемъ матеріей; такъ точно воспринимаемыя внутреннія состоянія относятся нами, какъ качества, къ общей причинѣ, ихъ производящей, а именно къ нашему «я», которое иначе мы называемъ душой.

Апперцепція. Анализъ процесса воспріятія показалъ что чувственныя воспріятія обусловливаются процессами воспроизведенія и узнаванія. Воспринимая тѣ или другіе предметы и свойства ихъ, мы, съ одной стороны, воспроизводимъ ранѣе пріобрѣтенныя нами воспріятія, а съ другой стороны, отличаемъ новое, незнакомое отъ стараго, извѣстнаго намъ. Говоря короче, при процессѣ воспріятія мы пользуемся ранѣе пережитыми фактами сознанія. Это обстоятельство имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Оно ставитъ воспріятіе въ зависимость отъ того или другого содержанія сознанія воспринимающаго лица и тѣмъ самымъ ограничиваетъ воспріятіе предшествующими представленіями, занимающими наше сознаніе. Поясникъ это примѣрами. Глядя на голубое небо, я могу не замѣтить плывущаго по небу облачка, если интересъ минуты сосредоточивается на небесной синевѣ. Другой примѣръ. При разсмотрѣніи какой-либо старинной золотой монеты различные люди обратятъ вниманіе на различ-

ные признаки ея. Такъ, археологъ заинтересуется признаками, опредѣляющими время чеканки монеты; художникъ сосредоточитъ свое вниманіе на степени изящества и стильности ея рельефовъ; золотыхъ дѣлъ мастеръ остановится на признакахъ, опредѣляющихъ достоинство благороднаго металла, корыстолюбецъ же обратитъ вниманіе на стоимость монеты. Ограниченіе воспріятія объясняется въ обоихъ случаяхъ содержаніемъ нашего сознанія: въ первомъ случаѣ—въ моментъ воспріятія, а во второмъ—предшествующими состояніями. Различіемъ воспріятій въ зависимости отъ различія содержанія сознанія объясняется весьма разнообразная оцѣнка однихъ и тѣхъ же предметовъ разными лицами; оцѣнка эта дѣлаетъ предметъ для однихъ драгоцѣннымъ, а для другихъ совершенно непужною вещью. Такимъ образомъ, психическія состоянія, которыя составляютъ преобладающее содержаніе нашего сознанія, выдвигаютъ на первый планъ тѣ стороны предмета, которыя находятся съ ними въ связи, и оставляютъ за порогомъ сознанія все то, что имъ не соотвѣтствуетъ. *Такое ограниченіе воспріятій предшествующими состояніями сознанія называется апперцепціей.* Очевидно, что ограниченіе воспріятія какою-либо одною стороною предмета требуетъ участія вниманія, которое, такимъ образомъ, является необходимымъ условіемъ всякой апперцепціи.

Апперцепція въ психической жизни человѣка играетъ весьма важную роль. Она ограничиваетъ разнообразіе матеріала воспріятія и тѣмъ обезпечиваетъ возможность самаго воспріятія; безъ апперцепціи мы не въ состояніи были бы разобраться въ массѣ ощущеній, не знали бы, на чемъ сосредоточить вниманіе. Благодаря этому, апперцепція является основаніемъ всѣхъ нашихъ знаній. Сосредоточивая вниманіе на извѣстной группѣ воспринимаемыхъ явленій, мы получаемъ возможность точно научнаго познанія вещей. Съ другой стороны, апперцепція можетъ приводить къ неправильному вос-

пріятію, которое носитъ названіе обмана чувствъ или чувственной иллюзіи.

Иллюзіи. Часто случается, что мы при воспріятіи дѣлаемъ ошибку и воспринимаемъ въ предметахъ то, чего въ нихъ въ дѣйствительности не существуетъ. Такъ напр., при недостаточномъ освѣщеніи одни предметы мы принимаемъ за другіе, при недостаточности слухового вниманія одни звуки за другіе и т. п. Эти ложныя воспріятія называются *иллюзіями*. Причиною иллюзій, съ одной стороны, является неопредѣленность, неотчетливость получаемыхъ нами ощущеній, могущая произойти отъ разныхъ причинъ. Съ другой же стороны, причиною иллюзій служитъ апперцепція, т. е. вліяніе предвзятаго психическаго состоянія. Чувственныя иллюзіи случаются на каждомъ шагу и обыкновенно сейчасъ же исправляются провѣркою ощущеній. При особенной силѣ и неотвязчивости нѣкоторыхъ психическихъ состояній, иллюзіи принимаютъ болѣзненный характеръ. Каждый шумъ или шорохъ скупецъ принимаетъ за звуки, производимые лѣзущимъ воромъ; человѣкъ, случайно отравившійся когда-либо, во всякой пищѣ видитъ признаки отравы и т. п. Всякая чувственная иллюзія предполагаетъ наличность ощущенія. Дѣло въ томъ, что съ ощущеніемъ связываются представленія, которыя не имѣютъ къ нему никакого отношенія. Но существуютъ такія ложныя воспріятія, для которыхъ нѣтъ внѣшняго повода къ полученію ощущенія, или же онъ очень незначителенъ. Такія воспріятія называются *галлюцинаціями*. Человѣкъ въ состояніи галлюцинаціи видитъ и слышитъ лицъ, которыхъ нѣтъ; но они для него столь дѣйствительны, что онъ нисколько не сомнѣвается въ ихъ присутствіи («Утопленникъ» Пушкина, «Макбетъ» Шекспира). Физіологическое объясненіе галлюцинацій состоитъ въ томъ, что чувствительные мозговые центры подъ вліяніемъ внутреннихъ причинъ приходятъ въ состояніе, въ которое при другихъ условіяхъ

они могутъ быть приведены только внѣшнимъ раздраженіемъ. Этимъ объясняется жизненность и ясность галлюцинацій, свойственныя только ощущенію и воспріятію. Наиболѣе часты иллюзіи и галлюцинаціи зрѣнія и слуха и наиболѣе рѣдки осязательныя; послѣднія въ большинствѣ случаевъ сопровождаютъ собою серьезныя болѣзни головного мозга. Сновидѣнія могутъ быть и иллюзіями, если во время сна происходитъ раздраженіе чувствъ, и галлюцинаціями, когда внѣшнихъ раздраженій не существуетъ.

Глава XV.

О представленіяхъ.

Представленія. Опредѣленіе представленій. Значеніе слова «образъ». Образы отдѣльныхъ ощущеній. Сходство и различіе между ощущеніями и представленіями. Физіологическія условія различія. Случаи, когда представленія достигаютъ силы и яркости ощущеній. **Виды представленій.** 1) *Простыя и сложныя представленія.* Сложныя представленія, какъ результатъ ассоціаціи простыхъ. Сложныя представленія, какъ простыя единицы. Болѣе сложныя группы представленій. 2) *Представленія связанныя и свободныя.* Понятіе о связанныхъ представленіяхъ и процессъ ихъ образованія. Роль связанныхъ представленій въ процессѣ узнаванія. Понятіе о свободныхъ представленіяхъ и ихъ образованіе. Значеніе свободныхъ представленій въ психической жизни человѣка. **Сохраненіе и воспроизведеніе представленій.** Воспроизведеніе представленій, какъ свидѣтельство ихъ сохраненія. Всѣ ли представленія сохраняются? Неразрѣшимость вопроса путемъ личнаго опыта. Показанія внѣшнихъ наблюденій. Способъ сохраненія представленій. Затруднительность разрѣшенія вопроса. Физіологическая теорія навыка. Ея недостатки.

Представленія. Благодаря репродукціи, въ нашемъ сознаніи возникаютъ повторные психическіе факты, которые мы называемъ *представленіями.* Въ простѣйшемъ видѣ представленія суть возобновленныя безъ участія раздражающей силы ощущенія; ихъ мы иначе называемъ *образами.* Въ обыденной жизни образами обыкновенно называются зрительныя представленія; въ психологіи же слово это имѣетъ болѣе об-

ширное значеніе. Съ психологической точки зрѣнія всякому ощущенію можетъ соотвѣтствовать его образъ. Такъ, вспоминая о различныхъ предметахъ, мы можемъ умственно воспроизводить ощущенія отдѣльныхъ свойствъ этихъ предметовъ цвѣтъ, звуки, характеръ поверхности, вкусъ и проч. Такимъ путемъ получаются образы или представленія. зрительные, слуховые, осязательные, вкусовые и др.

Представленія въ качественномъ отношеніи тѣ же ощущенія; но въ отношеніи интенсивности между ними существуетъ различіе. Представленіе обыкновенно слабѣе, блѣдніе ощущенія. Это можно провѣрить на любомъ представленіи путемъ сопоставленія его съ соотвѣтствующимъ ощущеніемъ. Умственный зрительный образъ пламени блѣдніе непосредственно полученнаго ощущенія; слуховой образъ пушечнаго выстрѣла несравненно слабѣе соотвѣтствующаго ему ощущенія; представлять запахъ розы не то, что въ дѣйствительности нюхать розу и т. п. Приэтомъ представленія сравнительно съ ощущеніями не имѣютъ для насъ реальнаго значенія, такъ какъ сопровождаются сознаніемъ отсутствія причины, ихъ вызвавшей. Указанныя отличія представленій отъ ощущеній находятъ себѣ объясненіе въ различіи физіологическихъ процессовъ, которыми они сопровождаются. Ощущенія образуются вслѣдствіе возбужденія нервной системы путемъ непосредственнаго раздраженія центростремительныхъ нервовъ; это сообщаетъ имъ силу, яркость, а намъ сознаніе ихъ дѣйствительности, реальности; представленія же возникаютъ, благодаря возбужденію только лишь центральной системы. Бываютъ однако случаи, когда представленія достигаютъ силы и яркости ощущеній. Таковы напр., представленія, изъ которыхъ слагаются сновидѣнія, а на яву галлюцинаціи.

Виды представленій. Анализъ репродуктивной дѣятельности нашего сознанія показалъ намъ, что представленія

обыкновенно являются результатомъ совмѣстнаго дѣйствія процессовъ репродукціи, воспріятія и узнаванія. Благодаря этому, они принимаютъ разнообразныя формы или виды. Такъ представленія бываютъ 1) *простыя* и *сложныя* и 2) *связанныя* и *свободныя*.

1. Мы уже знаемъ, что основнымъ элементомъ представленія служитъ ощущеніе. Если въ нашемъ сознаніи возникаетъ образъ какого-либо отдѣльнаго ощущенія, то такое представленіе должно быть названо *простымъ*. Напримѣръ, слова «бѣлый», «горькій», «шероховатый» обозначаютъ собой простыя представленія. Но простыя представленія, какъ и ощущенія въ ихъ элементарномъ видѣ, явленія рѣдкія. Обыкновенно, простыя представленія, какъ и ощущенія, самыми разнообразными способами ассоціируются другъ съ другомъ; подобно тому, какъ кусочки цвѣтныхъ камешковъ, уложенные извѣстнымъ образомъ, образуютъ мозаичную картину, такъ и простыя представленія, складываются въ различныя комбинаціи и образуютъ сложныя представленія. Такъ напр., изъ различнаго рода ощущеній: зрительныхъ, осязательныхъ, вкусовыхъ, мускульныхъ и др. получается воспріятіе того или другого предмета. Къ этимъ ощущеніямъ данной минуты присоединяются вызванныя памятью ощущенія, испытанныя нами когда-либо раньше. Совокупность такимъ образомъ ассоціированныхъ ощущеній даетъ сложный образъ или представленіе предмета. Въ нашей умственной работѣ мы обыкновенно распоряжаемся представленіями, какъ простыми единицами. Но анализъ ихъ показываетъ, что они, какъ результатъ сложной психической работы, представляютъ собою сложныя психическія явленія. Наконецъ, сложныя представленія, которыя въ нашемъ сознаніи имѣютъ характеръ простоты и единичности, въ свою очередь ассоціируются въ сложныя группы, образующія цѣлыя картины. Таковы напр., представленія какой-либо мѣстности, комнатной обстановки и т. п.

2. Анализъ процесса воспріятія показалъ, что всякое воспріятіе (перцептъ) есть результатъ взаимной ассоціаціи многихъ и разнообразныхъ ощущеній, имѣвшихъ своей внѣшней причиной какой-либо одинъ предметъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было выяснено, что процессъ воспріятія обусловливается, съ одной стороны, узнаваніемъ, а съ другой,—репродукціей ранѣе испытанныхъ ощущеній. Такимъ образомъ, при каждомъ воспріятіи воспроизводятся и тѣ представленія, которыя образовались ранѣе изъ ощущеній, одинаковыхъ по качеству съ ощущеніями, непосредственно получаемыми при воспріятіи. Я смотрю на апельсинъ, и у меня рядомъ съ получаемымъ зрительнымъ ощущеніемъ возникаетъ представленіе подобныхъ же ощущеній, испытанныхъ мною прежде. Но это представленіе, за силою моего вниманія, сосредоточеннаго на дѣйствительномъ ощущеніи, не имѣетъ самостоятельнаго значенія и остается внѣ поля яснаго сознанія. Такія смутныя представленія, вызываемыя дѣйствительными ощущеніями, однородными съ тѣми, изъ которыхъ нѣкогда образовались эти представленія, называются *связанными представленіями*. Представленія эти играютъ весьма важную роль въ процессѣ узнаванія. Безъ нихъ узнаваніе было бы невозможно, а слѣдовательно, невозможно было бы и воспріятіе ранѣе пережитыхъ ощущеній. При повтореніи мы ихъ не узнавали бы и каждый разъ они казались бы намъ новыми. Но на ряду со связанными представленіями существуютъ представленія, которыя называются свободными. Если изъ сложнаго воспріятія, пережитаго нами ранѣе, воспринимается одно ощущеніе, то, кромѣ связаннаго съ нимъ представленія, въ сознаніи нашемъ возникаютъ представленія и другихъ ощущеній, которыя входили въ составъ сложнаго воспріятія. Представленія эти являются самостоятельными, ясно различимыми членами сознанія и потому называются *свободными*. Положимъ, что предметомъ пережитой сложной перцепціи было яблоко. Замѣчая среди листьевъ

дерева красный цвѣтъ, мы дополняемъ это воспріятіе представленіемъ другихъ свойствъ яблока, и принимаемъ то, что видимъ, за яблоко. Или, видъ раскрытой бритвы вызываетъ въ человѣкѣ представленіе боли при порѣзѣ, ощущеніе отъ ржанія лошади сопровождается воспроизведеніемъ зрительныхъ впечатлѣній мы можемъ представить себѣ внѣшній видъ лошади, даже съ сѣдокомъ и т. п. Значеніе свободныхъ представленій въ жизни человѣка велико. Изъ нихъ образуется въ сознаніи независимый кругъ представленій, изъ которыхъ слагается самостоятельная жизнь сознанія. На свободныхъ представленіяхъ формируется житейскій опытъ человѣка. Съ другой же стороны, свободныя представленія, при отсутствіи точнаго познанія вещей, ихъ свойствъ и соотношеній, служатъ причиною обмановъ и заблужденій. Особенно подвержены имъ дѣти. Такъ, ребенокъ всякій предметъ принимаетъ за съѣдобное вещество и тянетъ его въ ротъ, всякое бѣлое вещество — за за сахаръ и т. п.

Сохраненіе и воспроизведеніе представленій. Анализъ репродуктивной дѣятельности нашего сознанія показалъ, что представленія, какъ и всѣ вообще психическія состоянія, могутъ возобновляться, воспроизводиться. Мы можемъ многократно и въ различное время представить воспринятыя нами предметы, лица, мелодіи и т. п. Фактъ репродукціи представленій свидѣтельствуетъ о томъ, что они сохраняются. Здѣсь прежде всего представляется вопросъ, всѣ ли представленія сохраняются въ нашемъ сознаніи? Путемъ личнаго опыта вопросъ этотъ неразрѣшимъ, потому что мы не въ состояніи обнять всѣхъ воспринятыхъ нами ощущеній и ихъ возобновленія въ памяти. Но внѣшнія наблюденія показываютъ, какъ часто у людей возникаютъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, весьма слабыя и незначительныя психическія состоянія. Такъ напр., въ глубокой старости или передъ смертью пробуждаются нерѣдко давно забытыя представленія юности. Или,

въ болѣзненныхъ состояніяхъ произносятся слова, свидѣтельствующія о возобновленіи такихъ представленій, которыя никогда не вспоминались въ здоровомъ состояніи. Основываясь на этомъ, можно сказать, что всякое представленіе способно къ сохраненію, а слѣдовательно, и къ воспроизведенію. Наиболѣе существеннымъ является вопросъ объ условіяхъ сохраненія представленій, но вопросъ этотъ мы разсмотримъ въ главѣ о памяти.

Какимъ же образомъ сохраняются представленія? Рѣшеніе этого вопроса представляетъ затрудненія. Затрудненія эти зависятъ отъ невозможности разрѣшить вопросъ о томъ, въ какомъ видѣ сохраняются представленія: въ видѣ ли какихъ-либо матеріальныхъ слѣдовъ, составляющихъ функціи мозговыхъ клѣтокъ, или же въ видѣ психическихъ состояній, т. е. фактовъ нематеріальнаго характера. Изъ существующихъ на этотъ предметъ теорій наиболѣе естественной и убѣдительной является физіологическая теорія навыка, по которой сохраненіе и воспроизведеніе представленій объясняется измѣненіями въ мозгу; благодаря этимъ измѣненіямъ нервная ткань получаетъ предрасположеніе и привычку къ болѣе легкому совершенію повторнаго дѣйствія. Однако и эта теорія не вполнѣ удовлетворительна. Основной недостатокъ ея заключается въ томъ, что она объясняетъ намъ не сохраненіе представленій, какъ психическихъ фактовъ, а лишь тѣ физіологическіе процессы, которыми обусловливается ихъ сохраненіе.

Глава XVI.

Объ ассоціаціи представленій.

Понятіе объ ассоціаціи представленій. Существуетъ ли въ теченіи свободныхъ представленій какая-либо законность? Двоякаго рода наблюденія: безсознательное и сознательное возникновеніе образовъ. Случаи самопроизвольнаго возникновенія представленій. Физіо-

логическое объясненіе самопроизвольности представленій. Отрицаніе ея нѣкоторыми психологами. Обнаруженіе законности въ процессѣ воспроизведенія представленій и понятіе объ ассоціаціи ихъ. Три формы ассоціаціи представленій. **Ассоціація по смежности.** Сущность ассоціаціи и ея широкая распространенность. Два случая ассоціаціи по смежности: одновременность и послѣдовательность возникновенія представленій. Примѣры. Значеніе ассоціаціи по смежности въ психической жизни человѣка **Ассоціація по сходству.** Сущность ея. Различныя степени сходства: полное сходство, качественное сходство и аналогія. **Ассоціація по контрасту** и ея опредѣленіе. Примѣры. Ассоціація по контрасту, какъ особая форма ассоціаціи по сходству. **Косвенная ассоціація.** Случаи неуловимости ассоціаціи представленій. Причина ея: безсознательные члены ассоціаціи. **Условія, опредѣляющія характеръ и направленіе ассоціаціи представленій.** Сложность и неисчерпаемость комбинацій сочетанія представленіи. Примѣры. Условія, опредѣляющія направленіе ассоціируемыхъ представленій. 1) *Физическое строеніе организма* и физіологическіе процессы, происходящіе въ немъ. Индивидуальность и болѣзненность состоянія. 2) *Преобладающее чувство.* Вліяніе настроенія на теченіе представленій. Примѣры. 3) *Частое повтореніе* однихъ и тѣхъ же впечатлѣній. Спеціализація знаній. 4) *Природныя наклонности.* **Значеніе ассоціацій.** Ассоціаціи — процессы психофизическаго происхожденія. Слѣдствіе: ихъ автоматичность. Ассоціаціи, какъ процессы, дающіе основной матеріалъ для психической жизни. Объединяющая сила сознанія.

Понятіе объ ассоціаціи представленій. Изъ предыдущаго мы знаемъ, что на ряду съ реальной жизнью, слагающеюся изъ ощущеній и воспріятій, идетъ самостоятельная жизнь сознанія, въ основѣ которой лежитъ теченіе свободныхъ представленій. Здѣсь раждается вопросъ, существуетъ ли въ этомъ теченіи какая-либо законность? Наблюдая надъ теченіемъ нашихъ представленій, мы замѣчаемъ, что во многихъ случаяхъ возникновеніе образовъ происходитъ безъ нашего участія, они всплываютъ сами собой и притомъ въ такомъ безпорядкѣ, что нѣтъ возможности отыскать между ними какую-либо связь. Во многихъ же случаяхъ мы замѣчаемъ, что представленія воспроизводятся въ нашемъ сознаніи при участіи другихъ представленій или непосредственныхъ ощущеній.

Первые случаи указываютъ намъ на возможность само-

произвольнаго возникновенія представленій. Они, главнымъ образомъ, наблюдаются въ сновидѣніяхъ и галлюцинаціяхъ. Такъ, въ сновидѣніяхъ часто возникаютъ представленія о такихъ вещахъ, о которыхъ мы давно уже не думали, и притомъ возникаютъ въ такомъ запутанномъ и случайномъ порядкѣ, который не поддается никакому объясненію. Равнымъ образомъ, и въ галлюцинаціяхъ мы имѣемъ дѣло съ такими представленіями, которыя совершенно не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и не могутъ быть объяснены никакими сопровождающими ихъ фактами. Самопроизвольное возникновеніе представленій наблюдается и на яву, при нормальномъ теченіи психической жизни. Нерѣдко, помимо нашей воли, въ сознаніи нашемъ всплываютъ образы видѣнныхъ нами лицъ, предметовъ, слышанныхъ нами мелодій въ такіе моменты, когда мы заняты дѣломъ, которое не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ этими образами. Физіологическое объясненіе самопроизвольнаго возникновенія представленій слѣдующее. Всякое ощущеніе сопровождается колебательнымъ состояніемъ мозговыхъ частичекъ. Съ прекращеніемъ дѣйствія раздражающей силы колебаніе это затихаетъ. Затѣмъ дѣйствіе какой-нибудь причины, какъ напр., измѣненіе кровообращенія въ данной части мозга, въ силу закона навыка, можетъ вызвать вновь это колебательное движеніе, а съ нимъ вмѣстѣ и соотвѣтствующій образъ. Однако возможность самопроизвольнаго возникновенія представленій многими психологами оспаривается. Основанія слѣдующія. Въ большинствѣ случаевъ въ теченіи представленій наблюдается несомнѣнная связь, которая отличается законностью и поддается объясненію. Но эта смѣна представленій бываетъ часто такъ сложна и запутана, что нѣтъ никакой возможности подмѣтить существующую между отдѣльными звеньями связь, и намъ кажется, что возникновеніе представленій совершается самопроизвольно.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ уже процессъ

воспроизведенія сложныхъ представленій показываетъ, что здѣсь работа совершается по извѣстному закону. Положимъ, что какое-либо сложное представленіе (а+в+с) исчезло изъ поля сознанія; при появленіи представленія а замѣчается стремленіе къ воспроизведенію и остальныхъ элементовъ сложнаго представленія, т. е., в+с. Вспомнивая лицо какого-либо человѣка, мы невольно воспроизводимъ и другіе элементы нѣкогда полученныхъ воспріятій, какъ-то одежду, голосъ, походку, даже его имя или фамилію и т. д. Такимъ образомъ, можно сказать, что представленія, группируясь въ нашемъ сознаніи, приходятъ между собою въ тѣсную связь, по которой одни представленія стремятся вызвать въ нашемъ сознаніи другія. Такая же связь наблюдается и въ общемъ теченіи представленій; они возникаютъ одно за другимъ не случайно и не въ хаотическомъ безпорядкѣ, а текутъ стройными рядами, находясь въ цѣлесообразной другъ отъ друга зависимости. Эта связь носитъ названіе *ассоціаціи представленій*. Факты ассоціированія представленій замѣчены были еще въ древности; приэтомъ уже давно установлено три формы ассоціаціи: по *смежности*, по *сходству* и по *контрасту*

Ассоціація по смежности можетъ быть формулирована слѣдующимъ образомъ: ощущенія и представленія, возникающія въ нашемъ сознаніи одновременно или въ непосредственной послѣдовательности обнаруживаютъ стремленіе къ совмѣстному же и воспроизведенію. Законъ этотъ наблюдается на каждомъ шагу и находитъ себѣ подтвержденіе въ воспроизведеніи любого сложнаго воспріятія. При произнесеніи, напр., слово «апельсинъ» мы вспоминаемъ и всѣ воспринятыя нѣкогда свойства этого предмета, слѣдовательно, вмѣстѣ съ слуховымъ образомъ воспроизводятся всѣ остальные, которые ассоціировались съ нимъ на основаніи одновременно полученныхъ ощущеній. Въ ассоціаціи по смежности, какъ видно изъ формулы ея, различается два случая: во 1-хъ,

связь представленій, основанная на одновременномъ ихъ возникновеніи, и во 2-хъ, связь, основанная на хронологической близости. Примѣрами первой ассоціаціи могутъ служить отысканіе дома по внѣшнимъ его признакамъ и окружающей обстановкѣ, или во время ночного путешествія ожиданіе человѣческаго жилья по лаю собакъ, или же заключеніе о душевномъ состояніи человѣка по выраженію его лица и т. п. Какъ на примѣры смежности по непосредственному преемству фактовъ можно указать на представленія молніи и грома, набѣгающей грозовой тучи и дождя и мн. др. Ассоціація по смежности имѣетъ огромное значеніе въ жизни нашего сознанія. Она руководитъ многими явленіями нашего житейскаго опыта слѣдуя ей и сочетая различные образы съ слуховыми, ребенокъ научается говорить, на ассоціаціи звуковыхъ образовъ по смежности основывается заучиваніе чего-либо наизусть.

Ассоціація по сходству состоитъ въ томъ, что ощущенія и представленія данной минуты стремятся вызвать прежнія представленія, въ чемъ-либо съ ними сходныя. Наиболѣе наглядным примѣромъ подобной ассоціаціи можетъ служить слѣдующій примѣръ: портретъ какого-нибудь лица можетъ вызвать представленіе оригинала, а лицо — представленіе другого какого-нибудь лица. Различаютъ разные степени сходства. Высшую степень его представляетъ полное сходство или совпаденіе, когда ассоціируемыя представленія являются тождественными. Этотъ видъ сходства наблюдается при воспріятіи знакомыхъ предметовъ, благодаря чему мы и узнаемъ ихъ. Вторую ступень сходства составляетъ качественное сходство; оно состоитъ въ ассоціаціи представленій на основаніи сходства ихъ въ нѣкоторыхъ свойствахъ. Напримѣръ, представленіе о Наполеонѣ можетъ вызвать представленіе объ Александрѣ Македонскомъ, за образомъ Суворова можетъ возникнуть образъ Аннибала и т. п. Наконецъ, третью ступень

сходства представляетъ болѣе отдаленное сходство, называемое *аналогіей*. Суть его состоитъ въ томъ, что въ этомъ случаѣ представленія ассоціируются на основаніи сходственныхъ отношеній между частями или свойствами различныхъ предметовъ. Таковы, напр., сопоставленія руки человѣческой съ ручкой двери, шляпы головной съ шляпой гвоздя или гриба и т. п. Примѣромъ ассоціаціи по аналогіи могутъ служить метафоры. Ассоціація по сходству особенно развита у поэтовъ. Ей человѣчество обязано всѣмъ богатствомъ поэтическихъ образовъ и сравненій.

Ассоціація по контрасту. Одни представленія могутъ вызываться другими по противоположности ихъ свойствъ. Такъ напр., представленіе холода можетъ вызвать представленіе тепла, представленіе богатства—представленіе бѣдности и т. п. Путешественнику, совершающему долгій зимній путь, можетъ представиться теплая, уютная комната. Картина довольства и роскоши очень часто вызываетъ противоположные образы нищеты и лишеній. Прекрасный примѣръ ассоціаціи по контрасту представляетъ стихотвореніе Пушкина: «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ», гдѣ поэтъ даетъ цѣлый рядъ разительныхъ въ этомъ отношеніи образовъ и картинъ. Однако анализъ ассоціаціи по контрасту убѣждаетъ въ томъ, что она представляетъ лишь особую форму и видоизмѣненіе ассоціаціи по сходству. Представленія, которыя находятся между собою въ отношеніи противоположности, въ сущности представляютъ крайнія точки одного и того же явленія, а потому заключаютъ въ себѣ нѣчто общее. Такъ, въ представленіяхъ тепла и холода общимъ элементомъ служитъ температура, доведенная до противоположности въ количественномъ отношеніи; то же можно сказать и о представленіяхъ свѣта и тьмы, тишины и шума и т. д.

Косвенныя ассоціаціи. Каждый человѣкъ можетъ наблюсти въ себѣ самомъ случаи такого сочетанія представле-

ній, которое не можетъ быть объяснимо никакой ассоціаціей и производитъ впечатлѣніе самопроизвольности возникновенія. Однако во многихъ случаяхъ сосредоточеніе вниманія на подобныхъ явленіяхъ, обнаруживаетъ, что причина ихъ заключается въ слѣдующемъ. При теченіи представленій нѣкоторые изъ нихъ отличаются сравнительною яркостью, другія же оказываются смутными и потому ускользаютъ отъ сознанія; такимъ образомъ получаются необъяснимые скачки. Сидя у себя въ кабинетѣ и припоминая стихотвореніе Пушкина «Къ морю», я вдругъ вспомнилъ о котлетахъ, и передо мной съ живостью возникъ образъ пары только что изжаренныхъ и лежащихъ на тарелкѣ котлетъ. Заинтересованный необычайностью такого сочетанія, я постарался доискаться скрытой его причины. Оказалось, что во время припоминанія мною стихотворенія въ кухнѣ поваръ рубилъ котлеты. Звуки долетали до моего слуха, но они остались мною незамѣченными, а между тѣмъ послужили мотивами къ воспроизведенію другого сложнаго представленія. Такіе члены ассоціаціи, которые, вызывая представленія, остаются сами незамѣченными, называются *безсознательными* членами ассоціаціи, а самая ассоціація — *косвенною*.

Условія, опредѣляющія характеръ и направленіе ассоціаціи представленій. Представленія, сочетаясь между собою, образуютъ чрезвычайно сложныя и неисчислимыя комбинаціи и разнообразныя перекрестныя сплетенія. Одно и то же представленіе можетъ входить въ составъ различныхъ группъ и при воспроизведеніи вызвать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ то одни, то другія представленія. Такъ напр., образъ моря въ одномъ случаѣ можетъ вызвать представленіе неба, въ другомъ — представленіе шумящаго лѣса, въ третьемъ — представленіе волнующейся нивы, въ четвертомъ — пустыни, наконецъ, какъ у Пушкина,—воспоминаніе о великихъ людяхъ, жизнь которыхъ какимъ-либо образомъ была

связана съ моремъ и мн. др. Отсюда является вопросъ, чѣмъ обусловливается направленіе ассоціированныхъ представленій? Условія эти различны и могутъ быть сведены къ слѣдующимъ основнымъ.

1. *Физическое строеніе организма* и происходящіе въ немъ физіологическіе процессы оказываютъ вліяніе какъ на содержаніе, такъ и направленіе ассоціацій. Важную роль въ этомъ отношеніи играетъ индивидуальность. Болѣзненныя состоянія организма влекутъ за собою неясность, задержку и спутанность представленій.

2. Соединеніе представленій въ каждомъ случаѣ можетъ обусловливаться *преобладающимъ* въ данный моментъ *чувствомъ*. Всякое чувство обнаруживаетъ стремленіе къ удержанію и воспроизведенію въ сознаніи тѣхъ фактовъ, которые гармонируютъ съ нимъ, и къ удаленію тѣхъ, которые ему не соотвѣтствуютъ. Одинъ и тотъ же предметъ при различномъ настроеніи можетъ вызвать различный рядъ представленій. Такъ напр., на фонѣ грустнаго настроенія воспоминаніе объ осени вызоветъ образы, гармонирующіе съ этимъ настроеніемъ: пасмурное небо, моросящій дождь, сырой, холодный вѣтеръ, падающіе листья и т. п. Напротивъ, при бодромъ, жизнерадостномъ настроеніи возникаетъ рядъ образовъ иного характера, что мы видимъ напр., въ стихотвореніи Пушкина «Осень».

3. *Частое повтореніе* однихъ и тѣхъ же *впечатлѣній* и пріобрѣтаемая такимъ образомъ привычка къ нимъ способствуютъ болѣе свободному и обычному ихъ вызову. Здѣсь важную роль играетъ спеціализація занятій. Такъ напр., при словѣ «ракъ», у людей различныхъ профессій возникнутъ и различныя ассоціаціи: зоологъ вспомнитъ животное, врачъ — болѣзнь, астрономъ—извѣстное созвѣздіе.

4. Наконецъ, на ассоціацію представленій вліяютъ *природныя склонности* къ тому или другому виду представленій.

Есть люди, которые легко воспроизводятъ зрительные образы, другіе—слуховые и т. д.

Значеніе ассоціацій. Анализъ ассоціативной работы обнаруживаетъ зависимость ее отъ анатомо-физіологическихъ условій. Здѣсь выясняется, что ассоціаціи—процессы психофизическаго происхожденія. Отсюда понятно, что процессы эти, находясь въ нѣкоторой зависимости отъ физической природы человѣка, носятъ характеръ автоматичности. Этимъ свойствомъ слѣдуетъ объяснить всѣ случайности и необъяснимые капризы, нерѣдко наблюдаемые въ теченіи представленій. Представленія съ ихъ ассоціативной способностью являются основнымъ матеріаломъ для психической жизни вообще и для мышленія въ частности. Объединяющая сила сознанія даетъ этому матеріалу плодотворную обработку и разумное, цѣлесообразное направленіе. Вотъ почему распадъ душевной жизни обнаруживается прежде всего въ разстройствѣ ассоціативныхъ процессовъ.

Глава XVII.

О памяти.

Что такое память? Опредѣленіе памяти. Два момента памяти: 1) моментъ сохраненія и 2) моментъ возобновленія. Двѣ формы сохраненія: памятованіе и забвеніе. Забвеніе, какъ постоянный и необходимый душевный процессъ. **Психофизическое объясненіе происхожденія явленій памяти.** Условія сохраненія представленій. Затруднительность опредѣленія этихъ условій. Двѣ точки зрѣнія: физіологическая и психологическая. Физіологическая теорія навыка. Остаточные образы. Примѣры. Остаточные образы воспоминанія. Состояніе и дѣятельность мозга. Односторонность физіологической теоріи. **Индивидуальныя особенности памяти.** Качественное различіе памяти у разныхъ людей. Отношеніе индивидуальныхъ особенностей памяти къ другимъ способностямъ. **Типы памяти:** 1) *зрительный*, 2) *слуховой*, 3) *мускульно-двигательный* и 4) *безразличный*. Сущность каждаго типа памяти. Примѣры. **Свойства памяти.** Количественная сторона памяти. Свойства ея: 1) объемъ сохраняемости, 2) твердость сохраненія и 3) быстрота запоминанія. Память механическая и разсу-

дочная. **Упражненіе памяти.** Мнемоника и основаніе ея происхожденія. Память—дѣло природы и невозможность ея улучшенія. Возможность улучшенія способовъ болѣе легкаго запоминанія. Пріемъ цѣлесообразнаго упражненія памяти: 1) *усвоеніе при помощи вниманія;* 2) *разсудочное усвоеніе;* 3) *повтореніе изучаемаго;* 4) *систематичность и послѣдовательность усвоенія.* **Значеніе памяти.** Память, какъ условіе единства душевной жизни. Слова проф. Сикарскаго. **Воспоминаніе и отличіе его отъ воспроизведенія.** Сознательность—отличительный признакъ воспоминанія. Въ чемъ выражается сознательность? Опредѣленіе воспоминанія. Различныя степени точности воспоминанія. Примѣры. Припоминаніе.

Что такое память? Способность репродуцированія мы назвали памятью. Но возможность возобновленія психическихъ фактовъ обусловливается ихъ сохраненіемъ. Принимая ощущенія за элементарныя психическія состоянія, изъ которыхъ слагается душевная жизнь, мы можемъ сказать, что памятью называется умственная способность сохраненія или удержанія въ умѣ ощущеній безъ участія производящей ихъ раздражающей силы. Однако, основываясь на вышеизложенномъ, мы должны различать въ памяти два момента: 1) моментъ *сохраненія* душевнаго состоянія послѣ прекращенія дѣйствія вызвавшей его причины и 2) моментъ *возобновленія* его безъ участія внѣшней причины въ формѣ умственнаго образа или идеи. Сохраненіе имѣетъ двѣ формы: *памятованіе* и *забвеніе*. Здѣсь подъ забвеніемъ, конечно, нужно понимать не исчезновеніе, а особую форму того же сохраненія, которое характеризуется слабостью существующихъ и сохраняющихся душевныхъ состояній. Съ такой точки зрѣнія забвеніе, какъ и памятованіе, составляетъ постоянный и необходимый душевный процессъ. И дѣйствительно, актъ памятованія какого-либо душевнаго состоянія всегда сопровождается забвеніемъ другихъ душевныхъ состояній, безъ котораго данное состояніе не можетъ быть сознано. Такимъ образомъ, можно сказать, что всякое душевное состояніе можетъ быть осуществлено не иначе, какъ при помощи забвенія другихъ. Жизнь сознанія часто вступаетъ въ борьбу съ навязчивыми

представленіями, стараясь ихъ забыть. Отсюда способность забыванія можетъ быть культивирована. Искусство самовоспитанія во многихъ случаяхъ опирается на умѣнье забывать.

Психофизическое объясненіе происхожденія явленій памяти. Согласно сдѣланному нами опредѣленію памяти, объясненіе происхожденія явленій ея сводится къ вопросу объ условіяхъ сохраненія представленій. Однако рѣшеніе этого вопроса встрѣчаетъ затрудненія и представляется дѣломъ нелегкимъ. Затрудненія эти зависятъ отъ невозможности разрѣшить вопросъ о томъ, въ какомъ видѣ сохраняются представленія: въ видѣ ли какихъ-либо матеріальныхъ слѣдовъ, составляющихъ функціи мозговыхъ клѣтокъ, или же въ видѣ психическихъ состояній, т. е. фактовъ нематеріальнаго характера. Иначе говоря, дѣло сводится къ двумъ точкамъ зрѣнія: физіологической и психологической. Изъ существующихъ на этотъ предметъ физіологическихъ теорій наиболѣе естественной и убѣдительной является извѣстная уже намъ теорія навыка. По этой теоріи процессъ сохраненія и воспроизведенія представленій объясняется слѣдующимъ образомъ. Впечатлѣніе, получаемое отъ раздраженія концевыхъ нервныхъ аппаратовъ, не исчезаетъ внезапно, а втеченіе нѣкотораго времени сохраняется въ видѣ слѣда, который можетъ быть названъ «остаточнымъ образомъ». Существованіе такихъ слѣдовъ можетъ быть провѣрено каждымъ изъ насъ путемъ личнаго опыта. Если послѣ долгаго и пристальнаго смотрѣнія на какой-либо свѣтовой источникъ (солнце, пламя свѣчи) закрыть глаза, то въ теченіе нѣкотораго времени передъ нами будетъ ясный образъ свѣтоиспускающаго предмета. Такіе же слѣды получаются и отъ другихъ болѣе или менѣе рѣзко освѣщенныхъ предметовъ; приэтомъ получается иногда дополнительный слѣдъ, представляющій контрастъ первоначальному ощущенію. Такъ напр., послѣ пристальнаго смо-

трѣнія на окно, которое, въ смыслѣ получаемаго ощущенія, представляетъ темную рѣшетку на свѣтломъ полѣ, можетъ получиться отрицательный остаточный образъ въ видѣ свѣтлой рѣшетки на темномъ полѣ. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что слѣдъ переживаетъ собою раздраженіе. Далѣе наблюденія показали, что если сосредоточить вниманіе на остаточномъ образѣ, то можно вызвать въ памяти умственный образъ видѣннаго предмета, который по яркости своей будетъ сильнѣе образа того-же предмета, воспроизведеннаго инымъ способомъ. Этотъ умственный образъ называютъ остаточнымъ образомъ воспоминанія. Подобнаго рода факты показываютъ, что процессъ храненія и воспроизведенія ощущеній имѣетъ своимъ началомъ нервное возбужденіе, получаемое чрезъ органы чувствъ. Затѣмъ чувствительность мозговыхъ центровъ достигаетъ такой тонкости, что процессъ этотъ совершается при слабыхъ до неуловимости возбужденіяхъ и даже становится свободнымъ, независимымъ отъ тѣла процессомъ. Чѣмъ же можно объяснить такую тонкую и самостоятельную дѣятельность мозга? Путемъ аналогіи между сѣтчаткой и мозгомъ. Какъ при остаточномъ образѣ продолжаетъ функціонировать сѣтчатка, такъ при остаточномъ образѣ воспоминанія функціонируетъ мозгъ. Этимъ объясняется, напр., почему послѣ долгой и напряженной работы надъ числами, или послѣ продолжительнаго разсматриванія картинъ, или же послѣ долгаго слушанія музыкальныхъ пьесъ, въ особенности однѣхъ и тѣхъ же, навязчиво проносятся передъ глазами ряды чиселъ, вереница картинъ, а въ ушахъ звучатъ отрывки пьесъ. Повтореніе и навыкъ производятъ въ мозгу такія физіологическія измѣненія, благодаря которымъ нервная ткань получаетъ предрасположеніе къ болѣе легкому совершенію повторнаго дѣйствія. Какъ ни убѣдительна данная теорія, однако она грѣшитъ односторонностью. Раскрывая намъ физіологическіе процессы, которыми обусловливается сохраненіе представле-

ній, она не даетъ намъ объясненія сохраненія представленій, какъ фактовъ психическихъ.

Индивидуальныя особенности памяти. Было время, когда на память смотрѣли какъ на способность, которая въ качественномъ отношеніи у всѣхъ людей одинакова и различается только въ количественномъ отношеніи. Впослѣдствіи наблюденія и опытъ показали противное: память въ качественномъ отношеніи у различныхъ субъектовъ отличается чрезвычайною индивидуальностью и разнообразіемъ. Одни лица легко запоминаютъ конкретныя воспріятія; другія, наоборотъ, абстрактныя идеи. Одни прекрасно помнятъ цвѣта, но туги на запоминаніе внѣшнихъ формъ и очертаній предметовъ. Есть люди, съ легкостью удерживающіе въ памяти человѣческія лица, но съ большимъ трудомъ запоминающіе мѣста и наоборотъ. Нѣкоторые обладаютъ крупною памятью на цифры и оказываются слабыми въ запоминаніи словъ, именъ, событій. Слѣпые, напр., обладаютъ въ большей степени осязательною памятью, чѣмъ зрячіе. Характеромъ памяти опредѣляется склонность людей къ тому или иному роду занятій, къ той или иной профессіи. Однако индивидуальныя особенности памяти не вліяютъ на количественную сторону другихъ умственныхъ способностей. Далеко не всѣ люди, обладающіе даже выдающеюся памятью на звуки, тоны и ихъ отношенія, отличаются крупнымъ музыкальнымъ талантомъ. Нерѣдко лица съ ограниченными умственными способностями отличаются необыкновенною памятью на цифры и ихъ комбинаціи и поражаютъ своей способностью къ сложнымъ умственнымъ вычисленіямъ.

Типы памяти. Однако разнообразіе индивидуальныхъ особенностей памяти, наблюдаемыхъ у разныхъ лицъ, можетъ быть сведено къ нѣсколькимъ формамъ или типамъ.

Мы уже знаемъ, что воспріятія, а за ними и представленія обыкновенно слагаются изъ различныхъ по качеству

ощущеній. Но память обыкновенно удерживаетъ только нѣкоторыя изъ нихъ, которыя и служатъ какъ бы символическою формою всѣхъ остальныхъ. Такъ напр., воспріятіе и представленіе какого-либо лица слагается изъ ощущеній зрительныхъ, слуховыхъ, мускульно-осязательныхъ и др. Между тѣмъ при воспроизведеніи обыкновенно возникаютъ только нѣкоторыя изъ этихъ ощущеній, причемъ у различныхъ лицъ преобладаетъ та или другая качественная группа: у однихъ зрительныя (внѣшній видъ лица), у другихъ слуховыя (голосъ, звуки отъ походки) и т. д. Отсюда по формѣ репродукціи психологія различаетъ слѣдующіе типы памяти: *зрительный*, *слуховой*, *мускульно-двигательный* и *безразличный*.

1. У людей, обладающихъ зрительною памятью, процессъ репродукціи совершается преимущественно посредствомъ зрительныхъ образовъ. Вспоминая какого-либо знакомаго человѣка, эти люди воспроизводятъ все то, что относилось когда-то къ зрительнымъ воспріятіямъ: лицо, цвѣтъ волосъ, фигуру, костюмъ и т. д., но не воспроизводятъ его голоса, шума отъ походки и т. п. Нѣкогда прочитанное представляется имъ не въ формѣ словъ, какъ звуковыхъ воспріятій, а въ видѣ письменнаго или печатнаго ихъ изображенія. У людей этого типа процессъ запоминанія совершается путемъ запечатлѣнія зрительныхъ ощущеній: заучивая что-либо наизусть, они обыкновенно запоминаютъ страницы книги, расположеніе на нихъ запоминаемаго (вверху, внизу, посрединѣ). При производствѣ умственныхъ вычисленій они также прибѣгаютъ къ воспроизведенію зрительныхъ воспріятій рядовъ цифръ въ порядкѣ совершенія того или иного ариѳметическаго дѣйствія. Согласно преобладающему значенію зрѣнія въ опытѣ человѣческой жизни, зрительный типъ памяти представляется наиболѣе распространеннымъ.

2. Къ лицамъ, обладающимъ слуховымъ типомъ памяти, принадлежатъ тѣ, которыя при воспоминаніи чего-либо поль-

зуются преимущественно образами слуховыхъ воспріятій. Такъ, думая о знакомомъ человѣкѣ, они воспроизводятъ не наружность его, а голосъ. При воспоминаніи о прочитанномъ, они не представляютъ письменныхъ или печатныхъ изображеній буквъ и словъ, а воспроизводятъ ихъ произношеніе. Равнымъ образомъ, умственныя вычисленія производятся ими главнымъ образомъ при посредствѣ воспроизведенія звуковыхъ образовъ. Вотъ почему при заучиваніи чего-либо на память люди, обладающіе слуховою памятью, произносятъ заучиваемое въ слухъ, чтобы лучше запечатлѣлись слуховыя воспріятія.

3. Нѣкоторые люди обладаютъ способностью воспроизведенія преимущественно въ формѣ двигательныхъ образовъ. Такой типъ памяти называется мускульно-двигательнымъ. Мы уже знаемъ, какую важную роль играютъ въ психической жизни человѣка двигательныя или моторныя ощущенія. Особенно же важно ихъ значеніе въ произношеніи словъ. Произнесеніе каждаго звука сопровождается сложными движеніями различныхъ мускуловъ: гортани, языка, губъ и др. Получаемыя такимъ образомъ двигательныя ощущенія, подобно другимъ, могутъ также воспроизводиться; результатомъ этого воспроизведенія являются двигательные образы. При воспроизведеніи двигательныхъ ощущеній, которыя возникаютъ при процессѣ письма, получаются образы, называемые графическими, тѣ же двигательныя ощущенія, которыми сопровождается процессъ произношенія звуковъ, обращаются въ словесно-двигательные образы. Существуютъ люди, которые въ воспроизведеніи звуковъ пользуются не слуховыми образами, а по преимуществу двигательными. Такъ, при воспоминаніи о прочитанномъ они не слышатъ словъ, а внутренно произносятъ ихъ, т. е. воспроизводятъ тѣ мускульныя движенія, которыми сопровождается ихъ произношеніе. Мускульный типъ памяти—явленіе сравнительно рѣдкое. Особенное его развитіе обнаруживается у слѣпыхъ. Благодаря двигательному чувству,

слѣпой научается различать величину, форму предметовъ и ихъ положеніе. Путемъ воспроизведенія двигательныхъ ощущеній возникаютъ у него двигательные образы, которые и играютъ важную роль въ процессѣ узнаванія.

4. Существуютъ, наконецъ, люди, которые пользуются всѣми тремя типами памяти безъ преимущественнаго пользованія какимъ-либо однимъ изъ нихъ. При воспоминаніи о разныхъ предметахъ у нихъ возникаютъ смѣшанные образы: зрительные, слуховые и двигательные. Или же одни предметы воспроизводятся ими въ формѣ зрительныхъ образовъ, другіе—слуховыхъ, тогда какъ третьи—мускульно-двигательныхъ. Такой типъ памяти называется безразличнымъ. Имъ обладаетъ большинство людей.

Свойства памяти. Что касается количественной стороны, то въ этомъ отношеніи память у различныхъ людей отличается различной силой и степенью развитія. Опредѣляя содержаніе памяти совокупностью всего того, что сохраняется и что забывается, мы употребляемъ выраженія «хорошая» и «дурная», «сильная» и «слабая» память. Количественная сторона памяти опредѣляется слѣдующими свойствами: 1) *объемомъ* сохраняемости, 2) *твердостью* сохраненія и 3) *быстротою* запоминанія.

1. Подъ объемомъ сохраняемости слѣдуетъ разумѣть количество удерживаемыхъ памятью фактовъ. Чѣмъ больше ихъ количество, тѣмъ обширнѣе и объемъ памяти.

2. Твердость сохраненія состоитъ въ продолжительности удержанія запечатлѣнныхъ образовъ, которая не у всѣхъ людей одинакова.

3. Быстрота запоминанія заключается въ легкости и непринужденности усвоенія образовъ. Одинъ человѣкъ на усвоеніе чего-либо памятью тратитъ больше времени, другой меньше.

Наибольшею силою и степенью обнаруженія всѣхъ указанныхъ свойствъ опредѣляется «хорошая» память.

Слѣдуетъ отличать *механическую* память отъ памяти *разсудочной*. Подъ механической памятью разумѣется усвоеніе чего-либо безъ пониманія смысла запоминаемаго. Наиболѣе наглядным примѣромъ проявленія механической памяти можетъ служить заучиванье стиховъ на языкѣ, котораго мы не знаемъ. Но такое заучиванье безъ пониманія можетъ быть практикуемо и на родномъ языкѣ. Такъ обыкновенно поступаютъ предоставленные сами себѣ дѣти. Въ данномъ случаѣ путемъ ассоціаціи по смежности устанавливается связь между словесными образами изучаемаго. Это тотъ процессъ заучиванья, который мы называемъ зубреніемъ. Но можно изучать что-либо инымъ способомъ, а именно, вникая во внутреннюю, смысловую связь между словами, иначе говоря, стараясь понять смыслъ, значеніе изучаемаго. Такой способъ усвоенія можетъ быть названъ разсудочнымъ, а отсюда и память называютъ разсудочной.

Упражненіе памяти. Существуетъ довольно распространенное среди людей мнѣній, что путемъ упражненія можно улучшить память и даже довести ее до высокой степени совершенства. На такомъ убѣжденіи возникло искусство развитія и улучшенія памяти—*мнемоника*. Но изученіе психофизическихъ условій памяти показываетъ, что способность сохраненія и воспроизведенія впечатлѣній есть дѣло природы и что улучшеніе ея отъ насъ не зависитъ: изъ плохой памяти сдѣлать хорошей нельзя. Въ этомъ убѣждаютъ насъ прежде всего слѣдующія соображенія. Физіологія мозга даетъ основаніе думать, что каждому явленію соотвѣтствуетъ сочетаніе извѣстнаго числа нервныхъ элементовъ (волоконъ и клѣтокъ). Какъ ни велико количество этихъ элементовъ въ мозгу, все же ихъ число ограничено; при этомъ въ одномъ мозгѣ ихъ больше, въ другихъ меньше. Отсюда является естественнымъ заключеніе, что способность усвоенія для каждаго человѣка имѣетъ свои предѣлы.

Но невозможность усовершенствованія памяти не исключаетъ возможности улучшенія способовъ или пріемовъ для болѣе легкаго и скораго усвоенія того или иного матеріала. Только въ такомъ смыслѣ и можетъ быть понимаемо упражненіе и воспитаніе памяти. Наилучшими пріемами цѣлесообразнаго упражненія памяти считаются слѣдующіе:

1. *Усвоеніе при помощи вниманія.* Внимательное изученіе чего-нибудь обусловливаетъ собою твердость сохраненія.

2. *Разсудочное усвоеніе изучаемаго.* Все, что изучается нами съ пониманіемъ, оставляетъ въ нашемъ сознаніи болѣе прочные и глубокіе слѣды. Напротивъ, заучиваемое механически сравнительно быстрѣе забывается.

3. *Повтореніе изучаемаго.* Чѣмъ больше мы прибѣгаемъ къ повторенію того, что желаемъ сохранить въ памяти, тѣмъ прочнѣе процессъ усвоенія. Цѣлесообразность этого пріема находитъ себѣ объясненіе въ извѣстномъ намъ законѣ навыка, по которому частое повтореніе дѣлаетъ пути усвоенія болѣе проторенными, а потому и облегчаетъ усвоеніе.

4. *Систематичность и послѣдовательность усвоенія.* Здѣсь имѣется въ виду, во 1-хъ, распредѣленіе повтореній на извѣстномъ протяженіи времени такъ, что бы между ними были болѣе или менѣе продолжительные промежутки времени. То, что изучается путемъ повтореній, распредѣленныхъ на нѣсколько дней, усваивается гораздо прочнѣе того, что заучивается путемъ того же числа повтореній, произведенныхъ въ одинъ день. Во 2-хъ, не слѣдуетъ скоплять заучиваемаго матеріала въ небольшіе промежутки времени, иначе говоря, не слѣдуетъ заучивать многаго за разъ. Такое скопленіе вредитъ твердости запоминанія. Всѣ спѣшно изучаемое не успѣваетъ входить въ ассоціативную связь съ большимъ количествомъ другихъ представленій, и потому легко исчезаетъ изъ сознанія.

Значеніе памяти. Изученіе природы памяти и ея психофизическихъ условій раскрываетъ передъ нами то господ-

ствующее значеніе памяти, какое она имѣетъ въ душевной жизни человѣка. Сохраняя, ассоціируя и воспроизводя впечатлѣнія различныхъ моментовъ времени, она связываетъ прошлую жизнь съ настоящей, а потому составляетъ необходимое условіе единства душевной жизни. Безъ памяти человѣкъ, подобно животному, жилъ бы только отрывочными впечатлѣніями минуты. Вотъ что говоритъ о значеніи памяти проф. Сикорскій: «память, какъ спеціальная функція ассоціативнаго аппарата, внесла въ психическіе акты весь минувшій опытъ (индивидуальный и расовой) и придала умственнымъ актамъ универсальность, освободившую мысль отъ той узости и машинообразности логическихъ операцій, какая свойственна уму животныхъ. Наконецъ, развитіе *долгой, прочной* памяти дало возможность *перенести всѣ реакціи внѣшняго міра внутрь души*, въ органъ ассоціацій и воспроизведенія, и этимъ путемъ устроить какъ-бы непрерывную выставку или музей моделей, гравюръ, реактивовъ и физическихъ аппаратовъ и пр., которые въ миніатюрѣ изображаютъ необъятный внѣшній міръ, сконцентрированный внутри человѣка».

Воспоминаніе и отличіе его отъ воспроизведенія. Ранѣе было сказано, что воспроизведеніе въ тѣсномъ смыслѣ слова есть процессъ безсознательный; если же онъ сопровождается сознаніемъ, что воспроизводимые факты были когда-то нами пережиты, то воспроизведеніе переходитъ въ воспоминаніе. Такимъ образомъ, сознательность служитъ отличительнымъ признакомъ воспоминанія. Въ чемъ же однако сознательность эта выражается? Всякое психическое состояніе, взятое само по себѣ, есть фактъ, относимый нами къ тому моменту времени, въ который мы его переживаемъ; иначе говоря, оно представляется намъ фактомъ настоящаго времени. Однако каждое состояніе въ нашемъ сознаніи можетъ сопровождаться мыслью о томъ, что оно не ново и является повтореніемъ ранѣе пережитыхъ нами состояній; тогда мы относимъ

его къ прошедшему времени. Такъ напр., когда я говорю: «какъ хороши лѣтнія лунныя ночи», то испытываемое мною въ этотъ моментъ состояніе есть фактъ настоящей минуты; но съ нимъ соединяется сознаніе того, что оно когда-то было нами переживаемо, и мы стараемся воспроизвести тѣ случаи, когда мы испытывали такое состояніе; такимъ образомъ, мы признаемъ это состояніе прошедшимъ, связываемъ его съ прошедшимъ временемъ. Слѣдовательно, *воспоминаніе есть воспроизведеніе душевныхъ состояній, сопутствуемое сознаніемъ ихъ существованія во времени.* Сознаніе это можетъ выражаться отнесеніемъ воспоминаемаго къ неопредѣленному прошедшему, и тогда мы говоримъ обыкновенно: «это было когда-то». Чаще же воспоминаніе сопровождается болѣе или менѣе точнымъ опредѣленіемъ времени переживанія. Совершается это при помощи воспроизведенія цѣлаго ряда другихъ воспоминаній по законамъ ассоціацій. Желая, напр., вспомнить годъ поѣздки моей заграницу, я вспоминаю сопутствующія этому событію обстоятельства и условія: сколько мнѣ было лѣтъ, кто въ это время умеръ изъ моихъ близкихъ, какіе были выдающіяся событія въ Россіи, точное время которыхъ я помню и т. п. Намѣренное воспоминаніе иногда называютъ *припоминаніемъ.*

Глава XVIII.

О воображеніи.

Понятіе о воображеніи и виды воображенія. Опредѣленіе воображенія. Воображеніе воспроизводящее и его сущность. Примѣры. Количественная сторона репродуктивнаго воображенія у разныхъ лицъ. Воображеніе продуктивное. Сущность его и отличіе отъ воображенія репродуктивнаго. Примѣры. Дѣйствительность, какъ источникъ матеріала для построительнаго воображенія. Связь продуктивнаго воображенія съ репродуктивнымъ. Примѣры. **Природа построительнаго воображенія.** Условія возникновенія творческихъ образовъ. Понятіе о воображеніи пассивномъ и активномъ.

Положительная и отрицательная сторона активнаго воображенія Количественная и качественная стороны воображенія и разнообразіе ихъ проявленія. Роль памяти въ направленіи фантазіи. Другія условія, опредѣляющія качественную сторону фантазіи: умственные привычки и интересы. **Формы построенія.** Всеобъемлемость дѣятельности воображенія. Примѣры. Три основныя формы построенія: 1) въ области знанія, 2) въ сферѣ практической жизни и 3) въ области художественной. 1. *Интеллектуальное воображеніе.* Участіе воображенія въ области познанія: при усвоеніи новыхъ фактовъ, при построеніи конкретныхъ представленій изъ отвлеченныхъ элементовъ, въ научныхъ открытіяхъ. 2. *Практическое воображеніе.* Созидательная сила практическаго воображенія и его широкое примѣненіе. Примѣры. Значеніе знанія и опыта въ дѣятельности практическаго воображенія. 3. *Эстетическое воображеніе.* Понятіе объ эстетическомъ воображеніи и связь его съ чувствованіями. Примѣры. Независимость и свобода эстетическаго воображенія. Особенности его: а) отношеніе къ воспріятіямъ дѣйствительности и б) различеніе въ степени сознанія и намѣренности. а. Два момента искусства: реалистическій и идеалистическій. Сущность истиннаго искусства. б. Непроизвольно дѣйствующая фантазія. Свидѣтельство Гёте. Стихи Пушкина. Сознательная дѣятельность воображенія. **Пріемы построительнаго воображенія.** Роль ассоціацій въ дѣятельности фантазіи. Примѣры. Главнѣйшіе пріемы построительнаго воображенія: 1. *увеличеніе* или *уменьшеніе* данныхъ въ опытѣ душевныхъ состояній. Случаи примѣненія этого пріема. 2. *Абстракція* или *изолированіе.* Примѣры. 3. *Присоединеніе* къ представленіямъ опыта какихъ-либо новыхъ элементовъ. 4. *Комбинація.* **Значеніе воображенія.** Расширеніе предѣловъ непосредственнаго личнаго опыта. Реализація чувствъ. Направленіе воли.

Понятіе о воображеніи и виды воображенія.

Мы уже знаемъ, что процессъ воспроизведенія впечатлѣній сопровождается возобновленіемъ пережитыхъ нами явленій въ формѣ умственныхъ образовъ, которые мы и называемъ представленіями. Способность образованія умственныхъ образовъ или, иначе говоря, способность представленія, называется обыкновенно *воображеніемъ.* Понимаемое въ такомъ смыслѣ воображеніе есть не что иное, какъ *способность воспроизведенія,* и въ психологіи ему присвоено названіе *репродуктивнаго* или *воспроизводящаго воображенія.* Сущность его заключается въ томъ, что результатомъ его дѣятельности являются образы, вполнѣ воспроизводящіе дѣйствительныя явленія въ

томъ видѣ и въ тѣхъ комбинаціяхъ, въ какихъ они были нами восприняты. Идя, напр., по улицамъ города, въ которомъ я нѣкогда жилъ, я вспоминаю полученныя мною впечатлѣнія; въ моей душѣ возникаютъ точныя копіи ихъ, по которымъ я узнаю и нахожу все то, что мнѣ нужно. Не всѣ люди одарены въ одинаковой мѣрѣ способностью воображенія: у однихъ воспроизводимые образы ярче и живѣе, у другихъ они туманны и вялы.

Однако практика душевной жизни показываетъ, что въ умѣ нашемъ могутъ возникать образы или представленія такихъ явленій, которыхъ мы никогда не воспринимали. Такъ напр., никогда не видя пустыни, мы на основаніи такихъ данныхъ, какъ «равнина», «песокъ», «отсутствіе воды, растеній и животныхъ», составляемъ умственный образъ пустыни. Или, по прочитанному роману Пушкина «Евгеній Онѣгинъ» воображеніе наше рисуетъ намъ конкретный образъ героя романа. Анализируя эти образы, не трудно замѣтить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ впечатлѣніями нашего прошлаго опыта, но переработанными, видоизмѣненными и сложенными въ *новыя* комбинаціи. Эта *новизна* и составляетъ ихъ характерное свойство и отличіе отъ образовъ обыкновенной репродукціи. Несомнѣнно, что образованіе такихъ представленій совершается не иначе, какъ при помощи извѣстныхъ намъ ассоціацій. Такимъ образомъ, душа наша обладаетъ способностью путемъ ассоціированія создавать сочетанія или соединенія, отличныя отъ всего когда-либо ею пережитаго. Эта способность новообразованія представленій, въ отличіе отъ репродуктивнаго воображенія, называется *продуктивнымъ*, *построительнымъ*, творческимъ воображеніемъ или *фантазіей*. Употребляя слово «воображеніе», психологія обыкновенно имѣетъ въ виду воображеніе построительное.

Матеріаломъ, изъ котораго творческое воображеніе созидаетъ новые образы и комбинаціи, служатъ конкретныя

представленія въ дѣйствительности воспринятыхъ ощущеній. Нѣтъ такого творческаго построенія, которое заключало бы въ себѣ что-либо новое, что не было испытано ранѣе въ видѣ ощущеній или воспріятій. Оригинальной является лишь самая комбинація; но и построеніе ея совершается по тѣмъ же законамъ ассоціацій, по которымъ совершается возникновеніе всѣхъ сложныхъ явленій душевной жизни. Изъ этого слѣдуетъ, что въ основаніи построительнаго воображенія лежитъ репродукція или дѣятельность репродуктивнаго воображенія, и они находятся въ тѣсной связи. Всякое творческое построеніе возможно лишь при условіи воспроизведенія образовъ пережитыхъ ощущеній и воспріятій. Когда мы создаемъ себѣ представленіе о какомъ-либо предметѣ, никогда не воспринимавшемся нами, то построеніе такого представленія совершается путемъ вызова въ памяти реальныхъ фактовъ нашего личнаго опыта. Таковы всѣ наши представленія о невиданныхъ нами странахъ, животныхъ, растеніяхъ, постройкахъ. Мы воспроизводимъ существенные реальные элементы, изъ которыхъ должно состоять то или другое представленіе, и затѣмъ, слѣдуя законамъ ассоціаціи, комбинируемъ ихъ и такимъ путемъ получаемъ конкретный образъ представляемаго предмета или явленія. Такимъ же способомъ образуются самыя причудливыя построенія нашего воображенія, каковы, напр., сказочные образы волшебныхъ странъ, различныхъ существующихъ чудовищъ и т. п. Какъ ни чудовищны и ни лишены правдоподобія образы, нарисованные Пушкинымъ въ изображеніи сна Татьяны, однако всѣ они основаны на пережитой дѣйствительности и являются результатомъ ея воспроизведенія. Отсюда степень совершенства творческаго построенія находится въ зависимости отъ силы и яркости воспроизводимыхъ образовъ.

Природа построительнаго воображенія. Для уясненія сущности, природы фантазіи необходимо обратить

вниманіе прежде всего на тѣ условія, которыя благопріятствуютъ возникновенію творческихъ образовъ. Обратимся къ фактамъ, когда съ особенною легкостью обнаруживается дѣятельность фантазіи. Стоитъ, закрывъ глаза, разсѣять свое вниманіе, и тотчасъ передъ нами возникаетъ цѣлый рядъ фантастическихъ образовъ. То же самое наблюдается во тьмѣ, при бездѣятельности внѣшныхъ чувствъ и вниманія. Равнымъ образомъ, непринужденная работа воображенія проявляется при засыпаніи, когда начинаетъ ослабѣвать дѣятельность сознанія. Къ случаямъ напряженной дѣятельности фантазіи слѣдуетъ также отнести тѣ, когда человѣкъ, находясь подъ вліяніемъ сильнаго чувства страха, теряетъ сознаніе всего окружающаго. Наконецъ, особенно сильное проявленіе фантазіи замѣчается при душевныхъ болѣзняхъ, которыя обыкновенно сопровождаются утратою сознанія какъ окружающаго, такъ и самого себя. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ замѣчается одно общее явленіе: усиленіе дѣятельности фантазіи сопровождается ослабленіемъ общей сознательности. Ослабленіе это обнаруживается въ пониженіи чувствительности, подавленіи воли и потерѣ самосознанія. Всѣ эти явленія и составляютъ условія, благопріятствующія свободному развитію творческаго процесса. Воображеніе, дѣйствующее при такихъ условіяхъ, называется *пассивнымъ*, *непроизвольнымъ воображеніемъ*. Это есть естественное состояніе фантазіи, природный матеріалъ для сложной жизни сознанія. Психическая жизнь не удовлетворяется непроизвольнымъ воображеніемъ; поэтому процессъ творчества протекаетъ при ясномъ сознаніи и контролѣ со стороны воли, направляясь къ опредѣленнымъ цѣлямъ, сообразнымъ съ законами дѣйствительности. Такой процессъ творчества носитъ названіе *активнаго* или *произвольнаго воображенія*. Сознательное отношеніе къ построеніямъ воображенія имѣетъ и отрицательную и положительную сторону. Съ одной стороны, оно ослабляетъ силу, яркость творческихъ образовъ; но

съ другой—, регулируетъ дѣятельность воображенія, направляя его на путь реальности.

Наблюденія надъ проявленіями творческаго воображенія у различныхъ людей показываютъ, что способность эта, какъ и память, отличается какъ количественнымъ, такъ и качественнымъ разнообразіемъ. Первое изъ нихъ проявляется въ различной степени силы и яркости построеній, что, какъ сказано было выше, зависитъ отъ дѣятельности репродуктивнаго воображенія. Высшая степень напряженія фантазіи есть высокій даръ природы и въ связи съ другими условіями отмѣчаетъ человѣка печатью даровитости. Качественная сторона воображенія заключается въ характерѣ и направленіи его. Есть люди, которые обладаютъ фантазіей, направленной на построеніе видимыхъ предметовъ, другіе обнаруживаютъ склонность къ созданію музыкальныхъ комбинацій, третьи проявляютъ творческую способность къ различнаго рода тѣлодвиженіямъ, въ частности къ пріобрѣтенію ловкости рукъ. Нетрудно опредѣлить, что причиною такого различія въ направленіи фантазіи служитъ прежде всего память съ ея различными типами. Люди, обладающіе зрительною памятью, обнаруживаютъ склонность къ пластическимъ искусствамъ; напротивъ, преобладаніе слуховой памяти располагаетъ къ музыкальному творчеству и т. д. Направленіе фантазіи обусловливается также умственными привычками и интересами отдѣльныхъ лицъ. Такъ, напр., привычка и интересъ къ научнымъ занятіямъ направляетъ фантазію на построенія, связанныя съ явленіями и законами природы; любовь и связанная съ нею привычка къ музыкальнымъ занятіямъ развиваютъ склонность къ музыкальнымъ комбинаціямъ.

Формы построенія. Разсматривая различные случаи проявленія творческаго воображенія, мы должны прійти къ тому заключенію, что дѣятельность его всеобъемлюща, т. е. она обнаруживается во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни.

Полководецъ создаетъ въ своемъ умѣ планъ предстоящаго сраженія, который является результатомъ возможныхъ комбинацій отдѣльныхъ сценъ битвы, а комбинаціи эти создаются фантазіей. Архитекторъ при помощи воображенія создаетъ проектъ зданія. Врачъ у постели больного рисуетъ себѣ картину болѣзни и ея теченія и на этомъ основываетъ лѣченіе ея. Купецъ на различнаго рода комбинаціяхъ строитъ планъ того или другого торговаго предпріятія. На построеніи и комбинированіи фактовъ нашего мускульнаго опыта образуются у насъ идеи различныхъ мѣръ вѣса, сопротивленія, недоступныхъ прямому измѣренію разстояній и т. п. Даже всякое подражаніе заключаетъ въ себѣ работу воображенія, такъ какъ оно не представляетъ точнаго воспроизведенія образца, а является его видоизмѣненіемъ, которое требуетъ предварительнаго творческаго построенія. Все разнообразіе творческой дѣятельности можетъ быть сведено къ тремъ основнымъ формамъ 1) построенію въ области знаній, 2) въ сферѣ практической жизни и 3) въ области художественной. Воображеніе, дѣйствующее въ первомъ случаѣ, можно назвать интеллектуальнымъ, во-второмъ — практическимъ или изобрѣтательностью, а въ третьемъ — эстетическимъ.

1. *Интеллектуальное воображеніе.* Всякое знаніе, выходящее за предѣлы непосредственнаго личнаго опыта, осуществляется при помощи дѣятельности воображенія. Участіе послѣдняго въ области познанія обнаруживается какъ въ пріобрѣтеніи различнаго рода фактическихъ свѣдѣній, такъ и въ открытіи новыхъ фактовъ. Всякое усвоеніе новыхъ, никогда не видѣнныхъ предметовъ и явленій сопровождается дѣятельностью воображенія. При его содѣйствіи получаемъ мы свѣдѣнія о животныхъ, растеніяхъ, минералахъ по ихъ описаніямъ, картинамъ, моделямъ и т. п. Всѣ эти пособія даютъ намъ тѣ элементы, изъ которыхъ путемъ умственныхъ комбинацій фактовъ нашего опыта составляются образы позна-

ваемыхъ предметовъ. Такимъ же образомъ совершается построеніе конкретныхъ представленій изъ отвлеченныхъ элементовъ. Такъ напр., по плану, высотѣ и матеріалу мы можемъ создать представленіе о зданіи и т. п. Широкое примѣненіе наглядности въ дѣлѣ обученія вызывается потребностью прійти на помощь воображенію, облегчить ему его построительную работу. Болѣе высокая дѣятельность творческаго воображенія проявляется въ научныхъ открытіяхъ. Всякому открытію предшествуютъ наблюденія; изъ добытыхъ фактовъ строится предположеніе, называемое въ наукѣ гипотезой. Созданіе же гипотезы совершается при участіи воображенія, которое комбинируетъ факты въ ряды конкретныхъ образовъ, отвѣчающихъ возникшему въ умѣ предположенію о дѣйствительномъ положеніи вещей. Такъ Христоферъ Колумбъ открылъ Америку, нарисовавъ творческимъ воображеніемъ своимъ путь въ Индію. Такимъ же образомъ Ньютонъ пришелъ къ открытію законовъ всемірнаго тяготѣнія, построивъ сложный образъ движенія планетъ.

2. *Практическое воображеніе* или изобрѣтательность имѣетъ своимъ назначеніемъ осуществленіе интересовъ практической жизни человѣка; оно примѣняется при созиданіи предметовъ и устройствѣ приспособленій для различнаго рода цѣлей, направленныхъ къ обезпеченію благосостоянія человѣчества. На низкой ступени духовнаго развитія, при отсутствіи положительныхъ знаній, дѣятельность практическаго воображенія проявляется въ созданіи суевѣрныхъ обрядовъ, заговоровъ, примѣтъ, гаданій и т. п. Умъ, вооруженный знаніями, пользуется услугами практическаго воображенія въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ практической жизни, начиная съ воспринимающей формы изобрѣтательности, какъ напр., ловкость рукъ къ различнаго рода издѣліямъ, умѣнье владѣть голосомъ въ разговорѣ и пѣніи, и кончая свободнымъ, самостоятельнымъ творчествомъ, результатомъ котораго являются

различныя механическія сооруженія, общественныя организаціи, планы разнаго рода предпріятій и проч. Сущность процесса изобрѣтательности состоитъ въ воспроизведеніи имѣющихся знаній и въ построеніи изъ нихъ новыхъ комбинацій, которыя соотвѣтствуютъ новымъ условіямъ и цѣлямъ. Такъ, напр., изобрѣтена пневматическая машина; для сооруженія ея изобрѣтатель воспользовался водянымъ насосомъ и, при участіи творческаго воображенія, приспособилъ его къ выкачиванью, вмѣсто воды, воздуха. Такимъ же образомъ знаменитый Джемсъ Уаттъ напалъ на мысль объ устройствѣ паровой машины; глядя на чайникъ съ движущейся на немъ крышкой отъ паровъ кипящей воды, онъ создалъ своимъ воображеніемъ такое сооруженіе, которое могло бы служить практическимъ цѣлямъ и нуждамъ человѣка. Такъ, на основаніи успѣховъ естествознанія, возникли всѣ важнѣйшія изобрѣтенія послѣдняго времени, каковы: телефоны, фонографы и различные электрическіе двигатели. Знанія и опытъ облегчаютъ дѣятельность практической изобрѣтательности, давая матеріалъ и накопляя запасъ готовыхъ построеній.

3. *Эстетическое воображеніе.* Подъ эстетическимъ воображеніемъ разумѣется воображеніе, дѣятельность котораго направлена къ построеніямъ, отвѣчающимъ высшимъ требованіямъ и запросамъ духа человѣческаго, стремящагося къ совершенству всего существующаго. Эти высшія требованія находятъ себѣ выраженіе въ трехъ общихъ понятіяхъ: истины, добра и красоты. Область проявленія эстетическаго воображенія носитъ названіе искусства, а дѣятельность его называется художественнымъ творчествомъ. Отличительнымъ свойствомъ эстетическаго воображенія служитъ связь его съ чувствованіями или эмоціями. Удовлетворяя стремленію нашего духа къ совершенствованію, художническая фантазія создаетъ такіе образы, которые удовлетворяютъ какому-нибудь чувству, напр., любви къ прекрасному, чувству долга, высшей нравственности

и т. п. Справедливость этого подтверждается личнымъ опытомъ каждаго человѣка. Произведенія искусства цѣнятся нами прежде всего по тѣмъ настроеніямъ, которыя они въ насъ вызываютъ. Картина, статуя тѣмъ сильнѣе приковываетъ къ себѣ наше вниманіе, чѣмъ интенсивнѣе и цѣльнѣе настроеніе, возбуждаемое ими. То же самое замѣчается и при чтеніи поэтическаго произведенія; цѣнность образовъ, рисуемыхъ поэтами, опредѣляется прежде всего эмоціональнымъ интересомъ, въ основѣ котораго лежитъ чувство удовольствія при созерцаніи прекраснаго; чувство это мы называемъ эстетическимъ. Подтвержденіе этого мы находимъ въ прекрасныхъ стихахъ Пушкина:

«И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья!
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь»...

Такое свойство эстетическаго воображенія сообщаетъ ему характеръ независимости и свободы творчества. Этимъ оно отличается отъ другихъ формъ творческаго воображенія. Въ то время какъ интеллектуальное и практическое воображеніе согласуютъ свои построенія съ извѣстными и опредѣленными воспріятіями опыта, художническая фантазія создаетъ образы, хотя и основанные на реальномъ мірѣ, но не соотвѣтствующіе какой-нибудь опредѣленной дѣйствительности. Воображеніе художника не воспроизводитъ въ точности дѣйствительности, а творитъ лишь возможное въ новыхъ, оригинальныхъ сочетаніяхъ элементовъ опыта. Художникъ-пейзажистъ, рисуя картину природы, не воспроизводитъ, подобно фотографическому аппарату, копіи какого-нибудь опредѣленнаго ландшафта; картина его представляетъ гармоническое сочетаніе различныхъ элементовъ дѣйствительности, воспринятыхъ имъ разновременно и въ разныхъ мѣстахъ; при этомъ элементы эти выбраны и соединены въ сложный образъ, вызывающій въ зрителѣ извѣстное настроеніе. То же самое можно сказать о художе-

ственныхъ литературныхъ типахъ. Евгеній Онѣгинъ, Печоринъ, Рудинъ и др. не представляютъ точныхъ снимковъ съ опредѣленныхъ лицъ; они суть образы, созданные путемъ сочетанія отдѣльныхъ чертъ, воспринятыхъ отъ различныхъ лицъ и своею совокупностью вызывающихъ въ насъ опредѣленное настроеніе.

Къ особенностямъ эстетическаго воображенія слѣдуетъ отнести, а) отношеніе его къ дѣйствительнымъ воспріятіямъ, и б) различіе въ степени сознанія и намѣренности, съ какою проявляется его дѣятельность.

а) Усвоеніе и познаніе дѣйствительности составляетъ одну изъ существенныхъ цѣлей разумнаго существованія. Отъ степени этого познанія зависитъ міросозерцаніе человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и направленіе его духовной жизни. Поэтому художественное творчество, служа высшимъ духовнымъ потребностямъ, основною задачею своею имѣетъ *подражаніе* дѣйствительности. Богатство и разнообразіе ея представляютъ такой неисчерпаемый матеріалъ, художественное воспроизведеніе котораго можетъ составить цѣль искусства. Великій художникъ Пушкинъ прекрасно выразилъ это въ стихотвореніи «Эхо». Подражаніе дѣйствительности составляетъ *реалистическій моментъ* всякаго искусства, безъ котораго оно существовать не можетъ. На этомъ моментѣ основывается существенный принципъ искусства: соблюденіе художественной красоты. Но подражаніе дѣйствительности въ искусствѣ отличается отъ простого повторенія ея. Художественное построеніе, съ одной стороны, опирается на свободный выборъ и сочетаніе фактовъ, а съ другой,—руководится личнымъ чувствомъ художника, которое сообщаетъ образу цѣльность и идейность. Въ выборѣ матеріала и группировкѣ его въ зависимости отъ субъективнаго къ нему отношенія художника заключается *идеалистическій моментъ* всякаго искусства. Благодаря идеализаціи, дѣйствительность получаетъ въ изображеніи каждаго художника особое освѣщеніе, которое сообщаетъ ей болѣе

совершенный характеръ, согласный съ его идеалами. Въ такомъ изображеніи дѣйствительности сказывается участіе человѣка въ общемъ стремленіи природы къ совершенствованію. Поэтому разумное сочетаніе реализма съ идеализмомъ даетъ въ результатѣ истинное искусство.

б. Въ отношеніи степени сознанія и намѣренности, съ какою проявляется дѣятельность эстетическаго воображенія, наблюдается большое разнообразіе. Весьма часто процессъ художественнаго творчества протекаетъ безъ участія сознанія и непроизвольно; построеніе созидается подъ порогомъ сознанія, и образъ является въ сознаніи уже готовымъ въ своихъ главныхъ чертахъ. Характернымъ поясненіемъ такого почти безсознательнаго творчества можетъ служить свидѣтельство Гете по поводу его сочиненія «Страданія молодого Вертера». Прочтя его, онъ самъ удивился, такъ какъ «написалъ эту книжку *почти безсознательно, точно лунатикъ*». Такая дѣятельность художнической фантазіи приближается къ дѣятельности во время сна и не поддается объясненію. Состояніе, въ которомъ находится художникъ въ моментъ безсознательнаго творчества, принято называть вдохновеніемъ; ему люди съ давнихъ временъ приписываютъ божественное происхожденіе. Состояніе это картинно изображено въ стихотвореніи Пушкина «Поэтъ»:

«Бѣжитъ онъ (поэтъ) дикій и суровый
И звуковъ, и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ
Въ широкошумныя дубравы».

Но бываютъ случаи, когда творческій процессъ совершается при полномъ сознаніи и намѣренности, совершенно произвольно, руководясь опредѣленною цѣлью. Тогда дѣятельность фантазіи пріобрѣтаетъ характеръ обдуманнаго дѣйствія и приближается къ научному исканію рѣшенія како-либо вопроса. Счастливое сочетаніе непроизвольно дѣйствующей фан-

тазіи съ сознательной дѣятельностью воображенія даетъ въ результатѣ геніальныя произведенія художественнаго творчества.

Пріемы построительнаго воображенія. Построительное воображеніе подчиняется общимъ законамъ репродуктивной дѣятельности сознанія. Сущность процесса состоитъ въ слѣдующемъ. Связываніе и комбинированіе элементовъ происходитъ на основаніи дѣйствительнаго или возможнаго ихъ сочетанія въ пространствѣ и времени, или на основаніи ихъ сходства въ какомъ-либо отношеніи. Отсюда построеніе творческихъ образовъ совершается при помощи извѣстныхъ намъ ассоціацій представленій. Изобрѣтатель, напр., созидая образъ какой-либо машины, прибора, аппарата, комбинируетъ данныя опыты, руководясь, главнымъ образомъ, ассоціацей по смежности. Художникъ, рисуя картину, сочетаетъ отдѣльные элементы въ новый образъ также при помощи ассоціаціи по смежности, иногда по сходству. Поэтическіе образы, сравненія, аналогіи возникаютъ не иначе, какъ при участіи ассоціацій какъ по смежности, такъ и по сходству (контрасту).

Имѣя, такимъ образомъ, въ основаніи законы ассоціаціи, воображеніе при сочетаніи разрозненныхъ элементовъ пользуется различными пріемами. Главнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе:

1. *Увеличеніе* или *уменьшеніе* данныхъ въ опытѣ душевныхъ состояній. Такъ напр., не испытавъ никогда тропической жары, человѣкъ можетъ при помощи воображенія представить себѣ такое состояніе путемъ увеличенія испытаннаго имъ ощущенія жары. Благодаря этому пріему, можетъ быть измѣнена въ количественномъ отношеніи всякая пространственная и временная величина, всякая внѣшняя сила. Прекрасный примѣръ *увеличенія* представляетъ ода Державина Богъ:

«Въ воздушномъ океанѣ оном
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ —и то,

Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною;
А я передъ Тобой—ничто».

Такимъ способомъ создаются образы великановъ и карликовъ. На этомъ пріемѣ основываются каррикатурные образы людей съ несоразмѣрно увеличенными или уменьшенными частями тѣла. Гиперболизмъ въ искусствѣ есть также результатъ дѣятельности фантазіи по данному пріему.

2. *Абстракція* или *изолированіе.* Пріемъ этотъ состоитъ въ опущеніи, удаленіи, устраненіи нѣкоторыхъ элементовъ представленій или условій, при которыхъ предметы существуютъ въ дѣйствительности. Такъ напр., опытъ даетъ намъ представленіе о всякомъ физическомъ тѣлѣ, какъ о предметѣ вѣсомомъ, имѣющемъ тяжесть. Но творческое воображеніе можетъ изолировать это свойство; вслѣдствіе этого мы можемъ представлять себѣ физическія тѣла невѣсомыми. Отсюда воображеніе наше рисуетъ фантастическіе образы воздушныхъ замковъ, добрыхъ и злыхъ геніевъ и т. п. На пріемѣ отвлеченія основывается созданіе литературныхъ образовъ, которые представляютъ исключительное олицетвореніе какой-либо страсти, добродѣтели, порока.

3. *Присоединеніе* къ представленіямъ опыта какихъ-нибудь новыхъ элементовъ. Таковы, напр., образы людей съ крыльями, двуликаго Януса, тысячеглазаго Аргуса и т. п.

4. *Комбинація* или новое, оригинальное размѣщеніе имѣющихся въ нашемъ опытѣ элементовъ. Такъ создаются сказочные образы полу-людей, полу-животныхъ; таковы сатиры, русалки и т. п. Сюда же относятся чудесные животныя и предметы, какъ-то: жаръ-птица, конекъ-горбунокъ, медвяныя или молочныя рѣки съ кисельными берегами, золотыя яблоки и т. д.

Значеніе воображенія. Изъ анализа творческаго процесса вытекаетъ значеніе воображенія въ психической жиз-

ни человѣка. Имѣя предметомъ своимъ конкретныя представленія, оно даетъ нашему уму необходимый матеріалъ для реальнаго выраженія возникающихъ въ немъ идей при познаніи всего существующаго; этимъ оно даетъ возможность человѣку усваивать то, чего онъ никогда не видѣлъ и не слышалъ, и такимъ образомъ расширять предѣлы непосредственнаго личнаго опыта; равнымъ образомъ, оно является могучимъ пособіемъ при образованіи всякаго рода научныхъ построеній, теорій и гипотезъ, благодаря которымъ человѣчество расширяетъ свои знанія и постепенно овладѣваетъ тайнами мірозданія. Не менѣе значительна роль воображенія въ сферѣ чувствительной жизни человѣка. Оно реализируетъ намъ различныя чувства другихъ людей, способствуетъ ихъ пониманію и тѣмъ дѣлаетъ для насъ возможнымъ ихъ переживаніе. Дѣятельность воображенія также очень важна и въ волевой жизни человѣка, а именно въ комбинированіи способовъ для достиженія различныхъ цѣлей, въ созданіи идеаловъ и ихъ практическомъ осуществленіи, въ изысканіи и построеніи новыхъ формъ жизни общественной, государственной и вообще, во всѣхъ случаяхъ активнаго стремленія человѣчества къ духовному совершенствованію и матеріальному благосостоянію. Словомъ, дѣятельность воображенія есть одинъ изъ существенныхъ процессовъ, органически связанный со всѣми отправленіями единаго, недѣлимаго сознанія, и служитъ необходимымъ факторомъ въ психической жизни человѣка.

Глава XIX.

О мышленіи.

Отличительныя свойства мыслительнаго процесса. Мышленіе въ широкомъ смыслѣ слова. Мышленіе—дѣятельность сознающая (различеніе). Мышленіе—дѣятельность познающая (сознательно-намѣренная). Элементарныя формы познанія, какъ матеріалъ для мы-

шленія. Классифицированіе предметовъ. Мышленіе—дѣятельность сочетающая и обобщающая. Условія продуктивности мышленія: опытъ, проницательность, соображеніе. **Пріемы познавательнаго процесса.** Сложность его и элементарные процессы, изъ которыхъ онъ слагается: 1) *анализъ*, 2) *сравненіе*, 3) *абстракція* и 4) *синтезъ*. 1. Понятіе объ анализѣ. Примѣры. 2) Понятіе о сравненіи. Зависимость его отъ анализа. Примѣры. Ассимиляція и дифференціація. 3. Абстракція. Опредѣленіе ея. Примѣры. Связь абстракціи съ ассимиляціей. 4. Понятіе о синтезѣ. Примѣры. Значеніе синтеза въ дѣятельности фантазіи. Общая характеристика элементарныхъ процессовъ мышленія. **Формы мышленія.** Общія представленія, идеи или понятія, какъ результатъ классфицированія предметовъ. Связь между понятіями и результатъ ея—сужденіе. Отысканіе новыхъ отношеній между понятіями—умозаключеніе.

Отличительныя свойства мыслительнаго процесса. Мышленіе, понимаемое въ широкомъ смыслѣ, обозначаетъ всякую дѣятельность сознанія. И дѣйствительно, всѣ разсмотрѣнные нами умственные процессы: воспріятіе, воспоминаніе, воображеніе, съ одной стороны, являются процессами, носящими непроизвольный, пассивный характеръ, и есть дѣло природы; съ другой—,каждый изъ нихъ сопровождается участіемъ нашего сознанія, отличается характеромъ сознательности. Такимъ образомъ, сознавать все то, что совершается въ нашей душѣ, значитъ мыслить. Такъ понималъ мышленіе Декартъ, говоря: «cogito, ergo sum». Въ чемъ же заключается сознающая сила мышленія? Обратимся къ примѣрамъ. Мы знаемъ, что всякое ощущеніе воспринимается нами *по сравненію* съ другими, предшествовавшими ему ощущеніями путемъ сознанія ихъ разницы или *различенія*. Намъ извѣстно также, что всякое воспріятіе сопровождается процессомъ узнаванія, при помощи котораго мы устанавливаемъ *сходство* между воспринимаемымъ въ данный моментъ и тѣмъ, что нами раньше пережито. На такомъ же *различеніи сходства* и *разницы* основывается ассоціативная работа ума. Равнымъ образомъ, сознательная дѣятельность построительнаго воображенія въ основаніи своемъ имѣетъ нахожденіе сходства и различія, безъ чего невозможно никакое построеніе. Изъ всего

этого ясно, что въ основаніи мыслительнаго процесса лежитъ дѣйствіе *различенія*, которое состоитъ въ опредѣленіи сходства и различія между переживаемыми фактами сознанія. Слѣдовательно, мышленіе есть дѣятельность *различающая*. Однако опытъ показываетъ, что мы не ограничиваемся однимъ лишь сознаніемъ всего въ насъ совершающагося. Въ насъ живетъ стремленіе познать сущность вещей и ихъ взаимныя отношенія. Стремленіе это требуетъ участія того акта сознанія, который мы назвали вниманіемъ. Здѣсь различающая дѣятельность мышленія, сочетаясь съ волей, пріобрѣтаетъ активный характеръ. Навыкъ дѣлаетъ процессъ мышленія скорымъ и непринужденнымъ, и онъ кажется намъ непроизвольнымъ. Однако участіе воли не прекращается; она въ скрытомъ состояніи продолжаетъ играть роль контролирующаго дѣятеля. Когда же мышленіе въ своей познающей работѣ встрѣчаетъ затрудненіе, тогда въ усиленномъ напряженіи вниманія обнаруживается опредѣленная дѣятельность воли. Такимъ образомъ, мышленіе есть дѣятельность *сознательно-намѣренная*.

Въ чемъ же заключается познающая дѣятельность мышленія? Имѣя своимъ предметомъ познаніе вещей и взаимныхъ между ними отношеній, мышленіе должно опираться на фактическій матеріалъ, даваемый опытомъ. Матеріалъ этотъ дается разсмотрѣнными нами умственными процессами (воспріятіемъ, репродукціей и воображеніемъ) въ видѣ воспріятій и представленій. Особенность этого матеріала состоитъ въ томъ, что онъ имѣетъ дѣло съ единичными предметами и со всѣми присущими каждому изъ нихъ индивидуальными свойствами. Между тѣмъ сознаніе наше не ограничивается этими элементарными формами познанія. Направляя наше вниманіе на сходныя свойства единичныхъ предметовъ, мы находимъ между ними нѣчто общее, а это даетъ намъ возможность мыслить о предметахъ вообще, отвлекаясь отъ единичныхъ представленій. Такъ напр., помимо представленія о домѣ, въ ко-

торомъ я живу, я могу думать о домѣ вообще. Такъ возникаетъ въ насъ мысль о классахъ или родахъ предметовъ, обладающихъ общими свойствами, по которымъ мы отличаемъ ихъ отъ другихъ предметовъ. Такое объединеніе сходныхъ предметовъ называется *классифицированіемъ* ихъ. Классифицированіе же предметовъ приводитъ къ раскрытію ихъ взаимныхъ связей и отношеній. Сущность этого процесса заключается въ нахожденіи общаго въ единичномъ и существеннаго въ многообразномъ и случайномъ. Отсюда мышленіе есть дѣятельность *сочетающая* и *обобщающая*.

Такимъ образомъ, продуктивность мышленія зависитъ отъ двухъ главныхъ условій. Съ одной стороны, оно опирается на опытъ или запасъ знаній, съ другой—, необходимо умѣнье отыскать въ предметахъ ихъ существенную сторону и открыть существующія между ними отношенія. Способность нахожденія существенной стороны предмета называется *проницательностью;* способность же открытія дѣйствительныхъ отношеній между предметами и явленіями называется *соображеніемъ*.

Пріемы познавательнаго процесса. Процессъ сочетанія и обобщенія отличается сложностью. Онъ слагается изъ нѣсколькихъ элементарныхъ процессовъ. Они слѣдующіе: 1) *анализъ*, 2) *сравненіе*, 3) *абстракція* и 4) *синтезъ*.

1. Мы знаемъ, что большинство представленій суть комплексы различныхъ ощущеній и отличаются сложностью. Въ общемъ теченіи нашей умственной работы мы ихъ принимаемъ за единицы. Но при познаніи вещей мы разлагаемъ ихъ на составные элементы, сосредоточивая вниманіе свое на каждомъ изъ нихъ поочередно. Такой процессъ разсмотрѣнія сложнаго явленія чрезъ разложеніе его на составныя части называется *анализомъ* или *расчлененіемъ*. Я имѣю, напр., представленіе о моей собакѣ. Когда я вспоминаю о ней, то мнѣ представляется цѣльный, недѣлимый образъ ея. Когда же

я хочу, напр., произвести оцѣнку ея, то я разлагаю этотъ образъ на составные элементы: величину, цвѣтъ шерсти, относительную величину частей тѣла и ихъ строеніе и т. д. Разсмотрѣніе тона приводитъ насъ къ различенію въ немъ трехъ свойствъ его высоты, силы и окраски (тембръ).

2. Подъ *сравненіемъ* разумѣется сосредоточеніе вниманія на нѣсколькихъ предметахъ или представленіяхъ о нихъ, чтобы найти между ними сходство или различіе. Дѣйствію сравненія предшествуетъ, конечно, анализъ. Сопоставляя. напр., столъ и стулъ, мы расчленяемъ ихъ на составныя части и находимъ, что оба разсматриваемые предмета имѣютъ сходныя части, а именно, ножки, крышку, оба они сдѣланы изъ дерева и еще что-нибудь; но въ нихъ есть элементы несходные, какъ напр., размѣры частей, спинка стула, окраска и т. д. Результатомъ сравненія является *ассимиляція*, когда предметы признаются сходными, и *дифференціація*, когда между ними устанавливается различіе.

3. *Абстракціей* или отвлеченіемъ мы называемъ выдѣленіе изъ сложнаго представленія какого-нибудь одного элемента и обособленіе его въ самостоятельную идею. Такъ напр., мы знаемъ, что тонъ обладаетъ слѣдующими свойствами: высотою, силою и окраскою (тембръ). Мы можемъ обратить вниманіе на одно изъ этихъ свойствъ и мыслить о немъ независимо отъ другихъ. Абстракція является результатомъ ассимиляціи. Сравнивая между собою предметы или представленія въ отношеніи сходства въ какомъ-нибудь свойствѣ, мышленіе наше обладаетъ способностью выдѣлить это свойство и мыслить о немъ безъ всякаго отношенія къ его цѣлому. Такъ напр., сравнивая между собою сахаръ, снѣгъ, мѣлъ, соль, я сосредоточиваю свое вниманіе на сходствѣ ихъ по цвѣту и нахожу общее въ нихъ свойство бѣлизны. Это свойство я могу мыслить самостоятельно и совершенно независимо отъ другихъ свойствъ данныхъ предметовъ. Или, направляя

свое вниманіе на проявленіе въ людяхъ чувства недоброжелательства къ другимъ, сопровождаемаго вредящими поступками, я выдѣляю это общее свойство и обособляю его въ своемъ сознаніи въ представленіе злости, независимое отъ другихъ свойствъ человѣка.

4. Подъ *синтезомъ* разумѣется процессъ мышленія, противоположный анализу. Онъ состоитъ въ соединеніи различныхъ элементовъ сознанія въ цѣльные сложные факты. Простѣйшій случай синтеза наблюдается въ процессѣ воспріятія, когда мы по какому-либо одному элементу воспроизводимъ всѣ другіе, принадлежащіе извѣстному предмету. Увидя, напр., на тарелкѣ рыбьи кости, мы воспроизводимъ другія части и свойства рыбы и синтезируемъ ихъ въ цѣльное представленіе рыбы. Или, по вкусовому ощущенію отъ куска яблока, положеннаго въ ротъ безъ участія другихъ чувствъ, воспроизводятся и синтезируются въ образъ яблока всѣ остальные элементы его. Особенно характерна и важна синтезирующая работа мышленія въ дѣятельности фантазіи. Ни одно построеніе воображенія не можетъ обойтись безъ нея. Всякій, созданный фантазіей образъ есть сочетаніе или синтезъ имѣющихся въ сознаніи элементовъ. Таковы всѣ проекты машинъ, сооруженій, построекъ и т. п. Высшее проявленіе синтеза находимъ мы въ произведеніяхъ искусства, каковы, напр., музыкальныя композиціи, литературные типы и т. д.

Относительно всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами процессовъ слѣдуетъ замѣтить, что они по своему происхожденію, являются непроизвольною работою нашего сознанія, т. е. совершаются въ насъ безъ всякаго съ нашей стороны вмѣшательства. Но во многихъ случаяхъ мы пользуемся ими произвольно, какъ средствами познанія, и тогда они получаютъ сознательно-намѣренный характеръ. Подробное разсмотрѣніе этихъ процессовъ, какъ орудій познанія, составляетъ предметъ логики, т. е. теоріи познанія.

Формы мышленія. Обобщающая дѣятельность мышленія обнаруживается прежде всего въ классификаціи представленій предметовъ, обладающихъ общими свойствами; на основаніи этого, въ сознаніи нашемъ образуются общія идеи о сходныхъ между собою предметахъ; эти идеи мы называемъ *понятіями*. Такъ, на основаніи полученныхъ мною въ различное время представленій о разныхъ деревьяхъ, людяхъ у меня сложились общія идеи или понятія о деревѣ и человѣкѣ вообще. Но сознаніе не ограничивается понятіями; онѣ не живутъ въ немъ какъ отдѣльныя, разрозненныя единицы. Путемъ постояннаго сравненія происходитъ опредѣленіе различныхъ между понятіями отношеній. Имѣя, напр., понятія о *рыбѣ* и *водѣ*, я нахожу между ними отношеніе, которое и выражаю такъ: «рыбы живутъ въ водѣ»; или, на основаніи сложившихся понятій о *монетѣ* и *золотѣ*, у меня при взглядѣ на монету возникаетъ мысль, что она сдѣлана изъ золота. Такая форма, представляющая сочетаніе понятій, которое выражаетъ какое-либо отношеніе между ними, называется *сужденіемъ*. Далѣе, сравнивающая дѣятельность мышленія сопоставляетъ отношенія между понятіями, выражаемыя въ сужденіяхъ, и приходитъ къ новымъ, неизвѣстнымъ до того отношеніямъ. Такъ, мнѣ извѣстно, что люди обладаютъ способностью къ совершенствованію и что дикари—люди; отсюда я прихожу къ мысли, что дикари обладаютъ способностью къ совершенствованію. Такое опредѣленіе по извѣстнымъ отношеніямъ, выраженнымъ въ сужденіяхъ, новаго, неизвѣстнаго отношенія между понятіями называется *умозаключеніемъ*. Такимъ образомъ, дѣятельность мышленія обнаруживается въ трехъ формахъ: *понятіи*, *сужденіи* и *умозаключеніи*.

Глава XX.

О понятіяхъ.

Общія представленія или понятія. Конкретность единичныхъ представленій. Возможность обобщенія единичныхъ представленій. Общія представленія или понятія. **Образованіе понятій.** Матеріалъ для образованія понятій. Процессъ образованія понятій: отысканіе сходства и различія, болѣе легкое воспроизведеніе сходныхъ признаковъ, отвлеченіе и синтезированіе ихъ. Примѣры. Три момента въ процессѣ образованія понятій: сравненіе, абстракція и обобщеніе. **Обозначеніе понятій.** Немыслимость понятія безъ конкретнаго выраженія. Примѣры. Представленія—замѣстители понятій. Различіе между представленіями—замѣстителями и единичными представленіями. Психофизіологическое объясненіе этого различія. Тождественность значенія терминовъ «общее представленіе» и «понятіе». Отношеніе между абстрактностью понятій и конкретностью представленій. Примѣры. Слова—замѣстители понятій. **Понятіе и слово.** Порядокъ и взаимоотношеніе между понятіями и ихъ словесными знаками при образованіи понятій. Теоріи, разъясняющія этотъ вопросъ: 1) *слово раньше понятія,* 2) *понятіе раньше слова* и 3) *понятіе* и *слово вмѣстѣ.* Доказательства въ пользу теоріи одновременнаго возникновенія понятій и словъ: наблюденія надъ общимъ ходомъ развитія мышленія и рѣчи у дѣтей (эмоціональность, потребность самопроизвольнаго лепета и подражаніе). **Происхожденіе языка** Психологическая теорія происхожденія языка. Главнѣйшіе моменты его образованія: 1) непроизвольное выраженіе эмоціональныхъ явленій сознанія, 2) подражаніе звукамъ природы и 3) символизмъ.

Общія представленія или понятія. Мы теперь хорошо знаемъ, что результатомъ пережитыхъ нами воспріятій являются умственные образы или представленія. Какъ единичны воспріятія, такъ единичны и представленія. Каждое изъ нихъ соотвѣтствуетъ тому или иному конкретному предмету, который мы когда-либо воспринимали. Когда я вспоминаю о моемъ отцѣ, то въ моемъ умѣ возникаетъ живой образъ извѣстнаго лица съ присущими ему одному свойствами, которыя и отличаютъ его въ моемъ сознаніи отъ всѣхъ прочихъ предметовъ. Однако я могу мыслить не только о моемъ отцѣ, но и о людяхъ вообще; равнымъ образомъ, я могу думать не только объ извѣстной собакѣ, которая имѣетъ опре-

дѣленную величину, черную, волнистую и блестящую шерсть, длинную съ подпалинами около глазъ морду и пр., но я могу также думать о собакѣ вообще. Словомъ, въ моемъ умѣ на ряду съ представленіями объ отдѣльныхъ предметахъ живутъ представленія, соотвѣтствующія группамъ сходныхъ предметовъ. *Умственное построеніе, представляющее сочетаніе свойствъ, общихъ многимъ предметамъ, называется понятіемъ.*

Образованіе понятій. Изъ даннаго опредѣленія понятій ясно, что матеріаломъ для образованія понятій служатъ воспріятія и представленія. И дѣйствительно, если бы я не видѣлъ никогда ни одного яблока, не держалъ его въ рукахъ, не ѣлъ его, словомъ, если бы я не пережилъ ни одного воспріятія яблока, то несомнѣнно, у меня не могло бы образоваться конкретныхъ представленій о неизвѣстныхъ мнѣ яблокахъ, а слѣдовательно, я не могъ бы думать о яблокѣ вообще, т. е. о яблокѣ, какъ извѣстномъ классѣ сходныхъ предметовъ. Такъ, когда намъ называютъ какой-нибудь совершенно неизвѣстный намъ предметъ, то названіе это является для насъ пустымъ, лишеннымъ смысла звукомъ, потому-что, воспринимая его, мы не связываемъ съ нимъ никакихъ конкретныхъ образовъ. Слѣдовательно, понятія возникаютъ изъ представленій о единичныхъ сходныхъ предметахъ. Что касается процесса образованія понятій, то онъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Воспринимая въ различное время единичные однородные предметы, сознаніе наше отмѣчаетъ въ нихъ, съ одной стороны, признаки сходные, т. е. общіе всѣмъ даннымъ предметамъ, а съ другой, — признаки различные или спеціальные. Общіе признаки, какъ чаще повторяющіеся, оставляютъ въ памяти болѣе глубокій слѣдъ, чѣмъ признаки спеціальные, а слѣдовательно, пріобрѣтаютъ и сравнительно большую ясность и отчетливость. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду частой повторяемости, сходные признаки, согласно закону навыка, при воспоминаніи легко воспроизводятся, тогда какъ спеціальные, обладая слабою

степенью воспроизведенія, отступаютъ на задній планъ, стушевываются. Такимъ образомъ, совершается естественный процессъ отвлеченія сходныхъ признаковъ и отбрасыванія несходныхъ. Затѣмъ, признаки сходные, какъ общіе извѣстной группѣ предметовъ, при помощи синтеза, сочетаются въ одну общую идею. Эта-то общая идея и есть понятіе. Оно является результатомъ соединенія единичныхъ конкретныхъ представленій предметовъ одной группы, объединенныхъ въ одно цѣлое. Этотъ процессъ объединенія и есть то, что мы называемъ *обобщеніемъ*. Такъ напр., воспринимая отдѣльные дома, мы замѣчаемъ въ нихъ общіе всѣмъ имъ признаки, каковы напр., стѣны, крыша, окна, двери, и на ряду съ ними различаемъ частные, свойственные каждому дому въ отдѣльности: величину, строительный матеріалъ, форму и окраску частей и др. Благодаря ежедневному опыту, мы, смотря по надобности, безъ затрудненія воспроизводимъ общіе признаки домовъ, отвлекаясь отъ индивидуальныхъ особенностей нашихъ единичныхъ представленій. Такъ, думая о домѣ, мы смутно представляемъ себѣ тѣ единичные дома, которые мы видѣли; но за то намъ ясно представляются общія черты, отличающія дома, какъ извѣстную группу предметовъ: стѣны, крышу, окна, двери и др. При этомъ всѣ эти общіе всѣмъ домамъ признаки возникаютъ въ нашемъ умѣ одновременно и совмѣстно.

Итакъ, процессъ образованія понятій отличается сложностью. Въ немъ мы различаемъ три момента: 1) сравненіе или сличеніе единичныхъ представленій; 2) абстракцію или отвлеченіе, посредствомъ чего мы сосредоточиваемъ наше вниманіе на сходствѣ предметовъ, выключая изъ поля сознанія ихъ различіе и 3) обобщеніе представленій о сходныхъ признакахъ въ одно цѣлое.

Обозначеніе понятій. Было сказано, что понятіе есть сочетаніе въ одну общую идею признаковъ, общихъ извѣстной группѣ сходныхъ предметовъ. Но существованіе идеи

о свойствахъ безъ отнесенія ихъ къ какимъ-либо вещамъ или предметамъ является дѣломъ невозможнымъ. Я не могу думать, напр., о геометрическихъ свойствахъ трехугольника безъ всякаго отношенія къ конкретнымъ предметамъ, которые я называю трехугольниками; или для меня представляется невозможнымъ думать о свойствахъ жидкости безъ отношенія къ водѣ, молоку, маслу, т. е. ко всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые называются жидкостями. Равнымъ образомъ, нельзя думать о движеніи безъ отношенія къ разнымъ двигающимся тѣламъ. А это значитъ то, что понятіе, какъ идея, немыслимо безъ конкретнаго выраженія. Соображенія эти были высказаны еще Аристотелемъ, который сказалъ, что ничто не мыслится безъ образа. Что же служитъ конкретнымъ выраженіемъ или обликомъ понятій? Обратимся къ фактамъ нашего повседневнаго опыта и постараемся дать себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ въ нашемъ умѣ, когда мы думаемъ о предметахъ вообще. Положимъ, предметомъ моей мысли является дерево. Какъ только я начинаю думать о немъ, то передо мной либо возникаетъ образъ какого-нибудь одного дерева, которое я когда-нибудь видѣлъ, либо происходитъ теченіе смѣняющихся одно другимъ представленій различныхъ видѣнныхъ мною деревьевъ; наконецъ, можетъ возникнуть образъ дерева, заново построенный моимъ воображеніемъ изъ элементовъ, имѣющихся въ моемъ опытѣ. Словомъ, всякое понятіе при своемъ возникновеніи облекается въ какой-нибудь конкретный единичный образъ или представленіе; этотъ единичный образъ въ такихъ случаяхъ является *замѣстителемъ* общаго или родового образа. Однако между представленіемъ-замѣстителемъ и представленіемъ, которое является результатомъ воспроизведенія, существуетъ разница. Когда мы вспоминаемъ о какомъ-либо опредѣленномъ деревѣ, то всѣ его признаки, нами воспринятые, представляются намъ съ одинаковою яркостью и отчетливостью; когда же мы думаемъ о деревѣ вообще, то въ нашемъ умѣ съ особенною

ясностью возникаютъ общіе признаки деревьевъ въ образѣ силуэта ствола съ вѣтвями и листвой; что же касается величины, формы, цвѣта и другихъ конкретныхъ признаковъ дерева-замѣстителя, то они представляются намъ смутно, стушевываются, отходятъ на второй планъ. Явленіе это находитъ себѣ объясненіе, съ одной стороны, въ теоріи отвлеченія, по которой сходные признаки, вслѣдствіе частой повторяемости, легче и съ большею отчетливостью воспроизводятся. Съ другой же стороны, здѣсь имѣетъ значеніе интересъ и направляемое имъ вниманіе; благодаря послѣднему, мы, апперципируя интересующія насъ стороны предмета, представляемъ ихъ ясно и отчетливо; другія же на нѣкоторое время забываемъ. Такимъ образомъ получается какъ-бы сокращенное представленіе; такое представленіе нѣкоторые психологи называютъ *абстрактнымъ* или *общимъ* представленіемъ; оно то и является замѣстителемъ понятія. Оперируя съ понятіями, мы оперируемъ съ ихъ замѣстителями-общими представленіями; затѣмъ въ силу навыка между тѣми и другими происходитъ отождествленіе. Поэтому съ психологической точки зрѣнія термины «общее представленіе» и «понятіе», какъ умственныя построенія, относящіяся къ группѣ сходныхъ предметовъ, должны быть употребляемы въ одномъ и томъ же смыслѣ.

По количеству обобщаемыхъ представленій понятія отличаются меньшей или большей степенью отвлеченія, иначе говоря, понятія бываютъ менѣе абстрактныя и болѣе абстрактныя. Въ зависимости отъ степени абстрактности понятій и представленія, какъ ихъ замѣстители, отличаются большей или меньшей конкретностью. Чѣмъ менѣе абстрактно понятіе, тѣмъ болѣе конкретно представленіе, замѣщающее его; напротивъ того, по мѣрѣ расширенія отвлеченія, матеріальность представленія все болѣе и болѣе ослабѣваетъ. Такъ, когда мы думаемъ о такихъ предметахъ, какъ лошадь, береза, вода, то замѣстителями ихъ являются, въ большинствѣ слу-

чаевъ, индивидуальныя представленія, или близко къ нимъ подходящія: въ умѣ нашемъ возникаютъ вполнѣ опредѣленные конкретные образы какой-нибудь видѣнной нами собаки, березы, рѣки или сосуда съ водой. При мысли о животномъ, деревѣ, жидкости конкретность ихъ замѣстителей значительно слабѣетъ; однако мы все еще представляемъ себѣ, съ большей или меньшей отчетливостью, матеріальные образы: въ первомъ случаѣ чего-то движущагося, стоящаго на ногахъ; во второмъ—ствола съ вѣтвьями и листвою; въ третьемъ—чего-то текучаго. Здѣсь можетъ быть даже смѣна индивидуальныхъ представленій различныхъ животныхъ, деревьевъ, жидкостей. Когда же у насъ возникаютъ понятія о существѣ, веществѣ, движеніи и т. п., то конкретность представленій совершенно слабѣетъ, образы становятся крайне смутными и неопредѣленными. Для матеріальнаго обозначенія такихъ понятій является потребность въ условныхъ знакахъ или символахъ. Такими знаками служатъ слова. Не будучи въ состояніи представить себѣ общихъ элементовъ понятій въ конкретномъ образѣ, мы обозначаемъ ихъ звуками рѣчи или словами. Слѣдовательно, *слова* также играютъ роль *замѣстителей* понятій.

Понятіе и слово. Ближайшее разсмотрѣніе вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ между понятіемъ и словомъ представляетъ также предметъ психологіи. Здѣсь существеннымъ является вопросъ о томъ, въ какомъ порядкѣ и взаимоотношеніи происходитъ образованіе понятій и соотвѣтствующихъ имъ словесныхъ знаковъ. На этотъ предметъ существуютъ различныя объясненія.

1. Одни ученые утверждаютъ, что *слова пріобрѣтаются и усваиваются прежде, чѣмъ возникаютъ понятія;* слова способствуютъ образованію понятій, такъ что языкъ является главнымъ орудіемъ возникновенія и развитія понятій, иначе говоря, орудіемъ мысли человѣческой. Безъ языка невозможно

умственное развитіе человѣка. Объясненіе это находитъ себѣ подтвержденіе въ наблюденіяхъ надъ развитіемъ мысли и слова у дѣтей. Когда ребенокъ въ первый разъ видитъ какой-либо предметъ и вмѣстѣ съ тѣмъ слышитъ его названіе, то это послѣднее, несомнѣнно, является принадлежащимъ только данному предмету, т. е. собственнымъ именемъ. Такимъ образомъ, ребенокъ не имѣетъ еще понятія о предметѣ, тогда какъ названіе его имъ уже усвоено. Затѣмъ, когда ему нѣсколько разъ встрѣтятся предметы, подобные данному, и онъ примѣнитъ къ нимъ готовое названіе, то тогда только у него образуется понятіе о данномъ предметѣ. Слѣдовательно, процессъ образованія понятія совершается путемъ оперированія со словомъ.

2. Напротивъ того, другіе ученые полагаютъ, что *понятія возникаютъ ранѣе словъ*. Основаніемъ такого мнѣнія служатъ случаи, когда процессы мышленія совершаются безъ языка. Примѣромъ могутъ служить первые годы жизни ребенка, когда онъ, не обладая языкомъ, обнаруживаетъ несомнѣнные признаки мышленія. Равнымъ образомъ, мыслительные процессы наблюдаются и у животныхъ, совершенно лишенныхъ дара слова. Наконецъ, ссылаются также на глухонѣмыхъ, которые, будучи лишены способности рѣчи, имѣютъ понятія о предметахъ. Однако всѣ эти доказательства подлежатъ опроверженію. Несомнѣнно, что и дѣти и животныя проявляютъ способность мышленія и безъ языка; но эта способность элементарна и ограничивается оперированіемъ надъ воспріятіями и представленіями. Въ разсматриваемомъ же вопросѣ имѣется въ виду высшая степень мышленія, мышленіе обобщающее, которое называется *разумомъ*. Что касается глухо-нѣмыхъ, то относительно ихъ можно сказать слѣдующее: за отсутствіемъ рѣчи, они пользуются различными другими знаками, каковы, напр., движенія рукъ, пальцевъ и т. п. Знаки эти, подобно словамъ, служатъ для нихъ за-

мѣстителями понятій. Приэтомъ слѣдуетъ замѣтить, что грубая конкретность этихъ знаковъ и отсутствіе подвижности и эластичности препятствуетъ составленію ясныхъ и опредѣленныхъ понятій. Глухо-нѣмые преимущественно оперируютъ съ представленіями. Недостатокъ слуха и рѣчи значительно ограничиваетъ предѣлы ихъ психическаго развитія.

3. Существуетъ, наконецъ, третье мнѣніе, по которому *слова и понятія возникаютъ одновременно* и оказываютъ взаимное вліяніе на развитіе. Такимъ образомъ, между рѣчью и мыслью признается тѣсная и неразрывная связь, которая можетъ быть выражена слѣдующими словами· нѣтъ понятій безъ словъ и словъ безъ понятій. Послѣдняя теорія должна быть признана наиболѣе подходящей къ дѣйствительности и потому наиболѣе правильной. Она находитъ себѣ убѣдительное объясненіе въ общемъ ходѣ развитія мышленія и рѣчи у дѣтей. Наблюденія показываютъ, что языкъ дитяти развивается непроизвольно и въ тѣсной и постоянной связи съ развитіемъ мышленія. Основными условіями развитія дѣтской рѣчи служатъ эмоціональныя явленія, потребность самопроизвольнаго лепета и подражаніе. Испытывая различнаго рода чувства, какъ-то: удовольствія, страданія и др., ребенокъ непроизвольно издаетъ и различные звуки. Такимъ путемъ у него устанавливается ассоціативная связь между психическимъ явленіемъ и звукомъ, сопровождающимъ его. Опытъ способствуетъ укрѣпленію этой связи. Такъ, подъ вліяніемъ голода ребенокъ издаетъ извѣстнаго рода звуки. Утоленіе голода матерью устанавливаетъ въ его сознаніи ассоціацію между представленіемъ объ освобожденіи отъ голода и звуками и тѣмъ пріучаетъ его впослѣдствіи пользоваться этими звуками, когда онъ голоденъ. Звуки являются для него знакомъ для выраженія извѣстнаго душевнаго состоянія. При дальнѣйшемъ развитіи у ребенка пробуждается интересъ къ произнесенію звуковъ, какъ къ средству, съ помощью котораго онъ прихо-

дитъ въ сообщеніе съ другими. Тогда у него является потребность говорить; благодаря этому, у него образуется свой особый языкъ, въ которомъ главнымъ элементомъ является звукоподражаніе. Но мало по малу въ этотъ оригинальный языкъ ребенка вторгается элементъ подражанія, и первобытный лепетъ смѣняется языкомъ окружающихъ, которымъ ребенокъ подражаетъ. Въ этомъ процессѣ перениманія происходитъ обычное явленіе воспріятія словъ безъ соотвѣтствующихъ общихъ представленій или понятій. Послѣднія вырабатываются у него впослѣдствіи путемъ опыта на имѣющемся въ его распоряженіи словесномъ матеріалѣ. Такъ, напр., когда ребенокъ видитъ мяукающую кошку, то у него устанавливается ассоціація между зрительнымъ образомъ кошки и образомъ звуковымъ въ формѣ междометія «мяу». Благодаря этой ассоціаціи онъ каждый разъ, при видѣ кошки или ея изображенія, воспроизводитъ соотвѣтствующій звуковой образъ и произноситъ «мяу». Путемъ обобщенія образуется у него общее представленіе или понятіе кошки, причемъ обобщающимъ элементомъ, на почвѣ котораго возникаетъ умственное построеніе, является звуковой образъ, иначе говоря, *слово*. Затѣмъ наступаетъ періодъ образованія понятій путемъ ассоціаціи представленій со словами, воспринятыми путемъ подражанія. Эти слова характеризуются отсутствіемъ внутренней связи съ предметами и пріобрѣтаютъ символическое значеніе. Въ дальнѣйшемъ, когда языкъ хорошо усвоенъ, онъ становится средствомъ для развитія и формированія мысли.

Происхожденіе языка. На основаніи вышеприведенныхъ соображеній относительно развитія рѣчи ребенка, создалась психологическая теорія развитія языка. По этой теоріи языкъ возникъ не сразу, а постепенно; приэтомъ въ образованіи его предполагаются слѣдующіе главнѣйшіе моменты.

1. Первый моментъ характеризуется тѣмъ, что языкъ

является непроизвольнымъ, рефлекторымъ выраженіемъ эмоціональныхъ явленій сознанія. Всѣ воспріятія сопровождаются чувствами или настроеніями, которыя первобытный человѣкъ непроизвольно выражалъ подходящими движеніями: жестами, мимикой, а также различными звуками. Вслѣдствіе частаго повторенія, между психическими явленіями и звуками устанавливается ассоціація, благодаря которой люди начинаютъ понимать другъ друга, и такимъ образомъ звуки становятся знаками для выраженія душевныхъ состояній.

2. Второй моментъ состоитъ въ подражаніи разнообразнымъ звукамъ природы: крикамъ животныхъ, пѣнію птицъ, грому, шуму, происходящему отъ паденія тѣлъ, шелесту листьевъ и т. п. Эти звуки ассоціируются съ зрительными представленіями предметовъ, которые ихъ производятъ, и также становятся знаками для этихъ представленій. Знаки эти переносятся на другія представленія по сходству между предметами или какимъ-либо между ними отношеніемъ. Такъ получается переносное значеніе словъ.

3. Третій моментъ состоитъ въ томъ, что непосредственныя связь между представленіями и звуками теряется; звуки или слова утрачиваютъ изобразительный характеръ и пріобрѣтаютъ условное, символическое значеніе.

Глава XXI.

О сужденіяхъ.

Понятіе сужденія. Совмѣстная воспроизводимость понятій и словъ. Соотношеніе между словами и выраженіе его въ предложеніи. Анализъ предложенія съ точки зрѣнія умственнаго построенія, которое имъ выражается. Опредѣленіе сужденія. Элементы сужденія: подлежащее и сказуемое. Элементарныя сужденія и ихъ свойства. Примѣры. Иллюзіи. Логическія сужденія и отличительныя ихъ свойства. Примѣры. **Общія условія состоятельности сужденій.** Утвержденіе,

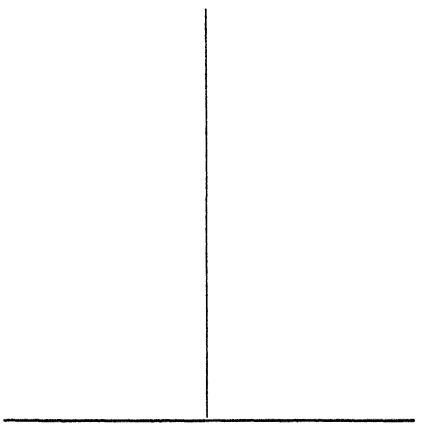
какъ основаніе сужденія. Отрицательныя сужденія и отношеніе ихъ къ утвержденію. Примѣры. Увѣренность, какъ необходимое условіе всякаго сужденія. Примѣры. Полное и точное опредѣленіе сужденія.

Понятіе сужденія. Говоря объ общихъ представленіяхъ или понятіяхъ, мы пришли къ тому, что слова служатъ ихъ знаками или замѣстителями. Такимъ образомъ, каждому общему представленію или понятію соотвѣтствуетъ слово. Когда я воспринимаю или воспроизвожу какой-либо предметъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ въ умѣ моемъ возникаетъ и названіе этого предмета, и наоборотъ, при воспріятіи или воспроизведеніи слова воспроизводится съ большей или меньшей ясностью образъ предмета. Однако рѣчь человѣческая показываетъ, что мы выражаемся не отдѣльными словами, а приводимъ ихъ во взаимную связь и соотношеніе. Эта связь находитъ себѣ выраженіе въ томъ словесномъ фактѣ, который мы называемъ предложеніемъ. Несомнѣнно, что предложеніе есть словесное выраженіе какого-то умственнаго построенія. Въ чемъ же состоитъ сущность этого построенія? Когда я говорю: «мой старшій братъ Иванъ дома», то, очевидно, въ данномъ случаѣ я оперирую надъ двумя единичными представленіями, которыя я привожу во взаимное отношеніе. Равнымъ образомъ, говоря: «золото драгоцѣнный металлъ», я имѣю дѣло съ двумя понятіями, которыя я также привожу во взаимное соотношеніе. Такимъ образомъ, анализъ предложенія показываетъ, что каждое предложеніе есть выраженіе отношенія между представленіями или понятіями. *Умственное построеніе, устанавливающее какое-либо отношеніе между представленіями или понятіями называется сужденіемъ.* Но что значитъ «судить». Судить значитъ произносить приговоръ, дѣлать чему-либо оцѣнку. Въ чемъ же состоитъ оцѣнка? Она состоитъ въ признаніи за предметомъ какихъ-либо свойствъ или состояній. Отсюда каждое сужденіе должно заключать въ себѣ два элемента: предметъ сужденія и приписываемое ему

свойство или состояніе. То представленіе, которое служитъ предметомъ сужденія, называется *субъектомъ* или *подлежащимъ*, а то представленіе или понятіе, которое обозначаетъ свойство или состояніе, называется *предикатомъ* или *сказуемымъ*.

Опредѣляя сужденіе, мы имѣли въ виду такое умственное построеніе, которое имѣетъ опредѣленное словесное выраженіе. Однако, если мы подвергнемъ анализу даже элементарные процессы мышленія, то мы обнаружимъ въ нихъ участіе судящей дѣятельности его. Ни одинъ, самый обыденный актъ воспріятія не обходится безъ участія сужденія. Каждый разъ, когда я воспринимаю какой-либо предметъ, я сравниваю его съ ранѣе пережитыми воспріятіями, и это сравненіе сопровождаю утвержденіемъ, что этотъ предметъ мнѣ знакомъ или незнакомъ; это утвержденіе и есть сужденіе. Такъ напр., при видѣ яблока у меня возникаетъ мысль о томъ, что «это—яблоко»; при свистѣ локомотива я признаю, что это «свиститъ локомотивъ» и т. п. Въ этомъ утвержденіи или признаніи основывается процессъ узнаванія. Равнымъ образомъ, образованіе понятій также сопровождается актомъ сужденія. Мы знаемъ, что понятія образуются прежде всего чрезъ сравненіе. Я не могу составить себѣ понятія о твердости безъ предварительнаго сравненія твердыхъ предметовъ; результатомъ же этого сравненія является мысленное признаніе за этими предметами извѣстнаго общаго всѣмъ имъ качества твердости. А это признаніе есть сужденіе. Однимъ словомъ, всѣ тѣ умственные процессы, въ которыхъ есть какое-нибудь сравненіе, сопровождаются актомъ сужденія. Однако судящая дѣятельность, наблюдаемая при сравненіи, является лишь орудіемъ, пособіемъ для другихъ умственныхъ операцій и отличается непроизвольнымъ характеромъ. Въ подобныхъ случаяхъ сужденіе отличается неясностью, неопредѣленностью и не облекается въ форму словеснаго выраженія; оно, можно ска-

зать, находится въ скрытомъ состояніи. Такого рода сужденія, какъ элементъ сравнивающей дѣятельности мышленія, могутъ быть названы *первоначальными* или *элементарными* сужденіями. Элементарныя сужденія являются результатомъ механической связи представленій и могутъ быть ошибочными; тогда они называются *иллюзіями*. Но иллюзіи сужденій слѣдуетъ отличать отъ чувственныхъ иллюзій, которыя были разсмотрѣны раньше. Обратимся къ примѣру. Рисунокъ 4-й представляетъ двѣ прямыя линіи одинаковой длины, причемъ одна изъ нихъ перпендикулярна къ другой и дѣлитъ ее пополамъ. Несмотря на равенство данныхъ линій, вертикальная линія кажется намъ болѣе горизонтальной. Несомнѣнно, что ощущенія, получаемыя отъ данныхъ двухъ линій, въ виду ихъ равенства, совершенно тождественны; обманъ же происходитъ при производствѣ оцѣнки, когда мы судимъ о величинѣ этихъ линій; такимъ образомъ, у насъ получается *ошибка сужденія* или *иллюзія*. Отчего же зависитъ эта ошибка? Она происходитъ отъ того, что данныя линіи поставлены въ такія условія, которыя препятствуютъ правильному сужденію о ихъ величинѣ.



Фиг. 4.

Но мышленіе, какъ дѣятельность познающая, есть также дѣятельность сознательно-намѣренная, слѣдовательно, заключающая въ себѣ элементы воли. Оцѣнка различнаго рода фактовъ съ цѣлью признанія за ними дѣйствительности существованія требуетъ произвольнаго сосредоточенія мыслей; поэтому сознательная намѣренность является особенно важнымъ условіемъ судящаго мышленія. Результатомъ такого требованія

служитъ сознательное и опредѣленное сочетаніе понятій, которое и есть сужденіе въ тѣсномъ значеніи слова; его можно назвать *логическимъ сужденіемъ*. Въ основаніи логическаго сужденія лежитъ синтезъ тѣхъ элементовъ, которые получаются путемъ анализа при образованіи понятій. Такъ, составляя понятіе о лошади, мы при посредствѣ анализа выдѣляемъ и обособляемъ свойства ея· животное, четвероногое, травоядное, млекопитающее. Въ сужденіи же: «лошадь есть четвероногое, травоядное, млекопитающее животное» всѣ эти свойства синтезируются. Логическія сужденія, какъ результатъ сознательнаго сочетанія понятій, всегда принимаютъ опредѣленное словесное выраженіе, которое мы называемъ *предложеніемъ*.

Общія условія состоятельности сужденій. Подробное разсмотрѣніе сужденій, какъ средства къ познанію, составляетъ предметъ логики. Дѣло психологіи разсмотрѣть лишь общія условія ихъ состоятельности.

Выше было сказано, что сущность процесса сужденія заключается въ признаніи за предметомъ какихъ-либо свойствъ или состояній. Когда я говорю: «яблоко зрѣло», то я признаю за яблокомъ свойство зрѣлости. Но признаніе можетъ состоять и въ отрицаніи за предметомъ какого-либо свойства. Такъ, когда мы говоримъ: «люди не безсмертны», то сужденіе наше заключаетъ признаніе отсутствія въ людяхъ признака безсмертности. Слѣдовательно, въ основаніи всякаго сужденія лежитъ *утвержденіе*, причемъ отрицательныя сужденія являются таковыми лишь по отношенію ихъ къ другимъ сужденіямъ, которыя имъ противоположны. Такъ, сужденіе «люди не безсмертны» само по себѣ основывается на утвержденіи; но происхожденіе его объясняется возникновеніемъ въ какой-либо формѣ другого сужденія, а именно, «люди безсмертны», которое мы и отвергаемъ. Положимъ, кто-либо размечтался объ устроеніи земного счастья на началахъ вѣчнаго существо-

ванія; очевидно, онъ въ данную минуту забылъ о смертности человѣка, а слѣдовательно, мечтанія его основаны на скрытомъ сужденіи, что люди безсмертны. Мечтанія эти разбиваются сужденіемъ: люди не безсмертны. Итакъ, основаніемъ сужденія служитъ *утвержденіе*.

Однако утвержденіе чего-либо разумѣетъ отрицаніе того, что ему противорѣчитъ. Такъ, яблоко можетъ быть зрѣлымъ и незрѣлымъ, а потому, когда я говорю, что данное яблоко зрѣло, я вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаю его незрѣлость. На чемъ же основывается утвержденіе чего-либо? Очевидно, на признаніи того, что утверждается, истиннымъ и того, что ему противорѣчитъ, ложнымъ. Говоря, что лошадь—животное позвоночное, я признаю это положеніе истиннымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе, что лошадь—животное безпозвоночное, ложнымъ. Слѣдовательно, процессъ сужденія обусловливается критическимъ отношеніемъ къ его содержанію; иначе говоря, необходимымъ условіемъ сужденія служитъ отношеніе его къ истинности и ложности. Безъ этого отношенія не можетъ быть и сужденія. Что же, однако, служитъ основаніемъ для признанія сужденія истиннымъ? Иначе говоря, когда мы рѣшаемся высказать то или другое сужденіе? Намъ извѣстно, что процессъ сужденія состоитъ въ выборѣ между утвержденіемъ и отрицаніемъ. Моему сужденію «сегодня хорошая погода» предшествуетъ скрытый вопросъ: какова сегодня погода, хорошая или дурная? Иногда я безъ колебанія высказываю сужденіе, иногда же затрудняюсь его высказать. Отчего это происходитъ? Очевидно, въ первомъ случаѣ совокупность объективныхъ данныхъ, т. е. внѣ меня находящихся, вызываетъ во мнѣ твердую увѣренность въ признаніи за погодой извѣстнаго качества; тогда какъ въ другомъ случаѣ сбивчивость этихъ данныхъ вызываетъ во мнѣ состояніе сомнѣнія, и потому я не рѣшаюсь высказать сужденія. Отсюда ясно, что необходимымъ условіемъ всякаго сужденія является увѣрен-

ность въ томъ, что утверждаемое мною не только есть фактъ моего сознанія, но имѣетъ дѣйствительное существованіе, объективную реальность. Всякой же увѣренности предшествуетъ сомнѣніе, которое и выражается въ вопросѣ, требующемъ отвѣта: да или нѣтъ. Когда сомнѣніе разрѣшается, то оно переходитъ въ увѣренность, и результатомъ этого является сужденіе; когда же сомнѣніе неразрѣшимо, то не можетъ быть никакого сужденія. Поэтому никакое утвержденіе чего-либо, не основанное на увѣренности въ его объективной реальности, не имѣетъ значенія логическаго сужденія. Оно является однимъ лишь механическимъ соединеніемъ представленій. Если я, при какомъ-либо ошибочномъ моемъ дѣйствіи, говорю, что «меня чортъ попуталъ», то подобное выраженіе, какъ не имѣющее за собой для меня объективной реальности, не есть логическое сужденіе; оно можетъ быть допущено лишь какъ условное выраженіе того психическаго состоянія, при которомъ совершено мною дѣйствіе.

Разсмотрѣніе основныхъ условій состоятельности сужденія приводитъ насъ къ болѣе полному и точному опредѣленію его. *Сужденіемъ называется сознательное и опредѣленное утвержденіе связи между представленіями или понятіями на основаніи увѣренности въ объективной дѣйствительности этой связи.*

Глава XXII.

Объ умозаключеніяхъ.

Понятіе объ умозаключеніи. Основанія вѣры въ истинность сужденія (непосредственный чувственный опытъ и достовѣрность другого сужденія). Примѣры. Опредѣленіе умозаключенія. **Формы умозаключеній.** Умозаключеніе, какъ элементъ познавательныхъ процессовъ. Примѣры. Логическія умозаключенія и ихъ отличительные признаки. Примѣры. **Виды умозаключеній.** 1. *Аналогія* и ея сущность. Примѣры. Элементарность аналогіи. 2. *Индукція* и ея сущность.

Примѣры. Важность индукціи въ жизни человѣка. Первичныя формы индукціи. Ошибки индукціи. Условія правильности индуктивнаго разсужденія (опытъ и проницательность). Примѣры. 3. *Дедукція* и ея сущность. Примѣры. Особенность дедуктивнаго процесса мышленія. Соображеніе, какъ существенное условіе правильности дедукціи. **Значеніе индукціи и дедукціи.** Обширность примѣненія индукціи и ея матеріальное значеніе. Значеніе дедукціи: провѣрка индуктивныхъ обобщеній и систематизація знаній. Совокупная дѣятельность индукціи и дедукціи.

Понятіе объ умозаключеніи. Изъ предыдущаго изложенія мы знаемъ, что необходимымъ условіемъ состоятельности сужденія служитъ увѣренность въ истинности его содержанія. Но откуда почерпается нами эта увѣренность? Откуда, напр., является увѣренность въ истинности сужденія: «солнце свѣтитъ и грѣетъ?» Несомнѣнно, что первоначальнымъ источникомъ ея служитъ непосредственное воспріятіе, какъ совокупность различнаго рода ощущеній; воспріятіе это причисляется къ нашему опыту, получается знаніе, которое облекается въ форму сужденія и которымъ мы пользуемся, когда намъ представляется въ томъ надобность. Такимъ образомъ, очевидно, что во многихъ случаяхъ основаніемъ увѣренности въ истинности содержанія сужденія служатъ данныя, получаемыя нами путемъ непосредственныхъ воспріятій. Однако не всегда бываетъ такъ. Возьмемъ другой примѣръ. Я смотрю на покрытое тучами небо, и у меня возникаетъ сужденіе: «сейчасъ пойдетъ дождь». Здѣсь непосредственнаго воспріятія того, что составляетъ содержаніе сужденія, нѣтъ На чемъ же основывается моя увѣренность, съ какою я высказываю данное сужденіе? Я сравниваю настоящій видъ неба съ данными моего предшествовавшаго опыта и вспоминаю, что подобное состояніе неба сопровождалось дождемъ, а отсюда дѣлаю *заключеніе* или *выводъ*, что и въ данномъ случаѣ долженъ пойти дождь. Здѣсь я сопоставляю извѣстныя отношенія данныхъ моего опыта (пасмурное небо и дождь) и на основаніи ихъ заключаю о такихъ отношеніяхъ, которыя

непосредственнымъ опытомъ не даны, но являются для меня необходимымъ послѣдствіемъ (пасмурное небо и х). Если мы примемъ во вниманіе, во 1-хъ, что данными нашего опыта служатъ представленія и образованныя изъ нихъ понятія, и въ 2-хъ, что отношенія между представленіями и понятіями выражаются сужденіями, то разсмотрѣнный нами примѣръ будетъ представлять выводъ истинности одного сужденія (при пасмурномъ небѣ долженъ быть дождь) изъ истинности другого сужденія) при пасмурномъ небѣ падалъ дождь). Слѣдовательно, основаніемъ увѣренности, съ какою мы высказываемъ сужденіе, можетъ служить другое сужденіе, достовѣрность котораго не подлежитъ сомнѣнію. Здѣсь мы встрѣчаемся съ новымъ познавательнымъ процессомъ, который состоитъ въ томъ, что изъ одного или нѣсколькихъ сужденій образуется новое сужденіе, какъ необходимое слѣдствіе. Процессъ этотъ называется *умозаключеніемъ*. То сужденіе, изъ котораго получается новое сужденіе, называется *основаніемъ*, а вновь полученное—*слѣдствіемъ* или *выводомъ*.

Формы умозаключеній. Умозаключенія, подобно сужденіямъ, какъ элементъ мыслительной дѣятельности, могутъ входить во всѣ, даже самые простые умственные процессы. Такъ, въ простомъ актѣ воспріятія несомнѣнно присутствіе элемента вывода или заключенія. Я вижу, напр., приближающагося человѣка; онъ мнѣ кажется знакомымъ; но я нахожусь въ сомнѣніи, признать ли его за данное лицо или нѣтъ. Я напрягаю свое вниманіе и начинаю приглядываться. Это приглядыванье сопровождается непроизвольною работою ума, который путемъ сопоставленій данныхъ опыта и непосредственнаго воспріятія заключаетъ о томъ, кто приближающійся ко мнѣ человѣкъ. Особенно ощутительно присутствіе элемента заключенія въ процессѣ образованія сужденій. Я прошу, чтобы мнѣ принесли со двора кусокъ льда. На чемъ основывается моя просьба? Очевидно, на неуловимо

быстрой и непроизвольной работѣ ума, сопоставляющаго слѣдующія сужденія: «На дворѣ морозъ», «при морозѣ вода обращается въ ледъ», «вода, находящаяся въ настоящее время на дворѣ также должна обратиться въ ледъ». Дѣло однако въ томъ, что сужденія эти находятся въ скрытомъ состояніи, и весь процессъ заключенія или вывода не облекается въ форму словеснаго выраженія. Такого рода умозаключенія входятъ во всѣ умственные акты нашей повседневной жизни. Они представляютъ заключеніе отъ единичныхъ фактовъ прошлаго опыта къ фактамъ настоящаго или будущаго безъ опредѣленнаго и сознательнаго выраженія основанія этого заключенія. Въ такой формѣ разсуждающая дѣятельность свойственна не только взрослымъ, но и дѣтямъ. Ею обладаютъ въ извѣстной степени и животныя, заключающія о близости добычи, опасности и т. п. Здѣсь умозаключеніе является въ скрытомъ состояніи. Такая форма умозаключенія можетъ быть названа *первичною* или *элементарною*. Какъ элементарныя сужденія являются результатомъ механической связи представленій, такъ точно элементарныя умозаключенія происходятъ путемъ механической связи сужденій и нерѣдко приводятъ къ ошибочнымъ выводамъ.

Отъ элементарныхъ умозаключеній слѣдуетъ отличать логическія умозаключенія. Отличительнымъ признакомъ послѣднихъ служитъ сознательно-намѣренное соотношеніе между сужденіями, когда одно изъ нихъ связывается съ другими сужденіями, находя въ нихъ для себя достаточное основаніе. Получивъ, напр., въ первый разъ представленіе о китѣ, человѣкъ, основываясь на внѣшнихъ признакахъ и руководствуясь элементарною формою умозаключенія, относитъ это животное къ классу рыбъ. Здѣсь мы видимъ не что иное, какъ простой процессъ узнаванія, въ который входитъ элементъ первичнаго умозаключенія. Зная однако, что заключенія о предметахъ по внѣшнимъ признакамъ бываютъ ошибо-

ны, мы ищемъ для нашего сужденія вполнѣ достаточнаго основанія. Ближайшее знакомство съ китомъ открываетъ намъ, что онъ—животное съ теплою кровью. Зная изъ предшествующаго опыта, что рыбы—животныя холоднокровныя, я разсуждаю такъ: «всѣ рыбы—животныя холоднокровныя», «китъ—животное теплокровное», слѣдовательно, «китъ—не рыба. Далѣе, изучая признаки, присущіе киту и сопоставляя ихъ съ признаками, принадлежащими млекопитающимъ животнымъ, я дѣлаю заключеніе, что китъ есть животное млекопитающее. Сознательность, опредѣленность и достовѣрность суть отличительные признаки логическаго умозакюченія. Оно есть высшій мыслительный процессъ и потому является главнымъ орудіемъ для пріобрѣтенія истинныхъ знаній. Подробное разсмотрѣніе его составляетъ предметъ логики.

Виды умозаключеній. По характеру сопоставляемыхъ сужденій и образуемыхъ заключеній, умозаключенія сводятся къ слѣдующимъ тремъ видамъ.

1. Отправляясь отъ частныхъ, единичныхъ фактовъ нашего опыта, мы можемъ на основаніи ихъ дѣлать заключеніе о какомъ-либо частномъ фактѣ. Такое умозаключеніе «отъ частнаго къ частному» называется *аналогіей*. Сущность этого процесса сводится къ признанію сходства между предметами въ какомъ-либо признакѣ, на основаніи ихъ сходства въ нѣкоторыхъ другихъ признакахъ. Зная, напр., нѣкоторые сходные признаки между землею и планетою Марсомъ, мы заключаемъ о томъ, что Марсъ, подобно землѣ, долженъ быть населенъ живыми существами. Аналогія представляетъ простѣйшій, наименѣе совершенный видъ умозаключенія. За отсутствіемъ возможности признанія между аналогизируемыми фактами полнаго тождества, выводы аналогіи не имѣютъ характера строгой необходимости. Аналогія—процессъ, свойственный примитивному мышленію, и наблюдается въ жизни дѣтей и даже животныхъ. Такъ, напр., если дитя, обжегшееся, на свѣчѣ,

не рѣшается подносить къ ней руку, боясь вновь обжечься то дѣйствія его основаны на разсужденіи по аналогіи. Равнымъ образомъ, процессомъ аналогіи объясняется боязнь или озлобленіе собаки при видѣ человѣка съ палкой, послѣ того какъ ее кто-нибудь побилъ. Аналогія въ формѣ элементарнаго процесса мышленія является наиболѣе распространеннымъ видомъ разсужденія, удовлетворяющимъ требованія повседневной практической жизни; научное же значеніе ея весьма ограниченное.

2. Основываясь на частныхъ, единичныхъ фактахъ нашего опыта, мы можемъ приходить къ общему положенію, которое пріобрѣтаетъ значеніе общей истины или закона. Такое умозаключеніе «отъ частнаго къ общему» называется *индукціей*. Сущность этого процесса состоитъ въ различеніи сходныхъ между нѣсколькими предметами признаковъ и въ признаніи ихъ общими для всѣхъ предметовъ, которые представляются нашему сознанію однородными. Такъ напр., наблюдая вліяніе температуры на различныя физическія тѣла, мы замѣчаемъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ нагрѣваніе тѣла сопровождается увеличеніемъ его въ объемѣ. У насъ получается рядъ сужденій: «кусокъ дерева отъ нагрѣванія увеличился въ объемѣ», «вода въ сосудѣ отъ нагрѣванія также увеличилась въ объемѣ» и т. д. На основаніи этихъ сужденій мы дѣламъ заключеніе, что «всѣ физическія тѣла при повышеніи температуры увеличиваются въ объемѣ. Основываясь на данныхъ опыта, индукція является главнѣйшимъ видомъ умозаключенія, входящимъ во всю повседневную жизнь человѣка. Въ первичной формѣ она входитъ, какъ элементъ, въ различные психическіе акты. На ней, главнымъ образомъ, основывается душевный опытъ человѣка. Путемъ индукціи ребенокъ находитъ, что пища утоляетъ голодъ, вода—жажду, что сильный ударъ причиняетъ боль, а огонь—обжогъ и т. д. Однако заключеніе отъ нѣсколькихъ единичныхъ фак-

товъ къ цѣлому роду можетъ приводить къ ошибкамъ. Такъ напр., на основаніи опыта съ сахаромъ дѣти часто заключаютъ, что всѣ бѣлые предметы сладки и т. п. На такой ошибочной индукціи основывается одностороній взглядъ нѣкоторыхъ лицъ на человѣка, выражающійся въ сужденіи, что «всѣ люди эгоистичны», понимая эгоизмъ въ грубомъ, матеріальномъ смыслѣ. Что же служитъ условіемъ, обезпечивающимъ правильность индуктивнаго разсужденія? Мы знаемъ, что въ основаніи индукціи лежитъ процессъ различенія сходныхъ признаковъ, подмѣчаемыхъ нами въ предметахъ. Но сходство это можетъ быть неодинаково. Въ однихъ случаяхъ оно можетъ быть существеннымъ, т. е. касаться такихъ признаковъ, которые обусловливаютъ собою существованіе какъ данныхъ предметовъ, такъ и цѣлаго рода; индукція, основанная на различеніи существенныхъ свойствъ предметовъ, имѣетъ характеръ логической необходимости. Но различеніе можетъ касаться признаковъ несущественныхъ или случайныхъ, которые не обусловливаютъ собою ни существованія отдѣльныхъ предметовъ, ни тѣмъ болѣе цѣлаго рода. Очевидно, построенное на такихъ признакахъ индуктивное разсужденіе будетъ неправильнымъ и можетъ даже привести къ нелѣпости. Если я, сравнивая нѣсколько деревьевъ, остановлюсь на сходствѣ ихъ въ томъ, что у нихъ есть стволъ, и сдѣлаю отсюда заключеніе, что всѣ деревья имѣютъ стволъ, то заключеніе мое будетъ правильное. Если же мнѣ попадется нѣсколько деревьевъ съ губкообразнымъ наростомъ на корѣ, и я, основываясь на этомъ, чисто случайномъ сходствѣ, сдѣлаю выводъ что всѣ деревья обладаютъ губкообразнымъ наростомъ на корѣ, то заключеніе мое, конечно, ошибочно. Точно также заключеніе о горныхъ рѣчкахъ, что онѣ отличаются быстротою теченія, какъ вытекающее изъ естественнаго положенія мѣстности, по которой онѣ протекаютъ, будетъ правильное. Если же я, проѣхавъ по гористой мѣстности послѣ дождя,

сдѣлаю заключеніе, что всѣ горныя рѣчки имѣютъ мутную воду, то индукція моя будетъ ошибочна. Опытъ и проницательность составляютъ условія правильности индуктивнаго разсужденія.

3. Исходя изъ общихъ положеній, можно подводить подъ нихъ единичные случаи и образовывать частныя сужденія. Такимъ образомъ получается умозаключеніе «отъ общаго къ частному», которое называется *дедукціей*. Сущность дедуктивнаго разсужденія заключается въ распознаваніи сходства или различія между предметами. Чтобы подвести частный случай подъ общее положеніе, необходимо найти либо сходство, либо различіе между этимъ случаемъ и всѣми случаями, которые обнимаетъ собою положеніе. Зная, напр., что «всѣ животныя въ безвоздушномъ пространствѣ умираютъ», я дѣлаю заключеніе что и «для существованія кошки также необходимъ воздухъ». Заключеніе это основано на признаніи сходства между животнымъ и кошкою. Отсюда получается полная форма дедуктивнаго умозаключенія:

Всѣ животныя въ безвоздушномъ пространствѣ умираютъ.

Кошка—животное.

Кошка въ безвоздушномъ пространствѣ умираетъ.

Возьмемъ другой примѣръ. Я усвоилъ себѣ положеніе, что «истинно благородный человѣкъ не можетъ быть измѣнникомъ». Мнѣ извѣстно, что «Алкивіадъ измѣнилъ своему отечеству.» Отсюда я заключаю, что «Алкивіадъ не отличался истиннымъ благородствомъ души». Это заключеніе основано на признаніи различія между свойствами душевнаго благородства и неблагородства. Дедукція въ формѣ элементарнаго разсужденія также входитъ въ повседневную жизнь человѣка, находясь въ скрытомъ состояніи. Однако слѣдуетъ замѣтить, что она по своему формальному характеру требуетъ болѣе зрѣлаго, дисциплинированнаго ума. Дѣтскій умъ непривыченъ къ оперированію надъ дедукціей. Такъ какъ въ основаніи

дедуктивнаго разсужденія лежитъ распознаваніе сходства и различія, чѣмъ опредѣляются отношенія между предметами, то поэтому существеннымъ условіемъ правильности дедукціи является соображеніе.

Значеніе индукціи и дедукціи. Значительная часть общихъ знаній о предметахъ пріобрѣтается человѣкомъ при помощи индукціи, поэтому послѣдняя имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ психической жизни человѣка. Значеніе это можетъ быть названо матеріальнымъ. Однако не менѣе важно, значеніе и дедукціи. Во 1-хъ, она, какъ приложеніе общихъ знаній къ частнымъ случаямъ, является провѣркой индуктивныхъ обобщеній и потому служитъ естественнымъ дополненіемъ индукціи. Во-2-хъ, формальный характеръ дедукціи способствуетъ систематизаціи, упорядоченію пріобрѣтаемыхъ знаній. Вообще же слѣдуетъ сказать, что только совокупною дѣятельностью индуктивнаго и дедуктивнаго мышленія обусловливается сознательно разумное существованіе человѣка.

Глава XXIII.

Высшія понятія.

Апріорныя истины. Опытное происхожденіе знаній. Врожденные элементы знанія. Апріорныя или высшія понятія. **Понятіе пространства.** Связь воспріятій и представленій съ идеями пространства и времени. Пространственность, какъ одно изъ свойствъ вещественныхъ предметовъ. Возможность ея отвлеченія. Опредѣленіе понятія пространства. Отличительныя свойства понятія пространства: безконечность, однородность и непрерывность. Апріорность понятія пространства: **Понятіе времени.** Продолжительность и смѣна—свойства предметовъ и явленій. Возможность ихъ отвлеченія. Опредѣленіе понятія времени. Тождественность отличительныхъ свойствъ понятій времени и пространства. Апріорность понятія времени. Чистое пространство и чистое время. **Понятіе числа.** Связь воспріятій и представленій предметовъ съ представленіями о единичности и множественности. Опредѣленіе понятія числа. Апріорность этого понятія. **Поня-**

гіе причины. Двоякая связь между воспринимаемыми явленіями: внѣшняя и внутренняя. Свойство внутренней связи. Опредѣленіе понятія причины. Апріорность этого понятія. **Понятіе субстанціи.** Измѣняемость предметовъ и явленій. Существованіе неизмѣняемой основы вещей. Опредѣленіе понятія субстанціи. Апріорность этого понятія. **Значеніе апріорныхъ понятій.** Связь апріорныхъ идей съ представленіями предметовъ и явленій и ихъ обязательная сила. Апріорныя понятія—предпосылки познанія. Опроверженіе апріорности высшихъ понятій.

Апріорныя истины. Несомнѣнно, что значительное большинство нашихъ знаній есть результатъ чувственнаго опыта. Существуютъ однако такія знанія, опытное происхожденіе которыхъ многими учеными оспаривается. По мнѣнію ихъ, есть знанія, которыя составляютъ прирожденную принадлежность духа, отъ рожденія заложены въ сознаніи. Эти врожденные элементы знанія носятъ различныя названія. Ихъ называютъ врожденными идеями, апріорными истинами, истинами разума и т. п. Къ числу такихъ элементовъ относятся идеи или понятія: пространства, времени, числа, причины и субстанціи. Понятія эти по тому особенному значенію, которое они имѣютъ въ нашемъ познаніи, называютъ *высшими понятіями.* Разсмотримъ каждое изъ нихъ въ отдѣльности.

Понятіе пространства. Мы уже знаемъ, что сущность чувственнаго воспріятія заключается въ объективаціи ощущеній, иначе говоря, въ вынесеніи ихъ за предѣлы нашего сознанія. Приэтомъ выяснена была связь воспріятій съ воспріятіями пространства и времени. Такъ, всѣ наши зрительныя и мускульно-осязательныя воспріятія, а слѣдовательно, и представленія связаны съ пространственными формами и отношеніями. Вмѣстѣ съ различными признаками предметовъ мы воспринимаемъ длину, ширину, глубину ихъ, относительное положеніе, т. е. воспринимаемъ пространственныя отношенія. Короче говоря, всякая воспринимаемая нами вещь мыслится нами въ пространствѣ. Пространственность или протяженность является однимъ изъ свойствъ предметовъ, и мы

обыкновенно не отдѣляемъ ея отъ другихъ свойствъ предмета. Но она можетъ быть абстрагирована. Если мы путемъ отвлеченія выдѣлимъ изъ воспріятій всѣ качественныя ихъ особенности: цвѣтъ, форму, размѣры, мускульно-осязательныя свойства, то у насъ останется общая идея протяженности съ тремя измѣреніями безъ всякаго отношенія къ какимъ-бы то ни было другимъ свойствамъ предметовъ. Эта идея протяженности и есть то, что мы называемъ *понятіемъ* или *идеей пространства*. Анализируя это понятіе, мы замѣтимъ, что оно существенно отличается отъ всѣхъ тѣхъ понятій, которыя образуются изъ элементовъ чувственнаго опыта. Прежде всего, когда мы мыслимъ о пространствѣ безъ отношенія къ какимъ-бы то ни было предметамъ, то оно представляется намъ *безконечнымъ*. За предѣлами реальнаго міра мы представляемъ себѣ возможность *безконечнаго* протяженія, т. е. протяженія безъ начала и конца. Затѣмъ, другимъ признакомъ пространства является его *абсолютная однородность;* оно оказывается безразличнымъ къ качественнымъ особенностямъ физическихъ тѣлъ: цвѣту, формѣ и др.; иначе говоря, пространство во всѣхъ частяхъ своихъ представляется намъ абсолютно одинаковымъ. Наконецъ, къ основнымъ свойствамъ пространства относится *абсолютная непрерывность*. Всякій вещественный предметъ мыслится нами состоящимъ изъ безконечнаго множества матеріальныхъ частичекъ, атомовъ, которые могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга различными разстояніями. Что же касается пространства, то оно представляется намъ непрерывнымъ; мы не можемъ вообразить себѣ непространственной среды; всякій воображаемый нами промежутокъ есть для насъ пространство. Всѣ указанныя свойства пространства, а именно, безконечность, абсолютная однородность и абсолютная непрерывность, суть такія свойства, которыя не могутъ быть восприняты изъ чувственнаго опыта; ихъ считаютъ элементами, вытекающими непосредственно изъ требованій на-

шего разума, апріорными. Отсюда и понятіе пространства также считается *апріорнымъ*.

Понятіе времени. Бытіе во времени также составляетъ основное свойство многихъ нашихъ воспріятій. Прежде всего, какъ было выяснено раньше, всѣ состоянія нашего сознанія мыслятся нами продолжающимися и смѣняющимися одно другимъ. Продолжительность и смѣна, т. е. время, составляютъ также свойства предметовъ и явленій и связываются какъ въ воспріятіи, такъ и представленіи съ качественными особенностями ихъ. Но и они, подобно пространству, могутъ быть абстрагированы. Результатомъ отвлеченія является общая идея продолжительности и послѣдовательнаго теченія явленій въ связи съ тремя моментами: прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ. Эта идея и есть *понятіе времени*. Оно, какъ и понятіе пространства, обладаетъ свойствами безконечности, абсолютной однородности и абсолютной непрерывности. Если мы беремъ время, какъ нѣчто цѣлое, недѣлимое, то мы также не можемъ представить себѣ ни его начала, ни конца. Равнымъ образомъ, всѣ моменты времени обладаютъ абсолютно одинаковыми свойствами. Наконецъ, время, какъ и пространство, абсолютно непрерывно; нельзя себѣ представить такого промежутка, который характеризовался бы отсутствіемъ времени. Слѣдовательно, понятіе времени также *апріорно*.

Такимъ образомъ, и пространство и время мы можемъ мыслить безъ всякаго отношенія къ какимъ-бы то ни было вещественнымъ предметамъ. Такое пространство и такое время, которыя мыслятся нами безъ отношенія къ веществу, матеріи, называются *чистымъ пространствомъ* и *чистымъ временемъ*. Таково, напр., пространство, мыслимое въ геометріи, и время, мыслимое въ физикѣ и механикѣ.

Понятіе числа. Воспринимая предметы, мы вмѣстѣ съ воспріятіемъ различныхъ ихъ качествъ воспринимаемъ и

численность самихъ предметовъ. Такъ, напр., при обозрѣніи обстановки комнаты, я вмѣстѣ съ качественными отличіями предметовъ мыслю и о числѣ ихъ; я вижу *одинъ* столъ, *одинъ* диванъ, *два* кресла, *много* стульевъ и т. д. Глядя на домъ, я вижу *одну* крышу, *три* трубы, *много* оконъ и т. д. Такимъ образомъ, съ воспріятіемъ предметовъ связывается представленіе о единичности и множественности. Представленіе это можетъ быть отвлечено, и тогда у насъ получается общая идея о единичности и множественности предметовъ; эта идея и есть *понятіе числа*. Понятіе это мы можемъ мыслить безъ всякаго отношенія къ вещественнымъ предметамъ; его признаютъ также однимъ изъ требованій нашего разума и потому оно *апріорно*.

Понятіе причины. Воспринимая предметы и явленія въ ихъ послѣдовательности, мы мысленно приводимъ ихъ во взаимную связь. Связь эта двоякая: *внѣшняя* и *внутренняя*. Съ одной стороны, она выражается въ томъ, что одно явленіе слѣдуетъ за другимъ. Такъ напр., въ данный моментъ я вижу идущаго человѣка, вслѣдъ за тѣмъ слышу свистъ локомотива, потомъ чувствую боль въ груди и т. д. Съ другой стороны, связь между явленіями выражается въ томъ, что одно явленіе даетъ начало и развитіе другому явленію. При этомъ въ насъ существуетъ увѣренность, что эта связь не случайная, а неизмѣнная и постоянная. Отсюда вытекаетъ общая идея о постояннной, неизмѣнной міровой законности; эта идея и есть *понятіе причины*. Постоянство мірового порядка ничѣмъ не можетъ быть доказано; оно составляетъ внутреннее убѣжденіе каждаго человѣка; слѣдовательно, должно быть признаваемо за непосредственное требованіе разума; оно *апріорно*.

Понятіе субстанціи. При воспріятіи предметовъ и явленій мы замѣчаемъ, что все существующее въ мірѣ представляетъ постоянную, непрерывную смѣну однихъ состояній

другими; иначе говоря, все существующее подчиняется *измѣняемости*. Матеріальные предметы подвергаются тлѣну, измѣненію формъ и состояній; организмы растутъ, развиваются, умираютъ и т. д. Но съ другой стороны, въ насъ живетъ убѣжденіе, что какъ-бы предметы и явленія ни измѣнялись, въ основѣ ихъ лежитъ нѣчто такое, что никогда не измѣняется, постоянно пребываетъ. Такъ напр., какимъ-бы измѣненіямъ ни подвергались вещественные предметы, мы убѣждены въ существованіи того, что мы называемъ *веществомъ* или *матеріей*, первоначальнымъ элементомъ которой признается недѣлимая единица, *атомъ*. Равнымъ образомъ, несмотря на постоянную разнообразную смѣну психическихъ состояній, неизмѣнной основой ихъ мы признаемъ единое, недѣлимое духовное начало, сознаніе. Такое постоянное, неизмѣнное начало, полагаемое въ основу всего существующаго, называется *субстанціей*. Понятіе субстанціи является необходимымъ требованіемъ разума и потому признается *апріорнымъ*.

Значеніе апріорныхъ понятій. Когда мысль наша оперируетъ надъ вещественными предметами, то мы ихъ связываемъ съ идеей пространства; эта связь имѣетъ характеръ необходимости. Мы не можемъ представить себѣ ни одного вещественнаго предмета внѣ пространства. Такую же обязательную силу имѣетъ въ отношеніи многихъ предметовъ и явленій идея времени. Все, что совершается и внутри насъ и внѣ насъ, мы не можемъ мыслить безъ отношенія ко времени. Также тѣсно связана съ представленіями предметовъ и явленій идея числа. Мысля о предметахъ, мы всегда сочетаемъ съ представленіями о нихъ понятіе о единичности и множественности. Представленіе повторяемости явленій также немыслимо безъ понятія числа. Тоже слѣдуетъ сказать о понятіяхъ причины и субстанціи. Понятіе о постоянной міровой законности лежитъ въ основѣ всѣхъ нашихъ знаній. Если-бы мы не имѣли этого понятія, то тогда мы должны

были бы признавать господство случайности, при чемъ невозможно никакое научное построеніе. Равнымъ образомъ, безъ понятія о неизмѣнной, постоянной сущности вещей невозможно никакое познаніе. Нельзя мыслить о какихъ-бы то ни было измѣненіяхъ безъ допущенія, что въ основѣ измѣняемости находится нѣчто постоянное, претерпѣвающее измѣненія. Такимъ образомъ, мы должны остановиться на томъ убѣжденіи, что апріорныя понятія служатъ необходимыми, обязательными условіями мыслимости предметовъ и явленій. а слѣдовательно, *необходимыми условіями познанія;* иначе ихъ называютъ *предпосылками познанія.*

Однако слѣдуетъ сказать, что апріорность высшихъ понятій многими учеными радикально оспаривается. Они считаютъ ихъ, какъ и всѣ другія знанія, происходящими изъ чувственнаго опыта путемъ отвлеченія изъ частныхъ случаевъ дѣйствительности. Подробное разсмотрѣніе вопроса объ апріорныхъ понятіяхъ—дѣло метафизики.

Отдѣлъ II.

Психологія чувства.

Глава XIV.

О чувствахъ вообще.

Понятіе о чувствѣ. Душевныя явленія, входящія въ понятіе чувства; ихъ разнообразіе и сложность. Существенныя свойства, общія всѣмъ чувствамъ: внутреннее движеніе и наличность удовольствія и страданія. Опредѣленіе чувствъ. **Природа чувства и условія его происхожденія.** Неудовлетворительность даннаго опредѣленія чувства; причина ея. Связь чувства: 1) съ другими психическими состояніями и 2) съ физическими процессами. 1. Тѣсная связь чувства съ познавательными процессами. Эмоціональный тонъ ощущеній. Примѣры. Смѣшеніе словъ „чувство“ и „ощущеніе“; причина его. Характеръ связи между чувствомъ и ощущеніемъ. Различныя мнѣнія психологовъ. Доказательство въ пользу самостоятельнаго существованія чувствъ и

ощущеній: недостаточная убѣдительность ихъ. Соображенія въ пользу неразрывной связи между ощущеніемъ и чувствомъ. Связь чувства съ другими познавательными процессами. Примѣры. Качественная опредѣленность чувства въ зависимости отъ познавательныхъ процессовъ. Общія положенія. 2. Взаимная зависимость между чувствами и физическимъ организмомъ. Выраженія чувствъ. Нервные процессы—физіологическая основа чувства. Особенность направленія нервной энергіи при чувствѣ. Различныя объясненія физіологическаго процесса, связаннаго съ состояніемъ чувства: 1) сосудодвигательныя измѣненія и 2) вліяніе головного мозга на сердце чрезъ „nervus vagus“. Отраженіе чувства на дѣятельности сердца, головного мозга и на другихъ органахъ. Теоріи происхожденія чувства. 1) причина чувства—физіологическіе процессы; доказательства и ихъ опроверженіе; 2) чувство—психическое явленіе, а физическія измѣненія—ихъ выраженія. Болѣе точное опредѣленіе чувства. Важность изученія физіолигическихъ основъ происхожденія чувства. **Біологія чувства.** Различіе общихъ органическихъ процессовъ при удовольствіи и при страданіи. Примѣры. Теорія отношенія удовольствія и страданія къ жизнедѣятельности и біологическое значеніе этой теоріи. Подтвержденіе теоріи: 1) вредъ, причиняемый раздраженіемъ, которымъ вызывается страданіе (примѣры); 2) приходорасходованіе нервной энергіи при чувствѣ и отношеніе его къ удовольствію и страданію (примѣры). Біологическое значеніе чувства: чувство—стражъ жизни.

Понятіе о чувствѣ. Въ понятіе чувства, какъ смотритъ на него психологія, входитъ обширная группа душевныхъ явленій, каковы, напр., гнѣвъ, страхъ, радость, печаль, стыдъ, гордость и т. д. Всѣ эти явленія практически каждому хорошо извѣстны. Они отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ и сложностью, начинаясь съ самыхъ простыхъ, каковы, напр., чувства боли, голода, жажды и восходя къ болѣе высокимъ и сложнымъ, какъ, напр. чувство любви къ ближнему. Какъ чисто внутреннія, душевныя состоянія, чувства не поддаются опредѣленію; знакомство съ каждымъ изъ нихъ можетъ быть произведено описательнымъ путемъ. Однако анализъ ихъ приводитъ къ различенію въ нихъ общихъ свойствъ, которыми они отличаются отъ другихъ психическихъ явленій, явленій ума и воли.

Разсматривая какое-либо чувство, мы прежде всего должны отмѣтить, что оно характеризуется нарушеніемъ душевнаго

покоя, внутреннимъ движеніемъ; поэтому чувство называется въ психологіи иначе *волненіемъ*. Проѣзжая, напр., по узкому ущелью, я могу совершенно спокойно смотрѣть на нависшую скалу, получая отъ нея одни лишь зрительныя ощущенія; но къ этимъ зрительнымъ ощущеніямъ можетъ присоединиться душевное состояніе страха отъ сознанія возможности, что скала можетъ обрушиться и кого-нибудь задавить. Состояніе это прежде всего отличается внутреннимъ движеніемъ и составляетъ противоположность спокойному, созерцательному состоянію души. Затѣмъ, анализируя различныя чувства, мы находимъ, однако, что внутреннее движеніе, которымъ сопровождается каждое изъ нихъ, можетъ принимать двоякій характеръ. Такъ напр., страсть, зависть непріятны человѣку, иначе говоря, причиняютъ ему страданіе; наоборотъ, чувства любви, восторга при созерцаніи чего-либо красиваго пріятны для насъ, вызываютъ удовольствіе. Та же самая скала, которая въ одномъ случаѣ вызываетъ въ насъ непріятное чувство страха, въ другомъ случаѣ вызоветъ пріятное чувство удивленія, даже восторга, какъ красивый предметъ природы. Такимъ образомъ, существеннымъ свойствомъ чувства является *наличность удовольствія* или *страданія*. Отсюда подъ чувствомъ вообще мы должны разумѣть душевное возбужденіе, при которомъ мы испытываемъ удовольствіе или страданіе.

Природа чувства и условія его происхожденія. Данное нами опредѣленіе чувства нельзя назвать вполнѣ удовлетворительнымъ; оно не раскрываетъ намъ сущности того психическаго процесса, который мы назвали «душевнымъ возбужденіемъ». Душевнымъ возбужденіемъ сопровождаются и всѣ познавательные процессы; различіе заключается только въ степени возбудимости. При познавательныхъ процессахъ возбудимость эта почти не сознается, тогда какъ при чувствѣ она отличается яркостью и отчетливымъ сознаніемъ. Такимъ образомъ, сдѣланное нами опредѣленіе не даетъ намъ понятія о

природѣ чувства и условіяхъ его происхожденія. Между тѣмъ вопросъ этотъ представляетъ большія трудности. Трудности эти возникаютъ отъ того, что *чувствованія находятся въ тѣсной связи*, въ 1-хъ, *съ другими психическими состояніями*, въ 2-хъ, *съ тѣми физическими процессами, которыми они сопровождаются.*

1. Вслѣдствіе единства сознанія, чувство обнаруживается въ сочетаніи съ другими психическими состояніями, приэтомъ такъ сливаются съ ними, что не всегда возможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга. Такая тѣсная связь прежде всего наблюдается между чувствами и познавательными процессами.

Уже было замѣчено, что ощущенія, кромѣ качественнаго и количественнаго отличія, нерѣдко осложняются чувствомъ, или, какъ говорятъ, имѣютъ *эмоціональный тонъ.* Этотъ эмоціональный тонъ находится въ зависимости, какъ отъ качества ощущенія, такъ и отъ силы его; онъ является особенно характернымъ, какъ мы видѣли, для органическихъ ощущеній. Каждое изъ нихъ, будучи связано съ какимъ-либо органическимъ отправленіемъ, сопровождается либо чувствомъ удовольствія, либо страданія. Голодъ, жажда, головокруженіе, тошнота намъ непріятны; напротивъ того, состоянія сытости, утоленія жажды, бодрости, здоровья соединяются съ чувствомъ удовольствія. Связь съ чувствомъ замѣчается и въ другихъ ощущеніяхъ. Такъ, различнаго рода мышечныя ощущенія, смотря по качеству и силѣ, могутъ быть намъ пріятны или непріятны. Тоже можно сказать и объ ощущеніяхъ внѣшнихъ чувствъ. Ощущеніе сладкаго вкуса обыкновенно намъ пріятно, ощущеніе же горькаго вызываетъ непріятное чувство. Сильный свѣтъ, или сильный звукъ непріятно дѣйствуютъ на сознаніе; тѣ же самыя ощущенія умѣренной силы доставляютъ намъ удовольствіе. Такая тѣсная связь ощущенія съ чувствомъ приводитъ насъ въ обыденной жизни къ смѣшенію этихъ психическихъ состояній, что и вы-

ражается въ смѣшеніи словъ «чувство» и «ощущеніе»; мы ихъ употребляемъ одно вмѣсто другого. Такъ напр., говоря о боли, усталости, голодѣ и т. п., мы употребляемъ двоякое выраженіе: «я чувствую боль, усталость, голодъ», или «я ощущаю боль, усталость, голодъ». Это, конечно, происходитъ оттого, что въ данныхъ состояніяхъ есть элементы и ощущенія и чувства. Эти элементы такъ тѣсно связаны, что мы ихъ въ нашемъ практическомъ сознаніи не раздѣляемъ. Задача психологіи заключается въ опредѣленіи характера этой связи. Здѣсь представляется вопросъ, имѣютъ ли ощущенія и чувства независимое другъ отъ друга существованіе, или же связь ихъ другъ съ другомъ неразрывна?

По мнѣнію однихъ психологовъ, связь между ощущеніями и чувствами не слѣдуетъ считать неразрывной: и тѣ и другія могутъ существовать самостоятельно. Въ доказательство того, что ощущеніе можетъ существовать безъ чувства, обыкновенно приводятъ наблюденія надъ людьми, подвергнутыми дѣйствію одуряющихъ средствъ, холода, гипнотизма. Такъ напр., захлороформированный больной во время производства надъ нимъ операціи, не чувствуя никакой боли, ощущаетъ прикосновеніе хирургическаго инструмента. Загипнотизированные люди утрачиваютъ чувство боли при выдергиваньи зубовъ, сохраняя ощущенія, которыя выражаются въ безболѣзненныхъ толчкахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдаются и обратныя явленія: отсутствіе ощущенія при существованіи чувства. Такъ напр., отъ пересѣченія заднихъ корешковъ спинного мозга утрачиваются осязательныя ощущенія задней части тѣла, но приэтомъ сохраняется чувство боли. Однако доказательства эти нельзя признать убѣдительными. Приведенные факты не могутъ доказать абсолютнаго отсутствія одного изъ элементовъ. Такъ, потеря чувства боли не свидѣтельствуетъ о томъ, что ощущеніе боли не заключаетъ въ себѣ элемента чувства; онъ можетъ быть настолько слабъ,

что мы его не сознаемъ. Съ другой стороны, потеря ощущенія при чувствѣ боли не служитъ доказательствомъ абсолютнаго его отсутствія; оно можетъ заглушаться болевымъ чувствомъ, въ особенности, когда это чувство очень сильно.

Недостаточная убѣдительность приведенныхъ доказательствъ заставляетъ остановиться на томъ положеніи, что между чувствомъ и ощущеніемъ существуетъ неразрывная связь, по которой одно безъ другого существовать не могутъ. Въ пользу такого мнѣнія можно привести слѣдующія соображенія. Болевое чувство отличается разнообразнымъ характеромъ. Такъ напр., чувство боли, которое мы испытываемъ при раздраженіи кожи, очень разнообразно. Боль эта можетъ быть «жгучая», «рѣжущая», «колющая», «давящая» и т. д. Причиною такой разнохарактерности, очевидно, служатъ различнаго рода осязательныя ощущенія, съ которыми соединяется болевое чувство. Эти-то ощущенія и придаютъ чувству ту или иную окраску: безъ нихъ чувство боли существовать не можетъ.

Однако не слѣдуетъ думать, чтобы чувства, какъ состоянія удовольствія или страданія составляли свойства ощущеній. Психическая практика показываетъ, что чувства могутъ быть также связаны и съ другими познавательными процессами: представленіями, понятіями и прочими актами мышленія. Такъ напр., воспоминаніе о теплой комнатѣ во время зимняго путешествія сопровождается пріятнымъ чувствомъ и наоборотъ, воспоминаніе о зимней вьюгѣ, морозѣ, когда мы пребываемъ въ тепломъ помѣщеніи, вызываетъ въ насъ чувство неудовольствія, страданія. Здѣсь очевидна связь чувства съ представленіемъ. Та же связь наблюдается между чувствомъ и другими мыслительными процессами. Легкость пониманія, усвоенія чего-либо вызываетъ въ насъ чувство удовольствія, тогда какъ всякое затрудненіе въ пониманіи сопровождается неудовольствіемъ, страданіемъ. Такимъ же точ-

но образомъ дѣятельность творческаго воображенія и мысли связывается съ удовольствіемъ или страданіемъ. Удачно составленный планъ чего-либо доставляетъ намъ удовольствіе и наоборотъ, неудача возбуждаетъ въ насъ тягостное чувство. Здѣсь, т. е. въ связи чувствъ съ представленіями и мыслительными процессами, обнаруживается таже неразрывность, которая существуетъ въ связи чувствъ съ ощущеніями. Только въ сочетаніи съ познавательными процессами чувство пріобрѣтаетъ качественную опредѣленность. Когда я страдаю отъ потери любимаго человѣка, то это чувство сочетается съ образомъ этого человѣка въ различныхъ его положеніяхъ, съ его отношеніями ко мнѣ, а также съ различнаго рода соображеніями, которыя раскрываютъ важность понесенной мною утраты; все это сообщаетъ чувству тотъ или иной опредѣленный характеръ. Иную окраску получаетъ то же чувство страданія при переживаніи нами какой-либо опасности. Зависитъ это, конечно, отъ тѣхъ познавательныхъ элементовъ, которыми сопровождается это чувство.

Все изложенное приводитъ къ слѣдующимъ положеніямъ: во 1-хъ, *всякое чувство заключаетъ въ себѣ какіе-либо элементы познанія;* во 2-хъ, *познавательные элементы сообщаютъ чувствамъ качественную опредѣленность*. Отсюда слѣдуетъ, что независимыхъ, самостоятельныхъ чувствъ въ дѣйствительной душевной жизни не существуетъ. Если же мы думаемъ о чувствахъ безъ связи и отношенія къ познавательнымъ элементамъ, то въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ идеями чувствъ, которыя получаются путемъ абстракціи.

2. Чувства, какъ и всѣ психическія состоянія, находятся въ связи и взаимной зависимости съ физическимъ организмомъ. Всякое эмоціональное явленіе находитъ отраженіе въ немъ и сопровождается болѣе или менѣе значительными измѣненіями въ физіологическихъ процессахъ, а также характерными внѣшними проявленіями; послѣднія называются *вы-*

раженіями чувствъ. Такъ, подъ вліяніемъ чувства измѣняется дѣятельность сердца, процессъ дыханія; вмѣстѣ съ тѣмъ происходятъ явныя измѣненія въ положеніи и движеніяхъ всего тѣла и частей его, во взглядѣ, голосѣ, цвѣтѣ лица и т. д. Удовольствіе и страданіе отличаются характерными внѣшними признаками: первое—веселымъ взглядомъ, бодрымъ положеніемъ тѣла; второе—унылымъ, мутнымъ взоромъ и общею вялостью. Тѣлесныя проявленія чувствъ бываютъ такъ опредѣленны и типичны, что по нимъ мы безъ особеннаго труда опредѣляемъ характеръ испытываемаго чувства. Ненужно особенной проницательности, чтобы отличить, напр., презрительный взглядъ отъ насмѣшливаго.

Гдѣ же слѣдуетъ искать причины тѣхъ физическихъ измѣненій, которыя наблюдаются въ томъ или иномъ видѣ при всякомъ чувствѣ? Мы уже знаемъ, что физическимъ органомъ, который завѣдуетъ явленіями сознанія, служитъ нервная система, главнымъ образомъ, головной мозгъ. Между тѣмъ тѣсная связь чувства съ познавательными процессами должна убѣждать насъ въ томъ, что физіологическая основа заключается въ тѣхъ же органическихъ процессахъ, которыми сопровождается познавательная дѣятельность. Различіе заключается въ томъ, что при состояніяхъ чувства происходитъ болѣе сильное возбужденіе нервныхъ центровъ, чѣмъ при состояніяхъ познанія. Такое напряженіе нервной энергіи оказываетъ болѣе сильное вліяніе на другія части физическаго организма. Такимъ образомъ, преобладаніе познавательныхъ элементовъ сопровождается сосредоточеніемъ энергіи въ головномъ мозгу, причемъ остальной организмъ сохраняетъ спокойное состояніе; когда же въ психическомъ состояніи преобладающимъ элементомъ является чувство, то происходитъ расходованіе нервной энергіи путемъ воздѣйствія ея на остальной организмъ.

Физіологическій процессъ, связанный съ состояніемъ чувства, разными учеными объясняется различно. По толкованію

однихъ, процессъ этотъ состоитъ въ *сосудо-двигательныхъ измѣненіяхъ*. При возникновеніи чувства сначала происходитъ раздраженіе находящихся въ головномъ мозгу сосудодвигательныхъ центровъ, которые завѣдуютъ кровообращеніемъ. Затѣмъ, раздраженіе это сообщается мускуламъ кровеносныхъ сосудовъ; мускулы эти сокращаются или расширяются; слѣдствіемъ этого является то, что притокъ крови къ извѣстнымъ частямъ тѣла либо задерживается, либо усиливается. Другіе ученые основаніемъ физіологіи чувства считаютъ непосредственное вліяніе головного мозга на сердце посредствомъ особаго нерва, который называется «nervus vagus». Какъ бы то ни было, остается несомнѣннымъ, что всякое состояніе чувства сопровождается измѣненіями въ дѣятельности сердца. Сначала происходитъ остановка, которая при сильномъ душевномъ волненіи можетъ быть смертельною, затѣмъ, послѣ остановки слѣдуетъ болѣе усиленное біеніе сердца. Такимъ образомъ, происходитъ усиленное кровообращеніе, которое въ свою очередь оказываетъ вліяніе на состояніе головного мозга. Извѣстно, что сильное душевное волненіе сопровождается болѣе значительными измѣненіями кровообращенія въ головномъ мозгу сравнительно съ тѣми, которыя замѣчаются при напряженномъ процессѣ мышленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ чувства отражаются и на другихъ органахъ. Такъ напр., при сильной досадѣ происходитъ разстройство въ отправленіяхъ печени; печаль оказываетъ вліяніе на дѣятельность слезныхъ железъ и т. д.

Изслѣдованіе физіологическихъ процессовъ, сопровождающихъ чувства, привело къ различнымъ теоріямъ, объясняющимъ происхожденіе чувствъ. Нѣкоторые ученые утверждаютъ, что источникомъ того, что мы называемъ чувствомъ, служатъ физіологическіе процессы, которые сопровождаютъ собою наши ощущенія и воспріятія. Процессы эти оказываютъ на физическій организмъ широко распространяющее воздѣйствіе. Сознаніе происходящихъ такимъ путемъ тѣлес-

ныхъ возбужденій и есть чувство. Согласно этой теоріи, всѣ физіологическія измѣненія и рефлексы, которые мы считаемъ слѣдствіями чувствъ и называемъ выраженіями ихъ, составляютъ ихъ причины. Въ доказательство этой теоріи приводятся слѣдующія соображенія. Во 1-хъ, существуютъ болѣзненные случаи, когда душевныя волненія вызываются не состояніями познанія, а чисто физическими средствами. Такъ напр., люди, страдающіе сердцебіеніемъ, бываютъ одержимы безотчетнымъ чувствомъ страха, отравленіе мухоморомъ влечетъ за собою припадки безпричиннаго бѣшенства и т. п. Во 2-хъ, если мы постараемся изъ сознанія нами какого-либо чувствованія исключить связанныя съ этимъ чувствованіемъ тѣлесныя проявленія, то отъ него ничего не останется. Если изъ чувства гнѣва удалить связанныя съ нимъ органическія и мышечныя ощущенія усиленнаго сердцебіенія, короткаго дыханія, дрожанія губъ, разслабленія членовъ и т. д., то въ нашемъ сознаніи останется не чувство, а состояніе познавательное. Однако изложенная теорія встрѣчаетъ серьезныя возраженія. Во 1-хъ, она расходится съ данными самонаблюденія. Во многихъ случаяхъ чувства въ нашемъ сознаніи являются съ такимъ качественнымъ отличіемъ, которое не даетъ возможности отождествить ихъ съ сопутствующими органическими и мышечными ощущеніями. Такъ напр., ощущенія слезъ, рыданій, задержки сердцебіенія, тоски подъ ложечкой не тождественны въ нашемъ сознаніи съ тѣмъ, что мы называемъ печалью. Во 2-хъ, болѣзненныя проявленія чувствъ, вызываемыя физическими средствами, должны быть объяснимы измѣненіемъ всего содержанія сознанія подъ вліяніемъ ненормальнаго состоянія всего организма, а въ частности нервной системы. Болѣзненное состояніе влечетъ за собою измѣненіе въ сферѣ ощущеній, представленій и идей, что и вліяетъ на чувство. Наконецъ, теорія не можетъ быть подтверждена экспериментальными изслѣдованіями. Для полнаго доказатель-

ства ея необходимо произвести наблюденіе надъ человѣкомъ анеститичнымъ, т. е. неспособнымъ къ воспріятію ощущеній. Если бы отсутствіе ощущеній сопровождалось отсутствіемъ и чувствъ, то тогда теорія была бы доказана. Между тѣмъ подобнаго рода наблюденія, за отсутствіемъ подходящихъ случаевъ, неосуществимы.

Наиболѣе истиннымъ представляется мнѣніе, по которому чувствованія по своему происхожденію признаются психическими явленіями, что же касается ихъ отношенія къ органическимъ состояніямъ, то оно сводится не къ тождеству ихъ, а къ взаимной зависимости, которая доходитъ до нераздѣлимаго единства. Тѣлесныя же измѣненія, происходящія при чувствахъ, должны быть признаваемы не причинами ихъ, а только выраженіями. Такимъ образомъ, болѣе точное опредѣленіе чувства можетъ быть выражено такъ: *чувство есть психофизическое возбужденіе, вызываемое сочетаніемъ познавательныхъ элементовъ съ удовольствіемъ* или *страданіемъ*.

Изученіе физіологическихъ основъ происхожденія чувства имѣетъ очень важное психологическое значеніе. Во 1-хъ, оно приводитъ къ слѣдующимъ важнымъ результатамъ; оно раскрываетъ намъ существованіе общихъ физическихъ основаній или корней для всѣхъ неисчерпаемыхъ по разнообразію чувствъ; такимъ образомъ, устанавливается единство ихъ происхожденія. Во 2-хъ, оно выражетъ намъ біологическое значеніе чувства, т. е. значеніе его для нашего существованія.

Біологія чувства. Мы уже знаемъ, что всякое чувство сопровождается физіологическими процессами, происходящими какъ въ организмѣ вообще, такъ и въ нервой системѣ въ частности. Въ отношеніи общихъ органическихъ процессовъ замѣчено слѣдующее: процессы эти, смотря по тому, испытываемъ ли мы чувство, связанное съ удовольствіемъ или страданіемъ, неодинаковы и даже отличаются противоположностью. Такъ, чувства, связанныя съ удоволь-

ствіемъ, сопровождаются общимъ подъемомъ жизненнаго процесса; напротивъ того, при страданіи замѣчается его ослабленіе, упадокъ. Когда, напр., человѣкъ радуется, то процессъ дыханія у него свободенъ и легокъ, кровеносные сосуды расширяются, сердце бьется сильнѣе и учащеннѣе, мускулатура напряжена; приэтомъ, обнаруживается стремленіе къ дѣятельности. Радующійся человѣкъ становится подвижнымъ, словоохотливымъ; словомъ, организмъ его находится въ состояніи здороваго возбужденія. Иную картину представляетъ человѣкъ, испытывающій печаль. Дыханіе затруднено и тяжко, кровеносные сосуды спазматически сжаты, біеніе сердца ослабленное и замедленное, мускулатура разслаблена, вяла и отличается неподвижностью. Движенія человѣка, одержимаго печалью, медленны, ходитъ онъ, еле двигая ногами, согнувшись и понуря голову; вообще, организмъ его испытываетъ подавленное, угнетенное состояніе. Тѣ же самыя органическія явленія наблюдаются и при всѣхъ другихъ чувствахъ. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что удовольствіе сопровождается подъемомъ жизнедѣятельности, а страданіе упадкомъ. На этомъ основаніи нѣмецкій философъ Кантъ раздѣлилъ всѣ чувства на два класса: чувства *стеническія* или *возбуждающія* и чувства *астеническія* или *разслабляющія*. Первыя повышаютъ дѣятельность организма, вторыя дѣйствуютъ на него угнетающимъ образомъ.

На этихъ данныхъ основывается старая, но не утратившая и въ настоящее время своего значенія теорія, по которой чувство удовольствія связано съ естественной и нормальной жизнедѣятельностью, а чувство страданія—съ уклоненіемъ отъ таковой. Слѣдствіемъ этого является убѣжденіе, что пріятное въ большинствѣ случаевъ полезно для организма, тогда какъ непріятное вредно. Положеніе это имѣетъ важное біологическое значеніе; въ немъ мы находимъ объясненіе, почему все живущее обнаруживаетъ стремленіе къ удоволь-

ствіямъ и избѣгаетъ страданій: удовольствія своею полезностью обезпечиваютъ существованіе, вредъ же, причиняемый страданіями, угрожаетъ ему. Въ этомъ находитъ себѣ осуществленіе біологическій законъ сохраненія жизни.

Теорія эта находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что раздраженія, вызывающія въ насъ неудовольствіе или страданіе, вмѣстѣ съ тѣмъ причиняютъ вредъ. При боли, происходящей отъ удара или пораненія, вредъ этотъ очевиденъ. То же самое наблюдается при сильныхъ чувственныхъ раздраженіяхъ. Непосредственое дѣйствіе на глазъ солнечныхъ лучей вредно. Слишкомъ сильные звуки вмѣстѣ съ чувствомъ страданія причиняютъ вредъ слуховому аппарату. Какъ извѣстно, горькія вещества дѣйствуютъ разлагающимъ образомъ на органическую ткань и т. д. Указанная теорія подтверждается также и физіологическими процессами, которые происходятъ въ нервной системѣ въ связи съ удовольствіемъ или страданіемъ. Мы уже знаемъ, что всякое психическое явленіе связывается съ нервнымъ возбужденіемъ, которое влечетъ за собою расходованіе нервнаго вещества, иначе говоря, нервной энергіи, которая силою извѣстныхъ условій снова пополняется. Этотъ процессъ приходорасходованія нервной энергіи несомнѣнно происходитъ и при всякаго рода чувствованіяхъ и находится въ тѣсной связи съ удовольствіемъ и страданіемъ. Обратимся къ примѣрамъ. Утромъ, послѣ ночного отдыха, когда нервная энергія возстановлена, всякій человѣкъ, при здоровомъ состояніи организма, чувствуетъ потребность въ мышечной дѣятельности; всѣ движенія его свободны, энергичны и сопровождаются чувствомъ удовольствія; задержаніе въ проявленіи мышечной дѣятельности влечетъ за собою чувство неудовлетворенности, а слѣдовательно, страданія. Напротивъ того, вечеромъ, когда нервная энергія достаточно израсходована, организмъ требуетъ покойнаго состоянія; движенія являются принудительными и сопровождаются чувствомъ не-

удовольствія и даже страданія. Вспомнимъ, напр., случаи, когда намъ приходилось осматривать какія-нибудь достопримѣчательности, картинныя галлереи, музеи и т. п. При началѣ осмотра, когда нервная энергія еще не израсходована, мы внимательно разсматриваемъ всѣ предметы, испытывая приэтомъ чувство живѣйшаго удовольствія. Всякая помѣха или препятствіе къ воспріятіямъ возбуждаетъ въ насъ чувство неудовольствія. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ нервная энергія расходуется, чувствуется общая усталость, вниманіе ослабѣваетъ, и тогда удовольствіе переходитъ въ неудовольствіе, которое, при усиліи съ нашей стороны продлить осмотръ, переходитъ въ болѣе рѣзкія формы страданія. Изъ данныхъ примѣровъ можно сдѣлать слѣдующій выводъ. Состоянія удовольствія и страданія находятся въ зависимости отъ количественнаго содержанія нервной энергіи. Зависимость эта можетъ быть выражена такимъ образомъ: умѣренное расходованіе нервной энергіи связано съ удовольствіемъ, а неумѣренное — со страданіемъ. Этимъ положеніемъ опредѣляется біологическое значеніе чувства. Оно въ основныхъ своихъ элементахъ удовольствія и страданія является регуляторомъ, обезпечивающимъ наше земное существованіе. По выраженію проф. Сикорскаго, «чувство—стражъ жизни, подающій непрерывный рядъ вѣстей о наступающихъ опасностяхъ, или, наоборотъ, о безопасности и грядущемъ благополучіи и счастіи».

Глава XXV.

Свойства чувствъ. Классификація чувствъ. Чувства низшія и высшія.

Общія свойства чувствъ. 1. *Длительность.* Продолжительность чувства по сравненію съ познавательными актами. Примѣры. Физіологическое условіе длительности чувства. 2. *Относительность.* Зависи-

мость удовольствія и страданія отъ предшествующаго имъ состоянія сознанія. Примѣры. Физіологическое объясненіе относительности чувствъ. Слѣдствіе относительности чувствъ: ослабленіе силы ихъ. Примѣры. Ограниченіе этого свойства при общемъ развитіи чувства. 3. *Репродуктивность.* Какъ нужно понимать воспроизведеніе чувствъ? Возможность вторичнаго переживанія чувствъ. Примѣры. Отличіе воспроизведеннаго чувства отъ первоначальнаго. Особенности репродукціи чувствъ: 1) участіе элементовъ познанія и 2) сравнительная медленность воспроизведенія. **Классификація чувствъ.** Трудность научнаго классифицированія чувствъ. Причины. Отрицаніе необходимости классификаціи чувствъ. Различныя попытки классифицированія чувствъ. 1) *Дѣленіе чувствъ на пріятныя и непріятныя.* Неудобство такого дѣленія. 2. *Чувства формальныя и предметныя.* Неопредѣленность и запутанность этого дѣленія. 3. *Дѣленіе чувствъ на низшія и высшія.* Основаніе этого дѣленія и его естественность. **Физическія чувства.** Понятіе физическихъ чувствъ. Чувство жизни и его свойства. Чувства, связанныя съ мускульно-осязательными ощущеніями. Чувства, связанныя съ другими внѣшними ощущеніями. Градація физическихъ чувствъ и связь ихъ съ высшими чувствованіями. **Эмоція.** Происхожденіе и развитіе эмоцій. Значеніе низшихъ чувствъ въ развитіи высшихъ. Доказательство (языкъ, развитіе дѣтской души, наблюденія надъ взрослыми людьми и тождественность физіологическихъ процессовъ).

Общія свойства чувствъ. Къ общимъ свойствамъ чувствъ слѣдуетъ отнести: 1) длительность, 2) относительность и 3) репродуктивность.

1. Наиболѣе отличительной чертой чувствъ, сравнительно съ познаніемъ и волею, является ихъ *длительность.* Въ то время какъ продолжительность познавательныхъ актовъ отличается краткостью, которая измѣряется долями секунды, длительность чувствъ измѣряется многими секундами, а иногда и минутами. Сравнительная длительность чувствъ обнаруживается, какъ въ процессѣ возникновенія ихъ, такъ и въ развитіи ихъ. Это свойство подтверждается психометрическими опытами. Такъ напр., между осязательнымъ ощущеніемъ и чувствомъ боли, при ударѣ палкою о мозоль, проходитъ время до двухъ секундъ. Подобное явленіе замѣчено также при вздрагиваніи отъ какого-либо внезапнаго звука; между моментомъ раздраженія и содрагательнымъ движеніемъ проходитъ время, доступное измѣренію. Психологъ Геффдингъ разсказываетъ о себѣ слѣ-

дующее. Когда однажды, заложивъ руку за спину, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ и дотронулся до горячей печи, не думая, что она такъ близко, то совершенно отчетливо получилъ тогда осязательное ощущеніе *раньше* боли. Сравнительная продолжительность возникновенія чувствъ находитъ себѣ объясненіе въ физіологическомъ условіи, которое лежитъ въ основѣ ихъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ болѣе продолжительной и сложной реакціей организма, назначеніе которой состоитъ въ опредѣленіи жизненнаго качества того или другого внѣшняго воздѣйствія. Этимъ объясняется и сравнительная продолжительность въ развитіи чувствъ.

2. Мы знаемъ, что сила ощущенія сознается нами лишь по сравненію съ другимъ однороднымъ ощущеніемъ, которое одновременно съ нимъ или предшествуетъ ему. Этому закону *относительности* подчиняются, и даже въ большей мѣрѣ, и чувства. Наблюденія давно показали, что чувства удовольствія и страданія зависятъ не столько отъ свойствъ внѣшнихъ впечатлѣній, сколько отъ отношенія къ предшествовавшему состоянію сознанія. Если это состояніе заключало въ себѣ элементъ удовольствія, то впечатлѣніе, вызывающее собою удовольствіе, не сознается съ такою силою, какъ если бы оно слѣдовало послѣ страданія, и наоборотъ. Тотъ или иной звукъ бываетъ пріятенъ намъ не столько самъ по себѣ, сколько по своему положенію въ музыкальной фразѣ. Извѣстные цвѣта съ большею рельефностью вызываютъ въ насъ пріятное или непріятное чувство, когда они сочетаются съ другими цвѣтами, или слѣдуютъ за ними. То же можно сказать и о болѣе высокихъ чувствахъ. Чувство радости гораздо сильнѣе при предшествующемъ состояніи неблагополучія; равнымъ образомъ, чувство стыда за совершенный поступокъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе къ нему подготовленъ человѣкъ. Даже прекращеніе удовольствія сознается нами, какъ страданіе, а прекращеніе страданія—какъ удовольствіе. Такъ, окончаніе интереснаго для насъ театральнаго представ-

ленія очень часто вызываетъ въ насъ непріятное чувство неудовлетворенности и досады. Прекращеніе физической боли сопровождается явно переживаемымъ чувствомъ удовольствія. Неожиданность перехода отъ одной противоположности къ другой усиливаетъ послѣднюю. Относительность чувствованій имѣетъ для себя и физіологическое объясненіе. Она находится въ зависимости отъ организаціи нервной системы. Мы уже знаемъ что количество энергіи нервныхъ органовъ у каждаго человѣка ограничено; при этомъ нервная энергія расходуется. Если она какимъ-либо актомъ въ достаточной мѣрѣ израсходована, то органы требуютъ покоя, или же возбужденія въ иномъ направленіи.

Естественнымъ слѣдствіемъ закона относительности примѣнительно къ чувствамъ служитъ то явленіе, что чрезъ повтореніе ослабляется свѣжесть и сила чувства. Непрерывныя удовольствія, равно какъ и непрерывныя страданія ослабляютъ и даже притупляютъ силу ихъ. Однообразная, разсѣянная жизнь среди развлеченій рано или поздно перестаетъ возбуждать пріятное чувство; оно смѣняется равнодушіемъ и апатіей. Равнымъ образомъ, продолжительность страданій притупляетъ силу ихъ. Постоянное пребываніе человѣка среди опасностей дѣлаетъ его нечувствительнымъ къ страху. Однако слѣдуетъ замѣтить, что указанное свойство касается лишь отдѣльныхъ моментовъ нашей жизни; въ общемъ же развитіи того или другого чувства замѣчается обратное. Такъ напр., то же самое чувство страха отъ частаго повторенія укрѣпляется настолько, что переходитъ въ постоянное настроеніе боязливости и можетъ стать характерною особенностью индивидуума. Болѣе высокія чувства, каковы, напр., любовь, уваженіе, религіозное чувство отъ повторенія становятся глубже и прочнѣе. Здѣсь можно привести слова нѣмецкаго поэта Гете: что человѣкъ теряетъ въ наслажденіи, то онъ выигрываетъ во внутреннемъ ростѣ.

3. Къ числу общихъ свойствъ чувствованій слѣдуетъ от-

нести также ихъ *репродуктивность*. Прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ, могутъ ли чувства воспроизводиться, во избѣжаніе недоразумѣнія, необходимо выяснить, что нужно понимать подъ воспроизведеніемъ чувства. Мы можемъ вспоминать чувство въ видѣ умственнаго факта, какъ представленіе, не переживая тѣхъ психофизическихъ явленій, въ которыхъ оно проявлялось; но чувство можетъ возобновляться въ формѣ вторичнаго переживанія со всѣми реальными признаками его. Конечно, подъ воспроизведеніемъ чувствъ слѣдуетъ разумѣть второй случай. Наблюденія показываютъ, что и въ такомъ смыслѣ чувства могутъ возобновляться, воспроизводиться. Каждый можетъ вспомнить не мало случаевъ изъ своей жизни, когда при воспоминаніи о какомъ-либо событіи онъ вмѣстѣ съ тѣмъ переживалъ и тѣ чувства, которыя были вызваны этимъ событіемъ. Тогда даже умышленно сознательнымъ воспроизведеніемъ событія можно воспроизвести и сопровождавшее его чувство. Положимъ, мнѣ пріятно было свиданіе съ какимъ-либо лицомъ; я могу путемъ воспроизведенія внѣшнихъ обстоятельствъ этого событія вызвать и пережитое чувство. Равнымъ образомъ, при воспроизведеніи слышанной мною музыкальной пьесы, можетъ быть воспроизведено то чувство эстетическаго наслажденія, которое я во время слушанія испытывалъ. Что касается силы и живости воспроизведеннаго чувства, то здѣсь повторяется, и даже въ большей степени, то же самое, что и при воспроизведеніи ощущеній. Воспроизведенныя чувства всегда слабѣе, чѣмъ первоначальныя. Какъ сильныя удовольствія, такъ и мучительныя страданія при воспоминаніи теряютъ свою остроту, силу и свѣжесть. Печаль, вызванная воспоминаніемъ объ утратѣ дорогого человѣка, всегда слабѣе печали, пережитой при утратѣ; въ ней нѣтъ той остроты и горечи. Приэтомъ слѣдуетъ указать на нѣкоторыя особенности, которыми сопровождается репродукція чувствъ. Во 1-хъ, чувства воспроизводятся посредствомъ по-

знавательныхъ элементовъ, съ которыми они первоначально были связаны и въ соединеніи съ которыми составляли извѣстное состояніе сознанія. Чѣмъ менѣе въ пережитомъ психическомъ состояніи принимали участіе элементы познанія, тѣмъ съ бо̀льшимъ трудомъ воспроизводится чувство. Такъ, чувства, связанныя съ органическими отправленіями, воспроизводятся труднѣе, чѣмъ тѣ, которыя связаны съ представленіями и съ актами мышленія. Воспроизведеніе непріятнаго чувства боли, усталости, недомоганія и т. п. представляется дѣломъ болѣе труднымъ, чѣмъ воспроизведеніе страха, печали въ связи съ событіями, нѣкогда ихъ вызвавшими. Во 2-хъ, процессъ воспроизведенія чувствъ совершается медленнѣе, чѣмъ ощущеній. Мы можемъ съ достаточною быстротою вызвать событіе со всѣми его подробностями: чувство же, связанное съ нимъ, воспроизводится позднѣе. Особенность эта находитъ себѣ объясненіе въ физіологическихъ процессахъ, которыми обусловливается вообще медленное движеніе чувствъ.

Классификація чувствъ. Научное изученіе чувствъ, какъ и всякаго рода явленій, требуетъ извѣстнаго порядка, системы. Систематическое же изслѣдованіе явленій осуществляется посредствомъ классификаціи ихъ. Между тѣмъ классифицированіе чувствъ представляетъ большія трудности. Затрудненія эти возникаютъ, во 1-хъ, отъ разнообразія и неопредѣленности воззрѣній на самую природу и основу чувствованій. Въ классификаціи вообще рѣшающее значеніе имѣетъ выборъ естественнаго основанія, вытекающаго изъ сущности классифицируемыхъ явленій. Когда же такого основанія нѣтъ, или оно является спорнымъ, то классификація принимаетъ произвольный, искусственный характеръ. Во 2-хъ, затрудненія зависятъ отъ чрезвычайнаго разнообразія чувствъ и ихъ сложности. Наконецъ, причиною ихъ служитъ также неточность словесныхъ выраженій, которыми мы пользуемся для обозначенія того или другого чувства. Слова, которыми

мы обозначаемъ чувства, имѣютъ характеръ случайности; часто одно и то же слово служитъ для выраженія различныхъ понятій, что производитъ путаницу. Такъ напр., слово «любовь», выражаетъ чувство симпатіи къ лицу; съ другой стороны, этимъ словомъ мы часто обозначаемъ разнообразныя чувства, въ основѣ которыхъ лежитъ удовольствіе; имъ выражаемъ мы пріятное чувство, получаемое отъ вкуснаго блюда, отъ музыки, отъ катанія на велосипедѣ, отъ созерцанія природы и т. д. Основываясь на данныхъ соображеніяхъ, нѣкоторые психологи уклоняются отъ классификаціи чувствъ, сосредоточивая свое вниманіе на изслѣдованіи общихъ причинъ и условій происхожденія и развитія ихъ. По ихъ мнѣнію, классификація чувствъ можетъ быть допущена, какъ вспомогательное средство, которое можетъ облегчить изученіе столь разнообразнаго матеріала. Между тѣмъ въ психологіи съ древнѣйшихъ временъ существуютъ разнообразныя попытки классифицированія чувствъ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

1. Нѣкоторые психологи наилучшимъ основаніемъ классификаціи чувствъ считали общій ихъ признакъ удовольствія или страданія, а потому дѣлили чувства на два класса, на *пріятныя* и *непріятныя*. Но такая, повидимому, естественная классификація представляетъ весьма существенное неудобство. Анализъ чувствъ показываетъ, что многія изъ нихъ носятъ смѣшанный характеръ, т. е. заключаютъ въ себѣ какъ состояніе удовольствія, такъ и неудовольствія. Къ такимъ чувствамъ принадлежитъ, напр., чувство гнѣва. Поэтому отнесеніе этого чувства къ тому или иному классу представляется затруднительнымъ.

2. Другіе психологи раздѣляютъ чувства на *формальныя* и *предметныя* или *качественныя*. Формальными чувствами они называютъ тѣ чувства, которыя являются результатомъ смѣны и взаимодѣйствія различныхъ психическихъ состояній независимо отъ качественнаго содержанія этихъ состояній. Въ

формальныхъ чувствахъ отражается весь строй и общій характеръ психической жизни. Къ нимъ относятся чувства *дѣятельности, скуки, свободы, стѣсненія, сомнѣнія* и др. Подъ предметными чувствами разумѣются тѣ, которыя находятся въ связи съ содержаніемъ познавательныхъ элементовъ (воспріятій, представленій); послѣдніе даютъ имъ опредѣленную качественную окраску. Къ нимъ принадлежатъ чувства *симпатіи, антипатіи, гнѣва, страха* и др. Дѣленіе чувствъ на формальныя и предметныя страдаетъ неопредѣленностью и запутанностью. Нерѣдки случаи затрудненія, къ какому классу должно быть отнесено то или другое чувство Поэтому классификація эта многими психологами отвергнута.

3. Наиболѣе естественною является та классификація чувствъ, въ основаніи которой лежитъ связь чувствъ съ тѣми или иными познавательными элементами. Мы уже знаемъ, что познавательные элементы даютъ чувствамъ ту или иную окраску, которой и опредѣляется качественное ихъ различіе. Такъ, если мы разсмотримъ, напр., чувство головной боли, то найдемъ, что оно находится въ связи съ органическимъ ощущеніемъ, которое съ опредѣленностью локализируется въ извѣстной части тѣла. Это чувство мы не можемъ смѣшать, напр., съ чувствомъ страха, которое связывается съ иными познавательными элементами воспріятіями и представленіями различныхъ предметовъ. Инымъ характеромъ отличается, напр. чувство эстетическое, обусловливаемое представленіями красоты и общимъ понятіемъ человѣка о прекрасномъ. Принимая во вниманіе различіе познавательныхъ элементовъ, связанныхъ съ чувствами, послѣднія можно раздѣлить на два обширныхъ класса: чувства, связанныя съ ощущеніями; ихъ можно назвать *низшими* или *физическими;* чувства, связанныя съ представленіями и другими познавательными элементами—*высшія чувства;* они носятъ также названіе *эмоцій*.

Физическія чувства. Мы уже знаемъ, что всякое

ощущеніе можетъ обладать въ большей или меньшей степени эмоціональнымъ тономъ. Всѣ тѣ чувства, которыя связаны съ различнаго рода ощущеніями и называются *физическими* или *низшими чувствами*. Сюда относятся прежде всего чувства, возникающія въ связи съ органическими ощущеніями. Таковы напр., чувства голода, жажды, утомленія, бодрости, силы, слабости, здоровья, нездоровья и мн. др. Всѣ эти названія намъ уже знакомы, такъ какъ ими мы обозначали различнаго рода ощущенія. Здѣсь приходится повторить, что такое словесное отождествленіе чувствъ съ ощущеніями указываетъ на ихъ тѣсную связь и нераздѣлимость. Иначе говоря, они представляютъ двѣ стороны одного и того же явленія, которое въ однихъ случаяхъ возникаетъ съ преобладаніемъ познавательнаго элемента—ощущенія, въ другихъ же—съ преобладаніемъ эмоціональнаго элемента—чувства. Чувства, связанныя съ органическими ощущеніями, какъ и эти ощущенія, лишены ясной локализаціи и въ отдѣльности оказываются настолько слабыми, что мы ихъ не замѣчаемъ. Они представляются какъ-бы разлитыми во всемъ организмѣ и сознаются нами въ сложномъ видѣ общаго чувства, которое мы называемъ *чувствомъ жизни*. Чувство жизни, не обладая качественной опредѣленностью, находится въ тѣсной связи съ общимъ ходомъ жизненнаго процесса. то легкимъ и свободнымъ, то затрудненнымъ и тяжелымъ. Поэтому оно можетъ быть охарактеризовано общими чертами: съ одной стороны, чувствомъ свободы, увѣренности и силы, а съ другой—, чувствомъ стѣсненія, безпокойства и слабости.

По качественной неопредѣленности къ общему чувству тѣсно примыкаютъ чувства, связанныя съ ощущеніями двигательными и осязательными. Однако при умѣренной силѣ ощущеній, чувства эти представляютъ нѣкоторую, болѣе опредѣленную качественную самостоятельность. Таково, напр., чувство удовольствія, которое мы испытываемъ при прикосно-

вепіи къ гладкимъ и мягкимъ предметамъ, и неудовольствія отъ прикосновенія къ чему-либо жесткому и твердому. Особымъ чувствомъ удовольствія сопровождаются также двигательныя ощущенія, получаемыя при гимнастическихъ упражненіяхъ, танцахъ, верховой ѣздѣ и т. п.

Наибольшею качественною опредѣленностью отличаются чувства, связанныя съ вкусовыми и обонятельными ощущеніями. Такъ, различныя вкусовыя вещества, кромѣ того, что даютъ намъ опредѣленныя ощущенія горькаго, сладкаго, кислаго, соленаго и др., являются и возбудителями также достаточно опредѣленныхъ физическихъ чувствъ, которыя находятъ себѣ соотвѣтствующія словесныя выраженія: вкусъ «пріятный», «отвратительный», «приторный» и др. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о чувствахъ, связанныхъ съ обонятельными ощущеніями. Послѣднія могутъ даже быть источникомъ эстетическаго удовольствія.

Наиболѣе самостоятельнымъ характеромъ отличаются ощущенія зрѣнія и слуха. Въ большинствѣ случаевъ они возникаютъ въ нашемъ сознаніи безъ замѣтной связи съ чувствомъ. Однако анализъ обнаруживаетъ и въ нихъ присутствіе эмоціональнаго тона. Такъ, эмоціональность зрительныхъ ощущеній сказывается прежде всего въ отношеніи нашего сознанія къ свѣту и мраку. Свѣтъ, возбуждая зрительный органъ къ дѣятельности, вызываетъ чувство удовольствія: мракъ же, являясь затрудненіемъ этой дѣятельности, раждаетъ неудовольствіе. Нечего говорить о томъ, что сильный свѣтъ своимъ вредоноснымъ дѣйствіемъ на глазъ, возбуждаетъ болѣе сильное чувство неудовольствія, страданія. Наиболѣе тонкое проявленіе чувства въ связи съ зрительными ощущеніями обнаруживается при дѣйствіи различныхъ цвѣтовъ. Замѣчено, что различные цвѣта спектра способны вызывать и различныя чувства. Одни изъ нихъ дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ, побуждая къ дѣятельности и движенію: напротивъ

того, другіе оказываютъ подавляющее, задерживающее дѣйствіе. Типическимъ представителемъ перваго рода является желтый цвѣтъ, а второго рода—синій. Переходнымъ цвѣтомъ отъ перваго рода ко второму служитъ зеленый цвѣтъ; онъ вызываетъ чувство непоколебимаго спокойствія. Красный цвѣтъ близко стоитъ къ желтому, отличаясь отъ него бо́льшимъ безпокойствомъ возбуждаемаго чувства.

Въ области слуха аналогичное дѣйствію свѣта и мрака представляетъ дѣйствіе звука и тишины. Звукъ, возбуждая дѣятельность слухового органа, является естественнымъ источникомъ удовольствія, тогда какъ полная тишина оказываетъ на насъ подавляющее дѣйствіе. Что касается дѣйствія на чувство звуковъ различной высоты, то здѣсь также, какъ и въ отношеніи цвѣтовъ, замѣчена противоположность между высокими и низкими тонами. Такъ, высокіе дѣйствуютъ на насъ веселящимъ и возбуждающимъ образомъ; глубокіе, напротивъ, подавляютъ и приводятъ въ тоскливое состояніе. Особенно пріятное чувство, сглаживающее крайности тѣхъ и другихъ, возбуждается звуками средней высоты.

Вообще относительно чувствъ, связанныхъ съ непосредственными чувственными ощущеніями, слѣдуетъ сказать, что они представляютъ постепенный рядъ ступеней, который начинается чувствомъ жизни и заключается наиболѣе опредѣленными по качеству чувствами, связанными съ ощущеніями высшихъ внѣшнихъ чувствъ. Эта градація обозначаетъ естественный ходъ развитія низшихъ, физическихъ чувствъ. Такимъ образомъ, являясь въ основаніи своемъ выраженіемъ общаго рода жизненнаго процесса, чувства эти поднимаются на высоту такихъ формъ, которыя приходятъ въ связь съ чувствами высшаго порядка.

Высшія чувства или эмоціи. Подъ высшими чувствами или эмоціями, какъ сказано было выше, разумѣются всѣ тѣ чувства, которыя возникаютъ въ связи съ представле-

ніями и другими познавательными элементами. Что касается происхожденія и развитія эмоцій, то въ этомъ отношеніи современная психологія въ лицѣ наиболѣе авторитетныхъ своихъ представителей установила тотъ фактъ, что эмоціи находятся въ тѣсной органической связи съ низшими, физическими чувствами. Фактъ этотъ находитъ себѣ объясненіе въ общей связи и взаимодѣйствіи психическихъ состояній съ явленіями физическими. Подобно тому, какъ въ области познанія понятія посредствомъ своихъ замѣстителей—чувственныхъ представленій — сохраняютъ связь съ ощущеніями, такимъ же образомъ высшія чувства находятся въ связи съ физическими чувствами. Послѣднія являются для нихъ органической основой, на которой они возникаютъ и развиваются. Эта связь находитъ себѣ выраженіе въ языкѣ. Такъ, любовь мы называемъ часто «горячей», заботу «тяжелой» или «подавляющей», раскаяніе «грызущимъ» и т. п. Хотя это образныя выраженія, употребляемыя въ переносномъ значеніи, однако происхожденіе ихъ имѣетъ психологическое основаніе: они опредѣляютъ извѣстное отношеніе, которое существуетъ между физическимъ чувствомъ и чувствомъ духовнымъ. Указанная связь между высшими и физическими чувствами особенно явно замѣчается въ развитіи дѣтской души. Такъ, ранній періодъ дѣтства отмѣчается существованіемъ элементарныхъ чувствъ, связанныхъ съ чисто физической жизнью, ребенокъ чувствуетъ жажду, голодъ, физическую боль и общее неудовольствіе; что же касается такихъ чувствъ, какъ страхъ, удивленіе, гнѣвъ, привязанность, симпатія, то они совершенно ему чужды. Затѣмъ постепенно изъ простѣйшихъ физическихъ чувствъ возникаютъ болѣе сложныя сначала физическія, а затѣмъ и высшія чувства. Такъ, съ извѣстнаго возраста въ связи съ физическими чувствами наблюдаются проявленія эмоціональной жизни. У ребенка, при крикѣ на него, появляются явные признаки страха; при невкусной пищѣ, напр.,

холодномъ молокѣ.—выраженіе гнѣва: при видѣ лица матери —улыбка радости и т. п. Указанная связь между эмоціями и физическими чувствами наблюдается у взрослыхъ людей, въ особенности, когда чувство особенно сильно. Такъ, всякое чрезмѣрно сильное чувство сопровождается физическою болью, которая либо распространяется по различнымъ частямъ тѣла, либо локализируется въ одномъ какомъ-либо органѣ. Наконецъ, тѣсная связь высшихъ чувствъ съ низшими находитъ себѣ подтвержденіе въ тождественности физіологическихъ процессовъ, которыми они сопровождаются.

Глава XXVI.

Индивидуальныя и соціальныя чувства.

Общія свѣдѣнія. Дѣленіе чувствъ съ біологической точки зрѣнія. Понятіе о чувствахъ индивидуальныхъ и соціальныхъ. Смѣшанныя чувства. **Индивидуальныя чувства.** Законъ сохраненія жизни, какъ основаніе индивидуальныхъ чувствъ. Обозрѣніе типическихъ индивидуальныхъ чувствъ. 1 *Чувство страха.* Его примитивность. Внѣшнія выраженія страха Вліяніе страха на организмъ Различныя формы страха. опасеніе, ужасъ. 2. *Чувство гнѣва.* Моменты въ развитіи этого чувства. Гнѣвъ—чувство смѣшанное. Внѣшнія выраженія гнѣва Различныя формы гнѣва: ярость, негодованіе, ненависть. Біологическое значеніе чувства гнѣва. 3. *Чувство силы.* Происхожденіе этого чувства. Формы проявленія его: чувство силы и чувство безсилія. Отношеніе этихъ чувствъ къ физическимъ чувствамъ силы и усталости. Внѣшнія выраженія ихъ. Осложненіе ихъ другими элементами. Біологическое значеніе чувства силы. **Связь индивидуальныхъ чувствъ съ соціальными.** Осложненіе индивидуальныхъ чувствъ соціальными и причина этого явленія **Соціальныя чувства.** Симпатія, какъ общій элементъ соціальныхъ чувствъ Происхожденіе чувства симпатіи. Различныя степени обнаруженія симпатическаго чувства. **Зависимость чувства симпатіи отъ опыта.** Значеніе личнаго опыта въ развитіи симпатическаго чувства. Примѣры. Опытъ національный и вѣковой. Примѣры. Роль воображенія въ развитіи чувства симпатіи. Примѣры. Развитіе познавательной способности, какъ существенное условіе развитія симпатическаго чувства. **Происхожденіе и развитіе чувства симпатіи.** Трудность разрѣшенія вопроса о происхожденіи симпатіи. Различныя мнѣнія, касающіяся этого вопроса.

Обоснованность мнѣнія, что симпатія обязана своимъ возникновеніемъ индивидуальнымъ чувствамъ. Психологическое объясненіе происхожденія симпатіи Физіологическая основа симпатіи. Недостатки психологическаго объясненія происхожденія чувства симпатіи: ограниченность и условность. Восполненіе этихъ недостатковъ физіологическою теоріей. Прогрессивное развитіе рода и общественности, какъ условіе происхожденія и развитія симпатіи. Материнская любовь—корень симпатическаго чувства. Братская любовь, какъ продолженіе и развитіе родительской симпатіи. Дальнѣйшее развитіе симпатіи въ связи съ развитіемъ общины, племени и космополитизма. Чувство половой любви и постепенное его развитіе. Выводы.

Общія свѣдѣнія. Если мы будемъ разсматривать чувства съ точки зрѣнія біологическаго ихъ значенія, т. е. съ точки зрѣнія закона сохраненія жизни, то мы замѣтимъ, что одни изъ нихъ связаны съ представленіями о нашей собственной личности, о нашемъ «я»; другія же находятся въ связи съ представленіями о посторонникъ существахъ. Отсюда возникаетъ дѣленіе чувствъ на индивидуальныя и соціальныя. Тѣ чувства, объектомъ которыхъ является само чувствующее лицо, называются *индивидуальными:* тѣ же чувства, объектомъ которыхъ служатъ другія существа, называются *соціальными*. Индивидуальныя и соціальныя чувства допускаютъ и другія названія. Первыя могутъ быть названы *эгоистическими*, а вторыя—*альтруистическими*. Между индивидуальными и соціальными чувствами существуетъ множество переходныхъ формъ, которыя представляютъ изъ себя *смѣшанныя* чувства.

Индивидуальныя чувства. Несомнѣнно, что въ основаніи индивидуальныхъ чувствъ лежитъ біологическій законъ сохраненія жизни. Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что законъ этотъ съ психологической точки зрѣнія подлежитъ болѣе широкому толкованію. Подъ сохраненіемъ жизни слѣдуетъ понимать не только простое поддержаніе существованія, но и развитіе нашего психофизическаго бытія. Такъ напр., въ чувствѣ соревнованія мы, признавая себя въ какомъ-либо от

ношеніи ниже другого лица, выражаемъ потребность къ личному своему усовершенствованію; слѣдовательно, въ этомъ чувствѣ находитъ себѣ осуществленіе законъ самосохраненія.

Къ числу типическихъ индивидуальныхъ чувствъ могутъ быть отнесены слѣдующія: страхъ, гнѣвъ, чувство силы и др.

1. Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ индивидуальныхъ чувствъ является *чувство страха*. Подъ этимъ чувствомъ разумѣется психическое состояніе, связанное съ представленіемъ ожидаемаго страданія. Такимъ образомъ, чувство страха есть простѣйшій видъ эмоціи, которая не имѣетъ непосредственной связи съ ощущеніемъ, а возникаетъ на почвѣ душевной дѣятельности, имѣя своимъ источникомъ представленія. Поэтому чувство страха — одно изъ раннихъ чувствъ, которыя начинаетъ испытывать дитя. Однако нѣкоторыя формы дѣтскаго страха объясняются не предварительнымъ опытомъ, а наслѣдственнымъ инстинктомъ. Страхъ сопровождается типическими внѣшними или физическими выраженіями и по характеру послѣднихъ относится къ чувствамъ астеническимъ. У человѣка, охваченнаго чувствомъ страха, въ первый моментъ тѣло приходитъ въ неподвижное состояніе. Сердце бьется съ усиленною быстротою; однако притокъ крови ко всѣмъ частямъ тѣла ослабѣваетъ, что обнаруживается въ похолоданіи внѣшнихъ покрововъ и общей блѣдности; вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ быстрое выдѣленіе холоднаго пота. Правильное отправленіе слюнныхъ железъ нарушается; во рту пересыхаетъ. Обнаруживается дрожаніе мускуловъ и всеобщая мышечная слабость. Дыхательный процессъ становится затрудненнымъ. Вообще страхъ производитъ изнуряющее и обезсиливающее на организмъ дѣйствіе. Въ напряженное состояніе приходятъ лишь нѣкоторые органы, а именно тѣ, съ которыми связанъ процессъ вниманія, направленнаго на защиту отъ угрожающей опасности, главнымъ образомъ, глаза и уши. Недаромъ существуетъ выраженіе «у страха глаза велики», которое имѣетъ

значеніе и въ прямомъ смыслѣ. Болѣе или менѣе сильныя формы страха находятся въ зависимости отъ большей или меньшей опредѣленности представленій угрожающей опасности. Если источникомъ страха является ожиданіе болѣе или менѣе опредѣленныхъ и притомъ отдаленныхъ бѣдствій, то страхъ принимаетъ болѣе слабую форму *опасенія;* если же опасность неопредѣленна и внезапна, то страхъ проявляется въ высшей и крайне тягостной формѣ, которая называется чувствомъ *ужаса.* Уже изъ описанія внѣшнихъ выраженій чувства страха становится яснымъ, что чувство это болѣе, чѣмъ какое-либо другое чувство основаніемъ своимъ имѣетъ біологическій законъ самосохраненія и потому относится къ индивидуальнымъ или эгоистическимъ чувствамъ. Въ элементарномъ видѣ оно наблюдается у животныхъ, которыя не живутъ соціальной жизнью.

2. Другимъ типическимъ образцомъ индивидуальныхъ чувствъ является *чувство гнѣва.* Гнѣвъ представляетъ чувство, характеризуемое протестомъ чувствующаго лица противъ причиненія ему какого-либо вреда или, говоря вообще, страданія. Такимъ образомъ, въ чувствѣ гнѣва различается два момента: первый изъ нихъ представляетъ возбужденіе, вызванное причиненнымъ намъ вредомъ; къ нему присоединяется чувство, связанное съ намѣреніемъ возмездія, отплаты за нанесенный намъ вредъ. Отсюда чувство гнѣва должно быть отнесено къ смѣшаннымъ чувствамъ. Первый моментъ — сознаніе нанесеннаго намъ вреда — несомнѣнно выражается чувствомъ страданія; другой же моментъ — стремленіе къ возмездію за причиненный намъ ущербъ — заключаетъ въ себѣ чувство удовольствія. Этотъ элементъ удовольствія сообщаетъ гнѣву преобладающій характеръ стеническихъ чувствъ. Внѣшнимъ образомъ гнѣвъ находитъ себѣ выраженіе: въ усиленной дѣятельности сердца, которая сопровождается налитіемъ глазъ кровью и краснотой лица; въ усиленномъ, но затрудненномъ дыханіи; въ напряженіи всей

тѣлесной мускулатуры. Изъ разнообразныхъ формъ гнѣва основными его разновидностями должно считать ярость, негодованіе и ненависть. *Ярость* представляетъ наиболѣе сильную и притомъ животную форму гнѣва. Она сопровождается рѣзкими внѣшними выраженіями двигательнаго характера: изступленнымъ крикомъ, сильными, несоразмѣрными движеніями и т. п. Въ конечномъ результатѣ ярость сопровождается неумѣреннымъ расходованіемъ жизненной энергіи и потому есть тягостное чувство. *Ненависть*, по внѣшнимъ признакамъ, болѣе слабое, но въ то же время наиболѣе продолжительное проявленіе чувства гнѣва. При немъ не замѣчается внѣшнихъ, физическихъ движеній; но за то оно сопровождается психическимъ подъемомъ и осложняется чувствомъ мести, вражды, злорадства и т. п. Что касается *негодованія*, то это есть болѣе мягкое и притомъ съ преобладаніемъ психическаго элемента проявленіе чувства гнѣва. Біологическое значеніе чувства гнѣва очевидно. Имѣя въ своемъ основаніи стремленіе къ самозащитѣ, оно тѣсно связано съ инстинктомъ самосохраненія, поэтому оно вмѣстѣ со страхомъ относится къ примитивнымъ типическимъ индивидуальнымъ чувствамъ. Проявленіе его замѣчается въ раннемъ дѣтствѣ. Въ грубыхъ формахъ оно свойственно и животнымъ.

3. Стремленіе къ дѣятельности составляетъ одну изъ естественныхъ потребностей человѣческой природы. Удовлетвореніе этого стремленія, какъ было замѣчено раньше, вызываетъ чувство удовольствія; напротивъ того, всякое препятствіе къ удовлетворенію сопровождается чувствомъ неудовольствія, даже страданія. Отсюда происходитъ постоянная оцѣнка самого себя, своего «я». Каждое удачное наше дѣйствіе вызываетъ въ насъ сознаніе нашей силы, мощи; такое представленіе о себѣ связывается съ соотвѣтствующимъ чувствомъ. Обнаружитъ ли человѣкъ физическую силу, ловкость, проявитъ ли какое-либо качество ума, покажетъ ли силу воли,

характеръ и т. д., во всѣхъ случаяхъ онъ испытываетъ чувство удовольствія, связанное съ представленіемъ о своей силѣ. Съ другой стороны, неумѣніе или невозможность осуществленія того или другого дѣйствія сопровождается сознаніемъ нашего безсилія, немощи, а съ нимъ связывается чувство подавленности. Такъ напр., сознаніе своей физической слабости, уродливости, недостатка образованія, слабости воли сопровождается чувствомъ бо́льшаго или меньшаго страданія. Чувство, связанное съ сознаніемъ того, что мы обладаемъ цѣнными въ нашихъ глазахъ свойствами, называется *чувствомъ силы, мощи*. То же чувство, которое вызывается сознаніемъ отсутствія въ себѣ тѣхъ или иныхъ цѣнныхъ свойствъ, слѣдуетъ назвать *чувствомъ безсилія*. По воздѣйствію этихъ чувствъ на общее состояніе нашего сознанія имъ можно дать и другія названія: чувство силы можетъ быть названо чувствомъ *самоудовлетворенія*, а чувство безсилія—чувствомъ *самонеудовлетворенія*. Чувство мощи и безсилія не слѣдуетъ смѣшивать съ физическими чувствами силы и усталости, которыя связаны съ органическими ощущеніями. Они могутъ иногда возникать и развиваться на основѣ указанныхъ физическихъ чувствъ, служа ихъ продолженіемъ; но какъ чувства, связанныя съ представленіями, они относятся къ высшимъ чувствамъ. Внѣшними выраженіями этихъ чувствъ служатъ слѣдующіе характерные признаки. Чувство силы сопровождается нѣсколько усиленной дѣятельностью сердца, глубокимъ дыханіемъ, выпрямленнымъ положеніемъ туловища и поднятіемъ головы. Наоборотъ, чувство безсилія выражается ослабленіемъ сердечной дѣятельности, затрудненнымъ дыханіемъ, согбеннымъ положеніемъ тѣла и опущеніемъ головы. Чувства силы и безсилія возрастаютъ и осложняются при сравненіи себя съ другими. Такъ, чувство силы принимаетъ формы: гордости, высокомѣрія, надменности, чванства, спеси, а чувство безсилія переходитъ въ чувства скромности, смиренія и самоуничиженія.

Основываясь на стремленіи къ дѣятельности, чувство силы, а равно и противоположное ему чувство безсилія имѣютъ несомнѣнную связь съ инстинктомъ самосохраненія. Ими опредѣляется все то, что полезно или вредно для сохраненія и развитія нашего существованія, иначе, говоря, посредствомъ ихъ производится оцѣнка различнаго рода явленій, оказывающихъ вліяніе на наше физическое и духовное бытіе.

Связь индивидуальныхъ чувствъ съ соціальными. Изъ разсмотрѣнія нѣкоторыхъ индивидуальныхъ чувствъ, мы узнали, что въ основѣ ихъ лежитъ инстинктъ самосохраненія, который въ различныхъ формахъ этихъ чувствъ проявляется или безсознательно, или съ извѣстною степенью сознательности. Поэтому чувства эти въ элементарныхъ своихъ формахъ присущи и тѣмъ существамъ, которыя лишены условій соціальной жизни. Что же касается человѣка, то онъ является съ давнихъ временъ существомъ общественнымъ; мы не можемъ представить его внѣ соціальныхъ условій жизни, поэтому наблюденіе индивидуальныхъ чувствъ въ человѣкѣ въ совершенно чистомъ видѣ представляется затруднительнымъ, такъ какъ чувства эти въ большей или меньшей степени осложняются соціальными чувствами.

Соціальныя чувства. Соціальными чувствами мы назвали такія чувства, предметомъ которыхъ служитъ не свое личное «я», а другія существа, интересы другихъ индивидуумовъ. Сюда относятся разнообразныя чувства, какъ напр., нѣжность или любовь, уваженіе, благоговѣніе, благодарность, милосердіе и мн. др. Несмотря, однако, на ихъ разнообразіе, они имѣютъ общій элементъ, одно общее основаніе, а именно то, что принято называть *чувствомъ расположенія или симпатіи*. Подъ этимъ чувствомъ разумѣется сочувствіе къ другимъ лицамъ, душевное участіе въ ихъ удовольствіяхъ и страданіяхъ. Въ простѣйшей формѣ чувство симпатіи является безсознательнымъ отраженіемъ чужихъ чувствъ. При видѣ стра-

дающаго человѣка у насъ является склонность къ совмѣстному съ нимъ страданію; если его страданіе сопровождается слезами, то и мы склонны плакать. Равнымъ образомъ, выраженіе чужой радости вызываетъ и въ насъ невольное чувство удовольствія. Высшую форму симпатіи представляетъ сознательное участіе въ чужихъ удовольствіяхъ и чужихъ страданіяхъ, сопровождаемое стремленіемъ продлить чужую радость или устранить чужое горе. Мать, видящая страданія своего больного ребенка, вмѣстѣ съ нимъ переживаетъ душевную боль и принимаетъ всѣ мѣры къ удаленію страданій дитяти, какъ бы эти страданія были ея личными страданіями. Та же мать, играя со своимъ ребенкомъ, вмѣстѣ съ нимъ переживаетъ чувство удовольствія и разными забавами старается продлить это чувство. Иногда и у нѣкоторыхъ людей чувство симпатіи можетъ доходить до полнаго отождествленія чужой личности со своею и находитъ себѣ выраженіе въ чувствахъ *состраданія*, *милосердія* и *самопожертвованія*. Вообще симпатія есть чувство, противоположное эгоизму, и можетъ быть иначе названо *альтруизмомъ*.

Зависимость чувства симпатіи отъ опыта. Чтобы чувствовать вмѣстѣ съ другими, необходимо, конечно, непосредственное знакомство съ этими чувствами путемъ личнаго переживанія. Человѣку, не испытавшему матеріальныхъ лишеній, трудно войти въ положеніе бѣдняка. Справедливо гласитъ пословица «сытый голоднаго не разумѣетъ». Только человѣкъ, понесшій утрату въ близкомъ человѣкѣ, можетъ сочувствовать чужой утратѣ. Существуютъ черствыя натуры, совершенно нечувствительныя къ чужимъ страданіямъ; но личное несчастіе можетъ пробудить въ ихъ душѣ симпатическое чувство. Все это показываетъ, что для развитія симпатіи необходимъ опытъ. Опытомъ опредѣляется количественная сторона этого чувства. Это находитъ себѣ подтвержденіе въ наблюденіяхъ надъ эмоціональной жизнью дѣтей. Кругъ пере-

живаемыхъ ребенкомъ чувствъ въ первые періоды дѣтства ограничивается элементарными, физическими чувствами: поэтому симпатическое чувство ему почти недоступно, оно ограничивается лишь чувствами низшаго порядка. Этимъ объясняется, напр., дѣтская жестокость. Только постепенно съ расширеніемъ личнаго опыта въ дѣтской душѣ начинаютъ развиваться болѣе высокія формы симпатіи. Но не только личнымъ опытомъ обусловливается развитіе симпатіи, здѣсь имѣетъ значеніе также опытъ національный и вѣковой. Такъ напримѣръ, огрубѣлость нравовъ, созданная условіями извѣстнаго времени, препятствуетъ развитію симпатическаго чувства. Люди, выросшіе въ условіяхъ грубаго эгоизма, среди произвола и насилій, отличаются ничтожной воспріимчивостью къ страданіямъ, поэтому имъ чуждо и чувство сострадания. Прекрасную картину такого состоянія описалъ Гоголь въ повѣсти «Тарасъ Бульба». Недостатокъ опыта въ переживаніи чувствъ можетъ восполняться дѣятельностью воображенія. Такъ напр., я никогда не испытывалъ чувствъ утопающаго человѣка; но если мнѣ опишутъ эти чувства. то я путемъ воспроизведенія сходныхъ чувствъ, мною испытанныхъ, могу вызвать въ себѣ и тѣ чувства, которыя испытываетъ утопающій человѣкъ. Живо нарисованная картина ужасовъ войны, дѣйствуя на воображеніе, вызываетъ въ человѣкѣ, никогда не бывшемъ на полѣ сраженія, соотвѣтствующія чувства, а а вмѣстѣ съ тѣмъ пробуждаетъ въ немъ и чувство симпатіи къ страданіямъ людей воюющихъ. Значеніе фантазіи не утрачивается и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло съ пережитыми ранѣе чувствами. Замѣчено, что недостатокъ симпатическаго чувства въ людяхъ происходитъ часто не отъ недостатка самаго чувства, а отъ недостаточной живости фантазіи, безсильной представить условія возникновенія чувства въ другомъ человѣкѣ.

Изъ сказаннаго ясно, что однимъ изъ существенныхъ

условій развитія симпатіи служитъ развитіе познавательной способности. Чѣмъ богаче умъ человѣческій представленіями, касающимися различныхъ сторонъ жизни, тѣмъ большаго развитія достигаетъ въ немъ чувство симпатіи. Поэтому наука и искусство, обогащая нашъ умъ представленіями, съ которыми связываются разнообразныя чувства, вмѣстѣ съ тѣмъ способствуютъ широкому развитію симпатическаго чувства.

Происхожденіе и развитіе чувства симпатіи. Вопросъ о происхожденіи симпатіи—одинъ изъ трудныхъ вопросовъ психологіи. Является непонятнымъ, какимъ образомъ то или другое лицо можетъ испытывать удовольствіе или страданіе отъ того, что не связано съ интересами его собственнаго существованія. Какимъ образомъ радости и страданія другого человѣка вызываютъ во мнѣ тѣ же чувства? Нѣкоторые мыслители отрицали даже самостоятельное существованіе чувства симпатіи и признавали за нимъ не что иное, какъ скрытый эгоизмъ. Другіе, не отрицая самостоятельности симпатическаго чувства, приводили его въ связь съ эгоистическими чувствами, приписывая имъ одно общее происхожденіе. Наиболѣе обоснованнымъ является то мнѣніе, по которому симпатія, а также всѣ основанныя на ней соціальныя чувства своимъ возникновеніемъ обязаны индивидуальнымъ чувствамъ. Мнѣніе это, опираясь на психологическіе законы, имѣетъ и физіологическую основу.

Психологическое объясненіе происхожденія симпатіи на почвѣ эгоизма слѣдующее. Человѣкъ—существо эгоистичное. Жизнь въ обществѣ себѣ подобныхъ приводитъ его къ сознанію того, что интересы его находятся въ зависимости отъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ живетъ. Поэтому, для осуществленія своихъ цѣлей онъ долженъ принимать во вниманіе интересы другихъ лицъ. Чтобы расчитывать на ихъ помощь, онъ долженъ помогать имъ; чтобы пользоваться ихъ расположеніемъ, онъ долженъ и самъ оказывать имъ знаки расположенія и т. п.

Частое повтореніе подобнаго рода дѣйствій выдвигаетъ на первый планъ въ сознаніи человѣка представленія о чужихъ интересахъ; что же касается первоначальной, эгоистической цѣли, то она, въ силу закона забыванія, отходитъ на задній планъ. Такимъ образомъ, цѣль (эгоизмъ) забывается, а средство (симпатія) становится цѣлью. Сообразно съ этимъ происходитъ соотвѣтствующее измѣненіе и въ чувствахъ. Чужія удовольствія и чужія страданія получаютъ для насъ непосредственное значеніе, становятся нашими, какъ бы частью нашего «я». Замѣчено, что частое оказываніе людямъ благодѣянія возбуждаетъ въ благодѣтеляхъ къ нимъ интересъ, вмѣстѣ съ которымъ развивается и симпатія. Наблюденіе это сдѣлано еще Аристотелемъ, который сказалъ, что благодѣтели, повидимому, любятъ тѣхъ, кому они сдѣлали добро, больше, чѣмъ эти послѣдніе — своихъ благодѣтелей, и что каждый художникъ любитъ свое твореніе больше, чѣмъ оно бы любило его, если бы было одушевлено. Общность жизненныхъ условій и интересовъ, въ силу ассоціативнаго закона сходства, развиваетъ въ насъ привычку соединять наше «я» съ другими людьми; въ силу этой привычки, мы въ различныхъ случаяхъ жизни непроизвольно ставимъ себя въ ихъ положеніе, испытывая за одно съ ними и ихъ чувства. Поэтому, чѣмъ ограниченнѣе опытъ, фантазія и умственное развитіе индивидуума, тѣмъ менѣе развито въ немъ и чувство симпатіи. Общность интересовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ общность чувствъ развиваютъ въ людяхъ подражательный инстинктъ, который руководитъ симпатіей и облегчаетъ ея проявленіе. Сущность этого симпатическаго подражанія состоитъ въ слѣдующемъ: когда мы замѣчаемъ въ другомъ лицѣ проявленіе какого-либо чувства, то мы безсознательно подражаемъ внѣшнимъ выраженіямъ этого чувства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сами начинаемъ испытывать это чувство. Такъ напр., при видѣ растеряннаго отъ страха человѣка, лицо наше невольно принимаетъ такое

же выраженіе, а затѣмъ мы поддаемся и самому чувству. Чужой смѣхъ вызываетъ въ насъ невольную склонность къ смѣху; послѣ этого мы заражаемся и чувствомъ, которое вызвало этотъ смѣхъ. Говорятъ, смѣхъ заразителенъ. Подобное можно сказать вообще о чувствахъ: всѣ чувства заразительны.

Вышеприведенное психологическое объясненіе происхожденія симпатіи, вѣрное въ своемъ основаніи, грѣшитъ нѣкоторою ограниченностью и условностью. Во 1-хъ, оно утверждаетъ, что развитіе симпатіи можетъ совершиться въ теченіе жизни каждаго отдѣльно взятаго лица, иначе говоря, процессъ развитія симпатическаго чувства ограничивается жизненнымъ опытомъ отдѣльнаго индивидуума. Во 2-хъ, допуская развитіе симпатіи на началахъ исключительнаго эгоизма путемъ взаимопомощи, теорія эта разумѣетъ существованіе общества, среди котораго происходитъ развитіе каждаго индивидуума. Слѣдовательно, допускается условіе, происхожденіе котораго остается невыясненнымъ.

Недостатки психологической теоріи восполняются физіологической теоріей, которая вопросу о происхожденіи и развитіи симпатіи даетъ болѣе широкое и естественное объясненіе. По этой теоріи происхожденіе и развитіе симпатіи выводится за предѣлы отдѣльнаго индивидуума и объясняется прогрессивнымъ развитіемъ рода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общественности. Корнемъ симпатическаго чувства слѣдуетъ считать материнскую любовь къ дѣтямъ. Любовь эта начинается безсознательнымъ инстинктомъ, который имѣетъ глубокую физіологическую основу въ процессѣ размноженія, гдѣ разъединеніе особей совершается не сразу, а постепенно. Ребенокъ, до появленія на свѣтъ, продолжительное время существуетъ, какъ часть материнскаго организма. Эта тѣсная физическая связь между организмомъ матери и организмомъ дитяти и даетъ начало инстинктивному симпатическому чувству, которое обнаруживаетъ мать къ своему ре-

бенку. Этотъ инстинктъ проявляется въ непроизвольныхъ дѣйствіяхъ, направленныхъ на охраненіе интересовъ потомства въ теченіе не только утробной жизни дитяти, но и перваго времени послѣ рожденія. Эта первичная форма симпатіи имѣетъ очевидную связь съ самосохраненіемъ и носитъ эгоистическій характеръ. Дальнѣйшее существованіе ребенка, какъ обособленнаго, самостоятельнаго существа, измѣняетъ характеръ симпатическаго къ нему чувства. Безпомощное состояніе дитяти, его ласки и улыбки, наконецъ, постоянныя о немъ заботы даютъ основу для психологическаго развитія чувства: инстинктъ переходитъ въ чувство высшаго порядка. Чувство привязанности матери къ ребенку достигаетъ такой силы и глубины, что бываютъ случаи самопожертвованія. Такимъ образомъ, мать и дитя представляютъ первичное человѣческое общество, въ которомъ слѣдуетъ искать начала симпатіи; поэтому материнская любовь должна быть признана физіологической основой симпатическаго чувства, отъ которой ведутъ свое развитіе всѣ другія формы его. Далѣе возникаетъ любовь отца къ дѣтямъ. Однако въ отцовской любви физіологическая основа слабѣе. Развитіе этой любви находится въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ соціологическихъ причинъ. Симпатія отца къ дѣтямъ развивается вмѣстѣ съ установленіемъ прочныхъ и опредѣленныхъ брачныхъ формъ и обусловливается совмѣстною жизнью, чувствомъ собственности и общественности. Что касается любви дѣтей къ родителямъ, то она является отвѣтнымъ симпатическимъ чувствомъ за родительскія заботы и любовь; чувство это имѣетъ болѣе психологическое основаніе, и потому любовь дѣтей къ родителямъ обыкновенно слабѣе родительской любви. На почвѣ родительской симпатіи зараждается и развивается братская любовь. Совмѣстная жизнь и трудъ развиваютъ у братьевъ и сестеръ сознаніе общности интересовъ, пріучаютъ входить въ положеніе другъ друга, помогать одинъ другому и, такимъ

образомъ, способствуютъ развитію чувства взаимной симпатіи. Далѣе, когда соціальныя отношенія и связи выходятъ изъ тѣсныхъ предѣловъ семьи, когда начинается общеніе между членами различныхъ семействъ и нараждается болѣе крупная соціальная единица-община, тогда и симпатическое чувство принимаетъ болѣе обширные размѣры; симпатія выходитъ за предѣлы семьи и распространяется на членовъ общины. Сознаніе племенной обособленности приводитъ къ зарожденію и развитію симпатіи къ своему народу. Наконецъ, самаго широкаго объема симпатія достигаетъ въ любви къ человѣчеству, т. е. ко всѣмъ людямъ. Въ связи съ сознаніемъ всеобщаго сходства и долженствующаго быть равенства людей возникаетъ высокое альтруистическое чувство человѣчности или гуманности.

Параллельно съ материнскимъ чувствомъ слѣдуетъ поставить чувство половой любви, на которомъ основывается происхожденіе семьи. Въ первичной своей формѣ чувство это является, какъ и материнское чувство, инстинктомъ, основаннымъ на взаимномъ физіологическомъ влеченіи лицъ разныхъ половъ другъ къ другу. Поэтому на низшихъ ступеняхъ развитія объектъ любви не представляется вторымъ «я», и чувство имѣетъ эгоистическій характеръ. Дальнѣйшее развитіе этого чувства получаетъ психологическое направленіе. Животный инстинктъ смягчается сердечною привязанностью, душевнымъ влеченіемъ, которое находитъ себѣ выраженіе въ сознательномъ чувствѣ симпатіи высшаго порядка.

Такимъ образомъ, анализъ происхожденія и развитія чувства симпатіи обнаруживаетъ намъ слѣдующее. Во 1-хъ, чувство симпатіи раждается на физіологической почвѣ и въ первичной своей формѣ есть слѣдствіе самосохраненія; потому оно носитъ эгоистическій характеръ. Во 2-хъ, дальнѣйшее развитіе этого чувства происходитъ на почвѣ психологической и соціологической; симпатія постепенно утрачиваетъ эго-

истическій характеръ, принимаетъ форму безкорыстнаго чувства и, такимъ образомъ, переходитъ въ чувство высшаго порядка. Все это показываетъ намъ, какъ соціальныя чувства возникаютъ изъ индивидуальныхъ и что процессъ развитія соціальныхъ чувствъ совершается въ связи съ процессомъ развитія общественности, иначе говоря, эволюція соціальныхъ чувствъ происходитъ на почвѣ эволюціи общественныхъ формъ.

Глава XXVII.

Моральное и религіозное чувства.

Понятіе моральнаго чувства. Основа моральнаго чувства. Эмоціи, осложненныя моральнымъ чувствомъ. Самостоятельное существованіе моральнаго чувства. Сложность моральнаго чувства и его существенные элементы: чувство долга и совѣсть. Примѣры. Опредѣленіе моральнаго чувства. **Происхожденіе и развитіе моральнаго чувства.** Обязательная сила нравственнаго долга и понятіе нравственнаго закона. Вопросъ о первоначальномъ источникѣ обязательности нравственнаго закона. Интуитивная теорія. Ея доводъ. Теорія эволюціонизма и сущность ея. Осложненіе моральнаго чувства другими элементами. Выводъ изъ теоріи эволюціонизма. Возраженія противъ прирожденности моральнаго чувства. Погрѣшности эволюціонизма. Основныя положенія, касающіяся происхожденія и развитія моральнаго чувства. **Понятіе совѣсти.** Формы проявленія совѣсти: спокойствіе и угрызеніе совѣсти. Сложность этихъ состояній. Характеръ моральнаго чувства, вызываемаго дѣйствіями другихъ лицъ. **Понятіе религіознаго чувства.** Основа религіознаго чувства. Чувство любви къ Богу и его составные элементы: благоговѣніе, преданность и благодарность. **Происхожденіе религіознаго чувства.** Спорность вопроса о происхожденіи религіознаго чувства. Основные принципы, касающіеся этого вопроса: прирожденность и происхожденіе изъ опыта. Теорія эволюціонизма и ея объясненіе происхожденія религіознаго чувства. Недостатки этой теоріи.

Понятіе моральнаго чувства. Подъ общимъ названіемъ моральнаго чувства мы разумѣемъ то чувство, которое связывается съ нашими представленіями о добрѣ и злѣ. Существуютъ поступки, которые мы признаемъ хорошими, но

существуютъ и такіе, которые считаются нами дурными. Первые вызываютъ въ насъ чувство одобренія, вторые, напротивъ, возбуждаютъ чувство неодобренія. Одобреніе хорошаго и неодобреніе дурного и составляетъ основной элементъ моральнаго чувства. Въ такомъ общемъ видѣ моральное чувство входитъ въ составъ многихъ эмоцій, каковы, напр., гнѣвъ, страхъ, печаль, радость и др. Такъ напр., изъ гнѣва въ связи съ нравственнымъ чувствомъ порицанія какого-либо дурного поступка образуется смѣшанное чувство справедливаго негодованія; радость, осложненная чувствомъ одобренія при видѣ поступка добродѣтельнаго переходитъ въ смѣшанныя чувства восторга, умиленія. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ извѣстнаго рода эмоціями, осложненными моральнымъ чувствомъ.

Однако моральное чувство имѣетъ и самостоятельное существованіе. Внѣшнимъ доказательствомъ этого служатъ разнообразныя словесныя выраженія. Мы часто говоримъ: «чувство долга заставило меня совершить такой-то поступокъ», «чувство нравственной обязанности подсказало мнѣ не дѣлать этого», «это не согласно съ моей совѣстью», «такимъ-то поступкомъ во мнѣ оскорблено чувство уваженія къ нравственному закону» и т. п. Всѣ подобныя выраженія имѣютъ въ виду то чувство, въ основаніи котораго лежитъ одобреніе хорошаго и неодобреніе дурного; а такое чувство мы называемъ моральнымъ; слѣдовательно, выраженія эти представляютъ различныя обозначенія моральнаго чувства. Это различіе обозначеній показываетъ, что моральное чувство является чувствомъ не простымъ, а сложнымъ. Каждое отдѣльное названіе указываетъ на ту или иную сторону этого чувства, тотъ или другой его моментъ, который мы въ каждомъ данномъ случаѣ усматриваемъ. Вопросъ о томъ, изъ какихъ элементовъ состоитъ моральное чувство, представляется нелегкимъ. Препятствіемъ служитъ затрудненіе въ выдѣленіи того,

что является существенными, характерными признаками моральнаго чувства. У различныхъ психологовъ на этотъ предметъ существуютъ и различныя мнѣнія. Но несмотря на различіе мнѣній, существуютъ пункты, въ которыхъ мнѣнія эти сходятся. Какіе же элементы моральнаго чувства слѣдуетъ признавать существенными? Обратимся къ примѣрамъ. Положимъ, я, побуждаемый чувствомъ человѣколюбія, выручилъ кого-либо изъ бѣды; тогда я переживаю душевное состояніе, которое связано съ сознаніемъ, что я совершилъ то, что слѣдовало совершить; приэтомъ выступаетъ чувство удовольствія, удовлетворенія, происходящее отъ сознанія отсутствія отвѣтственности и виновности за мои дѣйствія. Возьмемъ обратный случай. Я изъ эгоистическаго чувства вражды, мести или чего-либо другого оклеветалъ кого-нибудь. Вслѣдъ за этимъ поступкомъ, безъ всякаго соображенія съ его послѣдствіями, въ душѣ моей можетъ возникнуть состояніе, связанное съ сознаніемъ, что я совершилъ нѣчто такое, чего я не долженъ былъ совершить; вмѣстѣ съ тѣмъ неминуемо появится и чувство неудовольствія, связанное съ сознаніемъ отвѣтственности за совершенный поступокъ. Изъ этихъ примѣровъ явствуетъ, что когда человѣкъ совершаетъ поступокъ, который признается имъ за хорошій, то у него является сознаніе, что онъ сдѣлалъ то, что онъ долженъ былъ сдѣлать, иначе говоря, онъ исполнилъ свой долгъ; сознаніе это сопровождается пріятнымъ чувствомъ внутренняго удовлетворенія, происходящаго отъ сознанія безотвѣтственности, невиновности. Напротивъ того, когда мы совершаемъ дѣйствія, которыя мы считаемъ дурными, то у насъ раждается сознаніе, что мы отступили отъ того, что должны были сдѣлать, т. е. не исполнили своего долга; приэтомъ мы испытываемъ неудовольствіе отъ сознанія нашей отвѣтственности, виновности. Такимъ образомъ, въ психическій составъ моральнаго чувства входятъ два основные элемента, два душевныхъ состоянія: 1) чувство того, что мы

должны дѣлать и чего не должны дѣлать; чувство это мы называемъ *чувствомъ долга* или *нравственной обязанностью;* 2) чувство одобренія или неодобренія, вызываемое сознаніемъ отвѣтственности или неотвѣтственности за наши поступки; это чувство называется *совѣстью.*

Такимъ образомъ, *моральнымъ чувствомъ слѣдуетъ назвать то сложное чувство, которое связано съ признаніемъ обязательности для человѣка совершать все то, что считается хорошимъ, а также съ сознаніемъ внутренней отвѣтственности за все совершаемое.*

Происхожденіе и развитіе моральнаго чувства. Несомнѣнно, что существеннымъ элементомъ моральнаго чувства служитъ чувство долга или нравственной обязанности. Особенность этого послѣдняго заключается въ сознаніи его принудительности, его обязательности. И дѣйствительно, когда мы производимъ оцѣнку совершенному поступку, называя его хорошимъ или дурнымъ, мы признаемъ существованіе въ насъ такой силы, которая руководитъ нашимъ сознаніемъ въ отношеніи того, что слѣдуетъ считать хорошимъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы сознаемъ, что эта внутренняя сила находится въ связи съ другой силою, которая пребываетъ внѣ насъ, но нами повелѣваетъ. Я солгалъ. *Внутренній голосъ* говоритъ мнѣ, что я не долженъ былъ этого сдѣлать. На чемъ основанъ этотъ внутренній голосъ? На признаніи общей для всѣхъ людей силы, которая имѣетъ для насъ принудительный характеръ. Въ дѣйствительности, въ силу различныхъ обстоятельствъ, мы можемъ уклониться отъ исполненія ея требованій; что же касается сознанія, то оно выбора не допускаетъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что отличительной чертой моральнаго чувства служитъ сознаніе существованія находящейся внѣ насъ силы, обязывающей насъ поступать извѣстнымъ образомъ. Дѣйствіе этой силы мы называемъ *нравственнымъ закономъ.* Такимъ образомъ, сознаніе обязательности этого закона и лежитъ въ

основаніи моральнаго чувства. Здѣсь возникаетъ вопросъ о томъ, гдѣ находится первоначальный источникъ обязательности нравственнаго закона, иначе говоря, вопросъ о прохожденіи моральнаго чувства. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ вопросахъ психологіи, существуетъ два основныхъ и притомъ противоположныхъ другъ другу мнѣнія.

Многіе философы, исходя изъ обязательности моральнаго чувства, полагаютъ что это чувство есть нѣчто присущее человѣку съ самаго начала его существованія, представляетъ неодбходимое свойство его духовной организаціи, является въ человѣкѣ готовою способностью. Мнѣніе это носитъ названіе теоріи *прирожденности* моральнаго чувства или *интуитивной* теоріей. Прирожденность моральнаго чувства подтверждается слѣдующими соображеніями. Во 1-хъ, основныя воззрѣнія людей на добро и зло одинаковы; всѣ люди одинаково думаютъ о томъ, что хорошо, что дурно. Во 2-хъ, моральное чувство свойственно народамъ всѣхъ временъ. Оно можетъ измѣняться со стороны формы; что же касается сущности, основныхъ представленій о хорошемъ и дурномъ, то они остаются неизмѣнными. Представители противоположной школы отрицаютъ прирожденность моральнаго чувства, а считаютъ его всецѣло продуктомъ внѣшнихъ вліяній и условій жизни, иначе говоря, продуктомъ опыта. Теорія эта называется *теоріей развитія* или *теоріей эволюціонизма*. По мнѣнію эволюціонистовъ, моральное чувство — состояніе производное. Сначала человѣкъ оцѣниваетъ свои дѣйствія съ точки зрѣнія удовольствія и страданія, пользы и вреда, которые они ему причиняютъ. Затѣмъ, къ этому эгоистическому основанію присоединяется альтруистическій элементъ. Развитіе общественности, а вмѣстѣ съ нею симпатическаго чувства, расширяетъ содержаніе того, что вызываетъ собою удовольствіе и страданіе и связанныя съ ними идеи пользы и вреда. Приходя въ соприкосновеніе съ другими людьми, человѣкъ начинаетъ сознавать пріятность

симпатическихъ и непріятность несимпатическихъ дѣйствій. Оцѣнка ихъ приводитъ его къ тому, что первыя онъ причисляетъ къ хорошимъ, а вторыя—къ дурнымъ. Затѣмъ, эту оцѣнку онъ выноситъ за предѣлы своей личности, своего «я». Онъ начинаетъ судить о своихъ поступкахъ не только по тому, какое они производятъ дѣйствіе въ немъ самомъ, но также и по тому, производятъ ли они удовольствіе и страданіе въ другихъ людяхъ. Здѣсь собственно и начинается моральное чувство. Съ постепеннымъ развитіемъ формъ общественной жизни, моральное чувство осложняется и расширяется, охватывая собою все большее и большее количество людей, на которыхъ распространяется симпатическое чувство. Совокупный опытъ многихъ людей и многихъ поколѣній дѣлаетъ все то, что стало признаваться хорошимъ и дурнымъ, вслѣдствіе частаго повторенія, *привычнымъ* и превращаетъ его въ общія правила; правила эти получаютъ значеніе истинъ и передаются отъ одного поколѣнія другому. Такъ возникаютъ нравственные обычаи и связанное съ ними моральное чувство съ его обязательнымъ характеромъ. Въ историческомъ развитіи нравственное чувство осложнилось нѣкоторыми другими элементами. Жизнь въ обществѣ научила человѣка дорожить мнѣніемъ другихъ членовъ общества. Удовольствіе заслужить *похвалу* и неудовольствіе подвергнуться *порицанію* способствуютъ развитію сознанія обязательности признанныхъ обществомъ нравственныхъ правилъ. Отсюда моральное чувство пріобрѣтаетъ значеніе чувства чести, чувства собственнаго достоинства. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ содержаніе моральнаго чувства легло признаніе авторитета тѣхъ лицъ, кои являлись охранителями нравственныхъ правилъ. Требованія этихъ охранителей также имѣли обязательную силу. На низшей ступени обязательность эта поддерживалась *страхомъ*: позднѣе страхъ смѣняется *уваженіемъ*, *почтеніемъ*. Охранителями нравственныхъ правилъ являлись не только люди, но и божества. Отсюда правила

эти получаютъ религіозную санкцію, отъ чего обязательная сила ихъ увеличивается. Такимъ образомъ, корнемъ моральнаго чувства является эгоистическое чувство, основанное на инстинктѣ самосохраненія. Дальнѣйшее развитіе его, вмѣстѣ съ развитіемъ общественности, совершается на почвѣ симпатическаго чувства. Сила привычки и участіе другихъ психическихъ элементовъ сообщаютъ моральному чувству характеръ обязательности.

Ни одна изъ разсмотрѣнныхъ теорій не можетъ быть признана вполнѣ истинною. Каждая изъ нихъ встрѣчаетъ серьезныя возраженія. Противъ прирожденности моральнаго чувства могутъ быть представлены слѣдующія соображенія: во 1-хъ, одинаковость людскихъ сужденій о томъ, что хорошо, что дурно, можетъ быть объяснена не прирожденностью нравственныхъ понятій, а закономъ навыка, привычки. Во 2-хъ, положеніе, что моральное чувство одинаково свойственно всѣмъ народамъ, не можетъ быть признано правильнымъ. Изученіе моральныхъ воззрѣній различныхъ народовъ показываетъ, что воззрѣнія эти далеко неодинаковы. Такъ напр., нѣкоторыя языческія понятія древнихъ народовъ находятся въ противорѣчіи съ понятіями христіанскими. То, что мы считаемъ хорошимъ, не считалось такимъ греками и римлянами и наоборотъ. Наконецъ, самою существенною погрѣшностью интуитивной теоріи является взглядъ на моральное чувство, какъ на состояніе начальное, простое и потому неразложимое. Между тѣмъ психологическій анализъ показываетъ, что моральное чувство представляется явленіемъ сложнымъ; содержаніе его опредѣляется различными элементами; приэтомъ относительно нѣкоторыхъ изъ этихъ элементовъ можно съ достовѣрностью сказать, что они получаются путемъ опыта. Что касается теоріи эволюціонизма, то въ ней также есть серьезные недочеты. Существенный недостатокъ ея состоитъ въ слѣдующемъ. Основывая происхожденіе и развитіе моральнаго чувства на

удовольствіи или неудовольствіи, получаемыхъ отъ сознанія полезности или вреда тѣхъ или другихъ дѣйствій, теорія эта не раскрываетъ намъ того, какимъ образомъ *пріятное* и *полезное* превращается въ *хорошее*, *нравственное* и получаетъ въ сознаніи человѣка обязательную силу. Между тѣмъ несомнѣнно, что нравственная оцѣнка, т. е. оцѣнка того, что хорошо и что дурно, весьма характерна, и ее нельзя смѣшать съ оцѣнкою того, что просто пріятно и сознается, какъ полезное, или непріятно и сознается, какъ вредное.

Все изложенное о происхожденіи и развитіи моральнаго чувства приводитъ насъ къ слѣдующимъ соображеніямъ. Вопросъ этотъ, въ виду сложности разсматриваемаго предмета, представляется весьма труднымъ и не имѣющимъ въ настоящее время опредѣленнаго разрѣшенія. На основаніи существующихъ ученій происхожденіе и развитіе моральнаго чувства можетъ быть представлено въ слѣдующихъ положеніяхъ. Во 1-хъ, моральное чувство, какъ явленіе сложное, не дано готовымъ; возникновеніе его связывается съ дѣятельностью человѣка, вслѣдствіе чего оно подлежитъ развитію и совершенствованію. Во 2-хъ, моральное чувство находится въ тѣсной связи съ общественной жизнью и потому оно — чувство соціальное, развивающееся при участіи чувства симпатіи. Въ 3-хъ, принимая въ соображеніе своеобразный характеръ моральнаго чувства, его отличительную окраску, слѣдуетъ предположить существованіе въ духовной организаціи человѣка особаго психическаго элемента, особой способности, которую мы назовемъ *нравственной воспріимчивостью*.

Понятіе совѣсти. Однимъ изъ существенныхъ элементовъ моральнаго чувства является, какъ мы видѣли, совѣсть. Значеніе ея велико: ею опредѣляется направленіе моральнаго чувства. Поэтому нѣкоторые психологи моральное чувство отождествляютъ съ совѣстью. Между тѣмъ анализъ моральнаго чувства намъ показалъ, что совѣсть должна быть понимаема,

какъ особое душевное состояніе, которое есть слѣдствіе оцѣнки дѣйствій, основанной на требованіяхъ нравственнаго долга; поэтому она составляетъ одинъ изъ моментовъ нравственнаго чувства. Понимаемая въ такомъ смыслѣ совѣсть, смотря по характеру совершаемыхъ поступковъ, проявляется въ двухъ отличныхъ одна отъ другой формахъ. Результатомъ хорошихъ поступковъ является ихъ одобреніе или *спокойствіе* совѣсти; дурные же поступки сопровождаются недобреніемъ, осужденіемъ, *угрызеніемъ* совѣсти. Каждое изъ этихъ состояній въ свой чередъ представляется явленіемъ сложнымъ. Такъ, спокойствіе совѣсти слагается изъ слѣдующихъ чувствъ; 1) чувства *удовольствія*, которое происходитъ отъ сознанія совершенія поступка должнаго и соотвѣтствующаго нашему идеалу; 2) чувства *силы*; оно является результатомъ сознанія побѣды въ борьбѣ съ препятствіями, возникающими при исполненіи долга; и 3) чувства *безопасности*, которое вытекаетъ изъ увѣренности въ томъ, что совершенный поступокъ, какъ дѣяніе хорошее, не можетъ имѣть никакихъ дурныхъ послѣдствій. Что касается угрызенія совѣсти, то въ составъ его входятъ слѣдующія непріятныя чувства: 1) чувство *неудовольствія*, возбуждаемое сознаніемъ, что совершенный поступокъ плохъ и противорѣчитъ требованію нравственнаго долга; 2) чувство *слабости*, проистекающее отъ сознанія своего безсилія въ борьбѣ съ препятствіями при исполненіи долга; 3) чувство *страха* за дурныя послѣдствія совершеннаго поступка; 4) чувство *стыда*, вызываемое сознаніемъ неодобренія совершеннаго поступка со стороны другихъ людей; наконецъ, 5) чувство *раскаянія* или сожалѣнія по случаю нарушенія требованій нравственнаго долга.

Мы знаемъ, что моральное чувство можетъ быть вызываемо дѣйствіями и другихъ лицъ; тогда оно нѣсколько измѣняетъ свой характеръ. Измѣненіе это, главнымъ образомъ, касается совѣсти. Такъ, чужіе поступки, согласные съ нашими

понятіями о нравственной обязанности, возбуждаютъ въ насъ, сообразно съ ихъ важностью, различныя смѣшанныя чувства: удивленія, уваженія, восторга, умиленія и т. п. Дурные же поступки, противорѣчащіе понятію о долгѣ, вызываютъ болѣе слабое проявленіе мученій совѣсти, которое называютъ *возмущеніемъ* ея.

Понятіе религіознаго чувства. Религіознымъ чувствомъ мы называемъ то чувство, которое связано съ представленіями человѣка о божествѣ и отношеніи его къ міру вообще и къ людямъ въ частности. Созерцаніе человѣкомъ всего окружающаго раждаетъ въ немъ стремленіе къ познанію причины происхожденія міра. Величіе, красота и цѣлесообразность мірозданія приводятъ къ сознанію, что все это могло осуществиться лишь при условіи существованія могущественной личной силы, которую мы называемъ Богомъ. Такимъ образомъ, въ основѣ религіознаго чувства лежитъ прежде всего идея о всемогущей личности, создавшей міръ и управляющей имъ. Съ идеею всемогущества Бога связывается представленіе о высшемъ совершенствѣ. Такое представленіе о Богѣ, какъ о всесовершенномъ существѣ, возбуждаетъ въ человѣкѣ особаго рода волненіе, которое мы называемъ чувствомъ *благоговѣнія* къ Богу. Вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе всесовершенства Бога раждаетъ въ человѣкѣ непоколебимую увѣренность въ постоянномъ разумномъ руководительствѣ Божьемъ, какъ цѣлымъ міромъ, такъ и отдѣльной личностью. Эта вѣра въ промыселъ Божій служитъ также источникомъ особыхъ волненій, которыя называются чувствомъ *преданности* волѣ Божьей и *благодарности* за попеченіе о нашей личности. Совокупность чувствъ благоговѣнія, преданности и благодарности въ связи съ общимъ чувствомъ радости даетъ сложное чувство, которое мы называемъ *чувствомъ любви къ Богу.* Прекрасное поэтическое выраженіе этого чувства находимъ мы въ заключительной строфѣ извѣстной оды Державина «Богъ»:

Неизъяснимый, Непостижный,
Я знаю, что души моей
Воображеніе безсильно
И тѣни начертать твоей!
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить.

Наконецъ, въ связи съ вѣрою въ Промыслъ Божій раждается надежда на продолженіе существованія отдѣльной личности по окончаніи ею земного бытія, иначе говоря, вѣра въ безсмертіе души.

Происхожденіе религіознаго чувства. Вопросъ относительно происхожденія религіознаго чувства, какъ и вопросъ о происхожденіи чувства моральнаго, представляется вопросомъ спорнымъ. На этотъ предметъ существуютъ различныя теоріи, сущность которыхъ сводится къ двумъ основнымъ принципамъ: прирожденности религіознаго чувства и происхожденію изъ опыта. Наиболѣе простою и естественною представляется теорія эволюціонизма. По этой теоріи религіозное чувство получаютъ свое начало и совершаетъ историческое развитіе по тѣмъ же законамъ, какъ и нравственное чувство.. Зародышъ этого чувства коренится въ одухотвореніи и олицетвореніи физической природы и на низшихъ ступеняхъ проявляется въ видѣ страха. Страхъ понуждаетъ человѣка преклоняться передъ всѣми предметами, въ которыхъ онъ видитъ присутствіе созданныхъ его воображеніемъ незримыхъ существъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ обнаруживается стараніе умилостивить эти существа и расположить ихъ къ себѣ. Здѣсь выражается покорность и преклоненіе человѣка передъ подавляющей его физической силой; поэтому, образы

представляющіе олицетвореніе этой силы конечны и ограниченны. Наиболѣе высокую степень религіозное чувство представляетъ, когда божества являются носителями нравственныхъ качествъ. На этой ступени религіозное чувство приходитъ въ связь съ моральнымъ чувствомъ. Къ грубому чувству страха присоединяются чувства удивленія и благоговѣнія, а эти чувства находятся въ зависимости отъ развитія чувства симпатіи. Дальнѣйшее развитіе религіознаго сознанія совершается въ связи съ развитіемъ познанія. Отдѣльные существа сливаются въ представленіе о единомъ, всемогущемъ существѣ, которое управляетъ міромъ. Существо это является выразителемъ идеи всесовершенства; оно утрачиваетъ матеріальный образъ и изъ конечнаго и ограниченнаго становится безконечнымъ, безграничнымъ. Существенный недостатокъ теоріи заключается такъ-же, какъ и въ объясненіи происхожденія моральнаго чувства, въ томъ, что она, выводя религіозное чувство изъ низшихъ формъ животнаго сознанія, не уясняетъ намъ того, какимъ образомъ эти низшія формы превращаются въ высшія. Такимъ образомъ, и здѣсь, принявъ теорію происхожденія и развитія религіознаго чувства изъ опыта путемъ постепенной эволюціи, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны признать существованіе религіозной основы, составляющей свойство духовной природы человѣка, безъ которой развитіе религіознаго чувства является дѣломъ невозможнымъ.

Глава XXVIII.

Интеллектуальное чувство.

Понятіе интеллектуальнаго чувства. Интеллектуальное чувство, какъ результатъ непосредственной связи чувствъ съ познавательными процессами. Сущность интеллектуальнаго чувства и его опредѣленіе. Основные виды интеллектуальнаго чувства. 1. *Чувство сходства и различія.* Опредѣленіе чувства сходства. Примѣры. Чувство истины, какъ особая форма чувства сходства. Опредѣленіе чувства

различія Двоякое направленіе этого чувства (чувство новизны, чувство противорѣчія). Примѣры. Чувство удивленія и его значеніе въ психической жизни. 2. *Чувства сомнѣнія и увѣренности.* Сомнѣніе, какъ состояніе, предшествующее увѣренности. Важное значеніе чувства сомнѣнія. Понятіе чувства увѣренности. Примѣры. 3. *Чувство любознательности.* Сущность этого чувства. Высшая степень развитія чувства любознательности. **Происхожденіе интеллектуальнаго чувства.** Утилитарность первоначальнаго познанія. Развитіе соціальнаго чувства въ связи съ соціальнымъ развитіемъ.

Понятіе интеллектуальнаго чувства. Анализъ познавательныхъ процессовъ обнаруживаетъ связь ихъ съ чувствами. Такъ напр., процессъ воспріятія можетъ сопровождаться чувствомъ. Если я, воспринимая какой-либо предметъ, узнаю въ немъ нѣчто для меня знакомое, то я могу испытывать вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное чувство; напротивъ того, неузнаваніе вызываетъ во мнѣ неудовольствіе. То же самое наблюдается и при воспоминаніи. Легкость воспоминанія сопровождается чувствомъ удовольствія; трудность же воспоминанія непріятна, а иногда бываетъ и мучительна. Тѣ же явленія наблюдаются и въ дѣятельности воображенія и мышленія. Всѣ чувства, непосредственно вызываемыя познавательными процессами, носятъ особый характеръ и могутъ быть названы въ отличіе отъ другихъ чувствъ *интеллектуальными* или *логическими чувствами.* Если вникнуть въ сущность этихъ чувствъ, то окажется, что непосредственнымъ источникомъ ихъ служитъ взаимодѣйствіе различнаго рода представленій, внутреннее ихъ отношеніе, независимо отъ практическаго значенія. Это внутреннее отношеніе представленій *само по себѣ* можетъ вызывать пріятныя и непріятныя чувства. Поэтому интеллектуальное чувство можетъ быть опредѣлено иначе, какъ чувство, возбуждаемое внутреннимъ отношеніемъ представленій. Къ основнымъ интеллектуальнымъ чувствамъ относятся: 1) чувство сходства и различія, 2) чувство увѣренности и сомнѣнія, 3) чувство любознательности и др. Разсмотримъ нѣкоторыя изъ нихъ.

1. Подъ *чувствомъ сходства* разумѣется то чувство удовольствія, которое испытываетъ человѣкъ, открывая сходство между какими-либо представленіями. Въ простѣйшемъ видѣ чувство это связывается съ процессомъ узнаванія. Намъ пріятно бываетъ, когда мы въ предметѣ узнаемъ сходство съ прежде пережитыми воспріятіями. Таково напр., чувство при встрѣчѣ съ человѣкомъ, котораго мы раньше знали только по портрету, или при посѣщеніи мѣстности, которая извѣстна намъ по описанію, или похожа на какую-либо другую, знакомую намъ мѣстность. Житель Кавказа часто испытываетъ это чувство, путешествуя по Швейцаріи. Особенно рельефно обнаруживается удовольствіе, когда раскрытіе сходства сопровождается нѣкоторымъ затрудненіемъ, иначе говоря, когда удовольствію предшествуетъ нѣкоторое страданіе. Особенно пріятно, напр., обнаруженіе сходства между предметами и явленіями, которые съ перваго раза кажутся разнородными и несовмѣстимыми. Этимъ объясняется то пріятное чувство, которое мы испытываемъ отъ остротъ, разнаго рода тропическихъ выраженій, каламбуровъ, загадокъ и т. п. Особую форму чувства сходства представляетъ чувство удовольствія, которое мы испытываемъ отъ сознанія согласія нашихъ мыслей съ дѣйствительностью. Такое сознаніе есть то, что мы называемъ истиною; поэтому и связанное съ нимъ чувство можетъ быть названо *чувствомъ истины*.

Чувствомъ различія мы называемъ то чувство, которое мы испытываемъ при раскрытіи различія, несходства, несогласія между представленіями. Если замѣчаемое несходство не велико, то чувство различія осложняется чувствомъ новизны и принимаетъ пріятный характеръ. Сравнивая между собою два сходные въ общихъ признакахъ предмета или явленія, мы съ удовольствіемъ останавливаемся на чертахъ несходныхъ. Такъ напр., сравнивая сына съ умершимъ отцомъ, котораго хорошо знали, мы прежде всего останавливаемся

на чертахъ сходныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ достаточнымъ интересомъ отмѣчаемъ и черты несходныя, испытывая приэтомъ пріятное чувство. То же самое чувство сопровождаетъ собою сравненіе, напр., мыслей писателей, ученыхъ, музыкальныхъ произведеній и т. п. Но если несходство велико и выражается въ формѣ того, что мы называемъ «противорѣчіемъ», то чувство различія принимаетъ непріятный характеръ. Мы съ неудовольствіемъ встрѣчаемъ все то, что противорѣчитъ нашимъ убѣжденіямъ, взглядамъ, привычкамъ, вкусамъ и т. п. Такое же непріятное чувство производитъ въ насъ отсутствіе согласія, послѣдовательности и связи въ мысляхъ. Безтолковая, логически нескладная рѣчь, независимо отъ своего содержанія, производитъ на насъ непріятное впечатлѣніе, вызываетъ неудовольствіе. Неожиданность противорѣчія, несогласіе новыхъ фактовъ съ привычными намъ вызываетъ въ чувствѣ различія осложненіе; результатомъ этого является *чувство удивленія*. Чувство это, смотря по характеру отношенія между сопоставляемыми представленіями, можетъ быть и пріятнымъ и непріятнымъ. Такъ напр., необычайное явленіе природы своею красотою и величіемъ вызываетъ въ насъ чувство пріятнаго удивленія; напротивъ того, всякое рѣзкое отступленіе отъ знакомыхъ и привычныхъ для насъ формъ чего бы то ни было, въ особенности, когда это отступленіе принимаетъ форму уродства, возбуждаетъ чувство непріятнаго удивленія. Неожиданный поступокъ какого-либо человѣка, противорѣчащій его нравственной физіономіи, непріятно насъ удивляетъ. Чувство удивленія часто становится источникомъ пытливости, стремленія къ познанію. Недаромъ знаменитый мудрецъ древности Платонъ назвалъ удивленіе началомъ философіи.

2. Въ связи съ чувствомъ сходства и различія находятся *чувства сомнѣнія и увѣренности*. При разсмотрѣніи сужденій было выяснено, что необходимымъ условіемъ состо-

ятельности сужденія служитъ увѣренность въ дѣйствительности выражаемаго этимъ сужденіемъ отношенія между представленіями или понятіями. Этой увѣренности предшествуетъ психическое состояніе неизвѣстности, которое было названо сомнѣніемъ. И дѣйствительно, при возникновеніи сужденій часто взаимныя отношенія между сопоставляемыми представленіями бываютъ для насъ неясны, неопредѣленны; мы затрудняемся, на чемъ остановиться; теряемся въ догадкахъ, противорѣчіяхъ; это состояніе отличается неопредѣленнымъ характеромъ и носитъ общее названіе чувства сомнѣнія. Чувство это одно изъ важнѣйшихъ интеллектуальныхъ чувствъ; оно является естественнымъ и неизбѣжнымъ спутникомъ человѣческой мысли; поэтому его слѣдуетъ признать состояніемъ болѣе или менѣе развитаго сознанія. На низшихъ ступеняхъ умственнаго развитія сомнѣніе замѣняется *чувствомъ растерянности*. Поэтому сомнѣніе для здороваго и развитаго ума является побудительнымъ мотивомъ къ исканію истины. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ чувство сомнѣнія принимаетъ болѣзненное направленіе; оно становится господствующимъ душевнымъ состояніемъ мучительнаго характера.

Чувству сомнѣнія противоположно *чувство увѣренности*. Оно обыкновенно приходитъ на смѣну сомнѣнію и представляетъ собою пріятное состояніе спокойствія, связанное съ сознаніемъ ничѣмъ не нарушаемой гармоніи нашихъ мыслей. Это состояніе прекрасно выражено Лермонтовымъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Съ души, какъ бремя, скатится
Сомнѣнье далеко—
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко.

3. Къ интеллектуальнымъ чувствамъ относится также *чувство любознательности*. Всякій познавательный процессъ, если онъ совершается легко, безъ затрудненій, сопровождается

болѣе или менѣе пріятнымъ чувствомъ. Но особенное удовольствіе мы испытываемъ, когда познавательные процессы направлены на пріобрѣтеніе знаній. Чувство, связанное съ пріобрѣтеніемъ новыхъ знаній, и есть то чувство, которое называется любознательностью. Сюда относится то удовольствіе, которое доставляютъ человѣку всякаго рода новые факты и открытія. При высокомъ интеллектуальномъ развитіи, чувство любознательности принимаетъ болѣе обширный и идейный характеръ и выражается въ безкорыстной и самоотверженной любви къ знаніямъ «ради самихъ знаній», иначе говоря, къ наукѣ.

Происхожденіе интеллектуальнаго чувства. Что касается происхожденія интеллектуальнаго чувства, то относительно этого теорія развитія даетъ слѣдующее объясненіе. Первоначальное познаніе носитъ утилитарный, практическій характеръ: знанія цѣнятся, какъ средства, которыми обезпечивается существованіе; слѣдовательно, они служатъ инстинкту самосохраненія. Чувство, связанное на этой ступени развитія съ познаніемъ, не имѣетъ характера интеллектуальнаго чувства, но является основой, зародышемъ его. Дальнѣйшее соціальное развитіе смягчаетъ грубость и жестокость борьбы за существованіе; вмѣстѣ съ тѣмъ и познаніе перестаетъ служить орудіемъ инстинкта самосохраненія и начинаетъ отвѣчать духовнымъ запросамъ и потребностямъ. Знанія, помимо практическаго значенія, пріобрѣтаютъ самостоятельный интересъ, утрачиваютъ исключительное значеніе средства, а становятся цѣлью. Тогда-то и возникаетъ собственно интеллектуальное чувство.

Глава XXIX.

Эстетическое чувство.

Понятіе эстетическаго чувства. Случаи возникновенія эстетическаго чувства. Характерныя свойства эстетическаго чувства. Красота—источникъ эстетическаго чувства. Примѣры. Опредѣленіе эстетическаго чувства. Чувство отвращенія. Чѣмъ обусловливается пониманіе красоты? **Виды эстетическаго чувства.** Сложность эстетическаго чувства и подраздѣленіе его на основныя группы. 1. *Элементарныя эстетическія чувства.* Происхожденіе и сущность ихъ. а. *Чувство ритма;* опредѣленіе этого чувства и объясненіе его происхожденія. б. *Чувство гармоніи.* Понятіе гармоніи. Симметрія и пропорціональность. Причина чувства гармоніи. в. *Чувство граціозности.* Понятіе о граціозныхъ и неграціозныхъ движеніяхъ. Причина чувства граціозности. 2. *Высшія эстетическія чувства.* Сущность высшаго эстетическаго чувствованія. Примѣры. Сложность высшихъ эстетическихъ чувствъ. Характерныя высшія эстетическія чувства. а. *Чувство высокаго.* Понятіе его, происхожденіе и развитіе. б. *Чувство смѣшного.* Смѣхъ—физическое выраженіе этого чувства. Физіологическое объясненіе смѣха. Причины смѣха. Особенность смѣха, вызываемаго чувствомъ смѣшного. Опредѣленіе и происхожденіе смѣшного. Примѣры. Элементы чувства смѣшного. эгоизмъ и симпатія. Сатира и юморъ. **Отношеніе между чувствомъ высокаго и чувствомъ смѣшного.** Сходство: общность основанія обоихъ чувствъ. Различіе: отношеніе взаимнаго контраста. **Происхожденіе эстетическаго чувства.** Утилитарность первоначальнаго чувства красоты. Развитіе эстетическаго чувства въ зависимости отъ развитія симпатіи. Физіологическое объясненіе происхожденія эстетическаго чувства.

Понятіе эстетическаго чувства. Когда мы созерцаемъ нѣкоторые предметы и явленія природы, дѣянія людскія, а также произведенія искусствъ: смотримъ статую, картину, слушаемъ музыкальную пьесу, читамъ поэтическое сочиненіе, то мы испытываемъ особаго рода пріятныя чувствованія, которыя носятъ общее названіе *эстетическаго чувства.* Чувство это отличается особымъ характеромъ, особой окраской; его нельзя смѣшивать съ чувствомъ простого удовольствія. Мнѣ пріятно, когда я ѣмъ вкусное блюдо; мнѣ также пріятно, когда я вижу знакомое лицо; но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, испытываемое мною удовольствіе не можетъ

быть названо эстетическимъ чувствомъ, оно не имѣетъ того характера, той окраски, какою отличается, напр., чувство, которое испытываетъ человѣкъ, смотря на закатъ солнца или слушая разсказъ о подвигѣ какого-либо героя. Кромѣ того, эстетическое чувство отличается тѣмъ, что оно не связывается съ сознаніемъ полезности того предмета, которымъ оно вызывается. Много есть предметовъ, пользу которыхъ мы сознаемъ, однако они не возбуждаютъ въ насъ эстетическаго чувства. Наконецъ, характерною особенностью эстетическаго чувства служитъ его широкая соціальность. Эстетическое наслажденіе есть такое наслажденіе, которымъ неограниченное число людей можетъ пользоваться сообща; приэтомъ коллективное созерцаніе не только не ослабляетъ наслажденія, но усиливаетъ его посредствомъ обмѣна симпатическихъ впечатлѣній. Въ то время какъ удовольствіе, получаемое отъ предметовъ полезныхъ, отличается эгоистическимъ характеромъ и влечетъ за собою соперничество и даже вражду, эстетическое наслажденіе, возбуждаемое созерцаніемъ предметовъ природы и произведеній искусствъ, является доступнымъ множеству людей и сопровождается взаимнымъ сочувствіемъ.

Такимъ образомъ, эстетическое чувство есть особаго рода эмоція, которую наше сознаніе ясно отличаетъ отъ всѣхъ другихъ чувствованій. Что же придаетъ этому чувству отличительный характеръ? Обратимся къ примѣрамъ. Я любуюсь видомъ природы. Что въ данномъ случаѣ доставляетъ мнѣ удовольствіе? Сочетаніе красокъ, цвѣтовъ, очертанія и формы предметовъ и ихъ взаимныя отношенія въ пространствѣ. Все это въ совокупности я называю красивымъ. Въ другомъ случаѣ я наслаждаюсь, слушая музыкальное произведеніе. Мнѣ нравится извѣстное слѣдованіе тоновъ, т. е. ихъ мелодическое движеніе; нравится также мнѣ ихъ совмѣстное звучаніе, гармонія звуковъ, а также ихъ относительная другъ къ другу продолжительность, т. е. ритмическій распорядокъ;

нравятся мнѣ и звуковые оттѣнки инструментовъ. Все это я также называю красивымъ. Возьмемъ еще примѣръ. Мнѣ нравятся поступки извѣстнаго лица; причиной этого удовольствія служатъ душевныя свойства человѣка, ихъ гармоническое сочетаніе и способы обнаруженія. Такой характеръ я опять таки называю красивымъ. Такимъ образомъ, источникомъ эстетическаго чувства служитъ все то, что мы называемъ красивымъ; поэтому *эстетическимъ чувствомъ мы назовемъ всѣ тѣ чувствованія, которыя связываются съ представленіями о красотѣ предметовъ*. Все, что признается нами красивымъ. носитъ названіе прекраснаго. Отсюда эстетическое чувство можетъ быть названо еще *чувствомъ красоты* или *чувствомъ прекраснаго*. Эстетическому удовольствію соотвѣтствуетъ противоположное чувство неудовольствія, даже отвращенія, которое возбуждается всѣмъ тѣмъ, что противорѣчитъ нашимъ представленіямъ красоты.

Здѣсь представляется естественнымъ вопросъ, чѣмъ обусловливается наше пониманіе красоты? Всѣ признавали и признаютъ существованіе въ человѣкѣ идеи прекраснаго, которая и служитъ точкой отправленія, когда мы признаемъ тотъ или иной предметъ красивымъ. Было время, когда красота представлялась особымъ началомъ, сущностью, которая имѣетъ объективное міровое существованіе и отражается въ человѣкѣ, какъ прирожденная идея. Впослѣдствіи установился тотъ взглядъ, что идея красоты—явленіе сложное, образовавшееся путемъ опыта и навыка. Личныя впечатлѣнія и условія общественной жизни способствовали образованію типическихъ представленій красоты. Совокупность этихъ представленій и составляетъ идею красоты; ими обусловливается наше пониманіе прекраснаго.

Виды эстетическаго чувства. Эстетическое чувство—чувство чрезвычайно сложное. Подъ это понятіе подходитъ множество разнообразныхъ и смѣшанныхъ чувствованій,

которыя могутъ быть подраздѣлены на двѣ основныя группы: 1) элементарныя чувства и 2) чувства высшаго порядка.

1. *Элементарныя эстетическія чувства.* Мы уже знаемъ, что ощущенія могутъ отличаться эмоціональнымъ характеромъ, или, какъ говорятъ, могутъ имѣть эмоціональный тонъ. Удовольствіе, испытываемое нами отъ того или другого ощущенія можетъ быть связано съ чувствомъ красоты; тогда эмоціональный тонъ ощущенія получаетъ эстетическій характеръ. Такъ напр., то или другое сочетаніе цвѣтовъ признается нами красивымъ и вызываетъ удовольствіе; то же можно сказать о сочетаніи звуковъ, о различнаго рода движеніяхъ и т. д. Всѣ тѣ эстетическія чувства, которыя возникаютъ въ связи съ ощущеніями и воспріятіями, слѣдуетъ признать за простѣйшія или элементарныя. Изъ нихъ достойны примѣчанія слѣдующія.

а. *Чувство ритма.* Подъ этимъ чувствомъ разумѣется то чувство, которое возбуждается въ насъ правильнымъ чередованіемъ однородныхъ ощущеній; сюда относится періодическая смѣна звуковъ различной длительности или силы въ музыкѣ, движеній въ танцахъ и т. п. Чувство ритма находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что правильная повторяемость впечатлѣній вызываетъ чувство ожиданія, которое быстро и легко разрѣшается пріятнымъ чувствомъ удовлетворенія; рядъ такихъ смѣнъ и даетъ въ совокупности эстетическое чувство, которое мы называемъ чувствомъ ритма.

б. *Чувство гармоніи.* Это чувство вызывается такими сочетаніями однородныхъ явленій, которыя признаются нами красивыми. Таковы извѣстныя сочетанія звуковъ, цвѣтовъ, формъ и движеній. Такъ напр., въ области зрительныхъ ощущеній обращаетъ на себя вниманіе гармонія цвѣтовъ. Извѣстныя сочетанія цвѣтовъ признаются гармонирующими, а именно, цвѣтовъ дополнительныхъ (краснаго и зеленаго, голубого и оранжеваго, желтаго и фіолетоваго). Что составляетъ причину гармоніи цвѣтовъ, остается вопросомъ до сихъ поръ необъ-

ясненнымъ. Въ области звуковъ красивыми считаются сочетанія тѣхъ тоновъ, которые по числу колебаній находятся между собою въ простѣйшихъ отношеніяхъ. Таковы: октава — сочетаніе тоновъ, отношеніе которыхъ выражается, какъ 1 : 2, квинта (2 : 3), кварта (3 : 4). Гармонія формъ и движеній носитъ названіе симметріи. Собственно симметричными мы называемъ такія формы, гдѣ цѣлое дѣлится на части, равныя и одинаково одна къ другой расположенныя. Симметричны всѣ правильныя геометрическія фигуры, симметрично человѣческое тѣло, дѣлящееся на двѣ равныя половины. Симметрія формъ дополняется пропорціональстью частей. Въ этомъ отношеніи наиболѣе красивыми представляются намъ формы, въ которыхъ соотношеніе частей основано на правилѣ такъ называемаго «золотого дѣленія». По этому правилу, цѣлое должно относиться къ своей большей части такъ, какъ большая относится къ меньшей. Образцомъ формъ, основанныхъ на этомъ дѣленіи, можетъ служить человѣческое тѣло. Нарушеніе этого правила дѣлаетъ его некрасивымъ. Причину удовольствія, получаемаго отъ созерцанія гармоніи и симметріи, надо искать въ легкости воспріятія формъ, которыя отличаются правильностью и соразмѣрностью частей. Обозрѣніе формъ неправильныхъ и несоразмѣрныхъ въ своихъ частяхъ требуетъ сравнительно большаго напряженія, большей траты энергіи, а потому и не можетъ вызывать пріятнаго чувства.

в. *Чувство граціозности.* Свойство граціозности примѣняется главнымъ образомъ, къ различнаго рода движеніямъ. Граціозными мы называемъ тѣ движенія, которыя отличаются плавностью, легкостью и потому представляются намъ красивыми; имъ противополагаются движенія неуклюжія, которыя отмѣчаются угловатостью, рѣзкостью и принужденностью. Впечатлѣнія, получаемыя отъ граціозныхъ и неуклюжихъ движеній, можно сравнить съ впечатлѣніями отъ волнообразныхъ и ломанныхъ линій. Кривая линія съ своими постепенными

переходами не утомляетъ нашего глаза, воспріятіе ея совершается съ легкостью, и она кажется намъ красивой. Напротивъ того, ломанная линія своими рѣзкими, угловатыми изгибами дѣйствуетъ утомляющимъ образомъ на глаза и потому представляется намъ некрасивой.

2. *Высшія эстетическія чувства.* Разсмотрѣніе элементарныхъ эстетическихъ чувствъ показало намъ, что въ простѣйшемъ видѣ эстетическое удовольствіе является результатомъ непосредственнаго возбужденія физическаго органа и имѣетъ чувственный характеръ. Таково удовольствіе, получаемое отъ цвѣта, звука, красивой линіи и т. п. Болѣе высокую степень эстетическаго удовольствія представляетъ удовольствіе, вызываемое воспріятіями красивыхъ комбинацій, сочетаній, каковы напр., ритмическая послѣдовательность звуковъ, гармонія цвѣтовъ, симметрія и пропорціональность формъ, граціозность движеній. Здѣсь преобладающимъ элементомъ является также удовольствіе чувственное. Но эстетическое чувство не ограничивается воспріятіемъ физической красоты. Существуетъ высшая степень эстетическаго наслажденія, когда воспріятіе физической красоты пополняется душевными состояніями; это придаетъ эстетическому чувству чрезвычайно разнообразную окраску. Получаются высшія эстетическія чувствованія. Сущность ихъ состоитъ въ томъ, что различнаго рода ощущенія и воспріятія могутъ ассоціироваться съ тѣми или иными представленіями. Совокупное дѣйствіе тѣхъ и другихъ элементовъ является источникомъ эстетическаго чувства. Такъ напр., при слушаніи музыкальной пьесы, смотря по характеру ея, по ассоціаціи могутъ возникнуть различныя представленія о предметахъ и явленіяхъ граціозныхъ, трогательныхъ, нѣжныхъ, величественныхъ и др. Результатомъ этого является эстетическое чувство весьма сложнаго характера и своеобразной окраски. Подъ впечатлѣніемъ журчанья ручья воображеніе Лермонтова создало представленіе о существѣ, которое разсказываетъ сагу про

мирный край. Это явилось источникомъ сложнаго эстетическаго чувства, внесшаго міръ и гармонію въ тревожную душу поэта. («Когда волнуется желтѣющая нива»).

Изъ разнообразныхъ высшихъ эстетическихъ чувствъ разсмотримъ два: а) чувство высокаго и б) чувство смѣшного.

а. *Чувство высокаго.* Подъ чувствомъ высокаго или возвышеннаго мы подразумѣваемъ то чувство, которое связывается съ воспріятіемъ или представленіемъ всего, что мы признаемъ великимъ. Великимъ же мы признаемъ то, чего не можемъ охватить или съ трудомъ охватываемъ при созерцаніи. Такъ дѣйствуютъ на насъ многія явленія и феномены природы: высокія горы, необозримыя пустыни, безбрежное море, звѣздное небо, огнедышащія горы, большіе водопады и т. п. Такое же впечатлѣніе производятъ на насъ представленія о безконечномъ времени. Первоначальнымъ же объектомъ чувства высокаго считаютъ мощь, силу, величіе человѣка. Сознаніе силы другого человѣка, превосходящей нашу собственную, благодаря симпатическому чувству, возбуждаетъ чувство восторга. Затѣмъ это чувство распространяется на предметы и явленія бездушной природы, которые человѣкъ какъ-бы олицетворяетъ. Необъятность величія дѣйствуетъ на человѣка поражающимъ и вмѣстѣ подавляющимъ образомъ. Поэтому чувство высокаго въ своей простѣйшей формѣ слагается изъ элементовъ удивленія и отчасти страха. Развитіе интеллекта и симпатическаго чувства сообщаетъ чувству высокаго болѣе облагороженный характеръ. Эгоистическое чувство страха и безсознательнаго удивленія смѣняется сознательнымъ чувствомъ восторга съ исключительныхъ характеромъ эстетическаго удовольствія.

б. *Чувство смѣшного.* Къ области эстетическихъ чувствъ слѣдуетъ отнести также чувство смѣшного или комическое чувство. Физическимъ выраженіемъ этого чувства служитъ смѣхъ. Какъ физическое явленіе, смѣхъ представляетъ рефлективныя мышечныя движенія, которыя есть результатъ

дѣйствія нервной энергіи, ищущей себѣ выхода. Сначала приходятъ въ движеніе лицевые мускулы, какъ наиболѣе мелкіе и подвижные; при болѣе сильномъ возбужденіи приходятъ въ усиленное движеніе дыхательные мускулы; при дальнѣйшемъ усиленіи возбужденія, движенія распространяются и на другіе мускулы (движенія рукъ, откидываніе назадъ головы, выгибаніе спины и др.). Однако смѣхъ не есть исключительное выраженіе чувства смѣшного. Причины смѣха весьма многоразличны. Во 1-хъ, смѣхъ можетъ возникать отъ причинъ физическаго характера, напр., отъ холода, щекотанья, въ припадкѣ истеріи и т. п. Во 2-хъ, смѣхъ служитъ выраженіемъ весьма разнообразныхъ формъ пріятныхъ психическихъ состояній; смѣемся мы и отъ избытка силъ и отъ чувства простого удовольствія; смѣемся, когда намъ весело, или при какой-либо радостной вѣсти и т. д. Инымъ характеромъ отличается смѣхъ, вызываемый чувствомъ смѣшного, что объясняется особенностью какъ психологическихъ, такъ и физіологическихъ причинъ его возникновенія. Однако объясненіе подобнаго рода смѣха представляетъ большія затрудненія. Трудность эта зависитъ отъ трудности опредѣленія смѣшного. Первая серьезная попытка опредѣлить смѣшное принадлежитъ Аристотелю. Подъ смѣшнымъ онъ разумѣлъ все порочное, пошлое, безобразное. Но не всякое безобразіе можетъ возбуждать смѣхъ. Существеннымъ признакомъ смѣшного Аристотель считалъ его безболѣзненность. Всякій недостатокъ или безобразіе, чтобы быть смѣшными, не должны вызывать страданія, не должны грозить своему носителю вредомъ или смертью. Смѣшная маска, говоритъ Аристотель, есть изображеніе лица безобразнаго и искаженнаго, но безъ боли. Со временъ Аристотеля объясненіе смѣшного мало подвинулось впередъ. Смѣшное опредѣляютъ обыкновенно, какъ нѣчто такое, что вызываетъ въ насъ сознаніе несообразности. Однако такое объясненіе нельзя считать удовлетворительнымъ. Много можно привести примѣровъ несообраз-

ности, которые не производятъ впечатлѣнія смѣшного и не сопровождаются смѣхомъ. Кромѣ того, остается неразрѣшеннымъ вопросъ, почему сознаніе несообразности сопровождается смѣхомъ. Наиболѣе естественнымъ объясненіемъ причины смѣха, сопровождающаго собою чувство комическаго, представляется слѣдующее. Чувству смѣшного предшествуетъ какое-либо иное психическое состояніе. Состояніе это во многихъ случаяхъ можетъ быть серьезное, направленное на созерцаніе или ожиданіе чего-либо важнаго. Такое состояніе сопровождается соотвѣтствующимъ напряженіемъ нервной системы. Вдругъ происходитъ явленіе, которое своею неважностью противорѣчитъ нашему душевному настроенію; происходитъ столкновеніе двухъ впечатлѣній, изъ которыхъ одно уничтожаетъ то, что создало другое. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно произойти и разряженіе нервнаго напряженія, но, конечно, въ совершенно иномъ направленіи. Разряженіе это осуществляется посредствомъ сложныхъ мускульныхъ движеній, которыя и вызываютъ явленіе, называемое смѣхомъ. Поясникъ это примѣромъ. Я иду по улицѣ. Навстрѣчу мнѣ идетъ красивый, изящно одѣтый господинъ. Я обратилъ на него вниманіе; видъ его возбудилъ во мнѣ эстетическое чувство удовольствія. Вдругъ господинъ спотыкается и падаетъ. Эта неожиданность, дисгармонирующая съ моимъ душевнымъ состояніемъ, вызываетъ во мнѣ иное состояніе, которое парализуетъ собою предшествующее. Вмѣстѣ съ тѣмъ нервное напряженіе разряжается попосредствомъ движеній, производящихъ смѣхъ. Такимъ образомъ, смѣшное находитъ себѣ психологическое объясненіе въ контрастѣ впечатлѣній: съ одной стороны, серьезнаго и важнаго, а съ другой—, ничтожнаго, неважнаго. Такъ объясняется чувство смѣшного, возбуждаемое многими анекдотами, остротами, эпиграммами.

Анализъ чувства смѣшного показываетъ, что въ основаніи его могутъ лежать два элемента: эгоистическій и симпа-

тическій. Сообразно съ этимъ, чувство это принимаетъ двоякое направленіе. Тѣ или иные предметы и явленія могутъ возбуждать въ насъ озлобленіе, негодованіе, ненависть. Если чувство смѣшного возникаетъ на подкладкѣ этихъ чувствъ, то чувство смѣшного принимаетъ характеръ *насмѣшки*, *сатиры*. Но чувство смѣшного можетъ возникать въ связи съ сознаніемъ существованія въ объектѣ смѣха и положительныхъ чертъ, того, что мы признаемъ серьезнымъ, важнымъ. Тогда чувство смѣшного является на подкладкѣ симпатіи и называется *юморомъ*.

Отношеніе между чувствомъ высокаго и чувствомъ смѣшного. Какъ ни различны между собою чувства высокаго и смѣшного, однако изъ анализа послѣдняго видно, что оба эти чувства опираются на одно и тоже основаніе и имѣютъ общую точку соприкосновенія. Основаніемъ для нихъ служитъ отношеніе между важнымъ и неважнымъ, между великимъ и мелкимъ. Различіе же этихъ чувствъ заключается въ противоположности точекъ отправленія. Поэтому чувства эти находятся въ отношеніи взаимнаго контраста. Созерцаніе міра приводитъ человѣка къ сознанію, что міръ этотъ есть разнообразное соединеніе важнаго и неважнаго, великаго и мелкаго, ничтожнаго. Сознаніе это служитъ источникомъ смѣшаннаго чувства. Чувство это основано на созерцаніи указанныхъ противоположностей въ ихъ совокупномъ существованіи; въ искусствѣ оно принимаетъ форму того, что называютъ *траги-комическимъ чувствомъ*.

Происхожденіе эстетическаго чувства. Первоначально чувство красоты, какъ полагаютъ, имѣло, подобно интеллектуальному чувству, утилитарный характеръ и находилось въ связи съ инстинктомъ самосохраненія. Начало этого чувства коренится въ тѣхъ инстинктахъ, которые способствуютъ сохраненію какъ индивидуума, такъ и рода. Оно нашло себѣ первоначальное выраженіе въ связи съ половымъ ин-

стинктомъ. Зародышъ чувства красоты наблюдается въ мірѣ животныхъ; цвѣта, звуки, размѣренныя, граціозныя движенія являются привлекающими средствами во время полового подбора. На этой ступени чувство красоты является лишь орудіемъ, служащимъ другой цѣли. Дальнѣйшее развитіе эстетическаго чувства находится въ зависимости отъ развитія симпатіи. Послѣдняя, сообщая ему безкорыстный характеръ, освобождаетъ его отъ практическихъ расчетовъ и дѣлаетъ его самостоятельною цѣлью. Человѣкъ пріобрѣтаетъ склонность наслаждаться созерцаніемъ красоты безъ всякаго соображенія съ тѣмъ, полезна ли она ему въ какомъ-нибудь отношеніи, или нѣтъ. Съ физіологической точки зрѣнія эстетическое чувство объясняется потребностью дать выходъ тому излишку энергіи, который не истрачивается въ борьбѣ за жизненное существованіе. Когда насущныя жизненныя потребности удовлетворены, то, при запасѣ энергіи, обыкновенно чувствуется потребность въ движеніяхъ ради самихъ движеній. Если животное сыто, чувствуетъ бодрость и ему не угрожаетъ опасность, то оно играетъ и, такимъ образомъ, въ движеніяхъ находитъ исходъ избытку накопившейся энергіи. То же самое объясненіе находятъ себѣ различнаго рода физическія игры, которыми занимаются люди во время досуга. Интеллектуальное развитіе даетъ этому матеріалу разнообразное направленіе.

Глава XXX.

Характеръ и направленіе чувствъ въ зависимости отъ ихъ интенсивности.

Количественная сторона чувствъ и ея значеніе. Подраздѣленіе чувствъ на аффекты, страсти и настроенія. Аффекты. Опредѣленіе аффектовъ и признаки ихъ. Анализъ чувства гнѣва. Страсти. Различныя пониманія страстей. Различіе между страстью и аффектомъ. Примѣръ. Отличительныя свойства страстей. Связь между страстями и аффек-

тами. Страсти порочныя и благородныя. **Настроенія.** Опредѣленіе настроеній и отличительныя свойства ихъ. Сложность настроеній. Виды настроеній и причины ихъ происхожденія. Значеніе настроеній въ жизни человѣка.

Мы познакомились съ качественной стороной чувствъ, которая, какъ видѣли, обусловливается связью чувства съ тѣми или иными познавательными элементами. Но помимо качественной стороны, въ чувствахъ слѣдуетъ различать и количественную, т. е. различную степень силы и напряженія. Это различіе въ силѣ сообщаетъ чувствамъ различный характеръ и направленіе. Въ этомъ отношеніи чувства подраздѣляются на *аффекты*, *страсти* и *настроенія*.

Аффекты. Чувства, достигающія высшей силы и напряженія обыкновенно называются *аффектами*. Высокая интенсивность чувства сообщаетъ ему особый характеръ. Отличительныя свойства аффектовъ слѣдующія: внезапность и неожиданность возникновенія, скоротечность, нарушеніе правильной дѣятельности ума и рѣзкость внѣшнихъ выраженій. Представимъ себѣ, напр., человѣка въ состояніи сильнаго гнѣва. Состояніе это имѣетъ припадочный характеръ. Оно возникаетъ внезапно и совершенно неожиданно, т. е. безъ всякаго участія воли. Чѣмъ сильнѣе взрывъ гнѣва, тѣмъ быстрѣе онъ проходитъ. Здѣсь, можно сказать, осуществляется физическій законъ отношенія между силою и временемъ: что теряется въ силѣ, то выигрывается во времени. Въ состояніи сильнаго гнѣва нарушается нормальное теченіе представленій, оно принимаетъ исключительный характеръ: наше воображеніе рисуетъ намъ только дурныя стороны предмета, возбудившаго въ насъ гнѣвъ; поэтому человѣкъ теряетъ способность правильнаго сужденія. Наконецъ, припадокъ сильнаго гнѣва выражается рѣзкими тѣлесными знаками: выпрямляется станъ, расширяются глаза, руки сжимаются въ кулаки и приходятъ въ движеніе, какъ-бы готовясь нанесть удары.

Страсти. Страсть, какъ психическое состояніе, различными психологами понимается различно. Одни изъ нихъ подъ страстью разумѣютъ всякое страдательное состояніе сознанія, которое возникаетъ въ насъ и овладѣваетъ нами безъ участія воли. Это—широкое пониманіе страсти, куда войдутъ самыя разнообразныя психическія состоянія. Другіе психологи страсти отождествляютъ съ аффектами. На такомъ пониманіи страсти основаны напр., выраженія: «страстный человѣкъ», «преступленіе совершено подъ вліяніемъ страсти» и т. п. Третьи считаютъ страсти явленіями волевой стороны душевной жизни. По ихъ мнѣнію, страсти суть желанія и склонности, принявшія привычный характеръ. Наконецъ, нѣкоторые психологи относятъ страсти къ отдѣлу чувствъ. Страсти это тѣ же эмоціи, которыя, вслѣдствіе частаго повторенія, становятся привычными. Мы придержимся послѣдняго пониманія страстей.

Такимъ образомъ, корнемъ страстей являются тѣ же чувства, что и въ аффектахъ; но страсти, благодаря особымъ условіямъ возникновенія и развитія, существенно отличаются отъ аффектовъ. Для выясненія различія разсмотримъ какой-нибудь примѣръ. Возьмемъ человѣка, одержимаго страстью скупости. Прежде всего скупецъ находится въ состояніи постояннаго внутренняго безпокойства, происходящаго либо изъ чувства корысти, либо изъ чувства опасенія матеріальнаго ущерба; слѣдовательно, въ основѣ его душевнаго состоянія лежитъ чувство. Чувство это связывается съ извѣстнаго рода представленіями, которыя навязчиво преслѣдуютъ скупца и овладѣваютъ всѣмъ его сознаніемъ. Его воображенію постоянно рисуются въ различныхъ комбинаціяхъ лишь тѣ предметы, которые или удовлетворяютъ чувство корысти, или возбуждаютъ боязнь понести утрату. Онъ видитъ передъ собой деньги, драгоцѣнные предметы и испытываетъ удовольствіе; вмѣстѣ съ тѣмъ ему мерещатся воры, грабители; въ каждомъ человѣкѣ онъ подозрѣваетъ злонамѣренное лицо, посягающее

на его добро. Такимъ образомъ, дѣятельность сознанія принимаетъ односторонній, исключительный характеръ. Но жизнь скупца не ограничивается пассивнымъ состояніемъ. Онъ также живетъ стремленіями, желаніями, которыя и старается осуществить; проявленіе страсти въ скупомъ человѣкѣ сопровождается участіемъ воли. Несмотря на то, что чувства скупца могутъ быть сильны, скупцы бываютъ скрытны; страсть ихъ не обнаруживается въ рѣзкихъ физическихъ выраженіяхъ. Всѣ эти моменты состоянія сознанія скупца нашли себѣ прекрасное художественное изображеніе въ «Скупомъ рыцарѣ» Пушкина. Теперь мы можемъ опредѣлить отличительныя свойства страстей. Въ основаніи всякой страсти лежитъ чувство; чувство это связывается съ опредѣленными представленіями, которыя овладѣваютъ всею дѣятельностью сознанія, сообщая ей характеръ исключительности. Вслѣдствіе этого страсти являются привычными, постоянными, намѣренными и сдержанными. Несмотря на различіе, между страстями и аффектами, какъ происходящими изъ одного источника, существуетъ тѣсная связь. Такъ, аффектъ при благопріятныхъ условіяхъ можетъ перейти въ страсть: гнѣвъ—въ месть, печаль—въ тоску. Съ другой стороны, страсть, дойдя до крайней степени интенсивности, можетъ обнаружиться въ формѣ аффекта. Такъ напр., волненія удовольствія или страданія, испытываемыя скупцомъ, могутъ принять острый характеръ и проявиться въ рѣзкихъ, отчетливыхъ физическихъ выраженіяхъ («Скупой рыцарь» Пушкина, «Венеціанскій купецъ» Шекспира).

Вообще страсти, представляя въ большинствѣ случаевъ извращеніе существенныхъ потребностей человѣка (физическихъ и духовныхъ), дурны и получаютъ названія пороковъ. Такъ, потребность въ пищѣ и питьѣ извращается въ обжорство и пьянство, половой инстинктъ развивается въ сладострастіе, желаніе нравиться—въ кокетство, стремленіе къ матеріальному

благополучію — въ скупость и т. д. Но существуютъ и такія страсти, которыя возникаютъ изъ хорошихъ побужденій и инстинктовъ; тогда онѣ принимаютъ благородный и желательный характеръ. Къ такимъ страстямъ относятся, напр., страсть къ знаніямъ, доходящая иногда до самопожертвованія, страсть къ какому-либо искусству («Моцартъ и Сальери» Пушкина), самоотверженная любовь къ родинѣ и т. п. Но и высокія чувства могутъ принимать форму страстей, не заслуживающихъ симпатіи и одобренія. Таковы, напр., религіозный или патріотическій фанатизмъ, въ основаніи котораго лежитъ слѣпая вражда къ иновѣрцамъ и иноплеменникамъ.

Настроенія. Слабыя по интенсивности чувства обыкновенно принято называть *настроеніями*. Вслѣдствіе слабости, настроенія отличаются относительнымъ спокойствіемъ и продолжительностью; этими свойствами они существенно разнятся отъ аффектовъ. Кромѣ того, настроенія въ большинствѣ случаевъ являются состояніями сложными; они формируются изъ нѣсколькихъ разнообразныхъ чувствъ; чувства эти, каждое въ отдѣльности, настолько слабы, что отличаются неясностью и неопредѣленностью; въ общей-же сложности изъ нихъ образуется душевное состояніе съ явнымъ характеромъ удовольствія или страданія и притомъ съ извѣстной окраской. Такъ, настроеніе можетъ быть бодрое, веселое, радостное, возвышенное, или вялое, мрачное, скучное и т. п. Причинами того или другого настроенія служатъ: во 1-хъ, физіологическія состоянія организма, каковы, напр., здоровье и болѣзнь, бодрое состояніе и утомленіе и т. п.; во 2-хъ, предшествующія душевныя состоянія, вызванныя либо непосредственными ощущеніями и воспріятіями, либо воспоминаніями. Иногда ничтожное обстоятельство можетъ, какъ говорится, перестроить всего человѣка («Мы еще повоюемъ», стихотвореніе въ прозѣ Тургенева). Благодаря своей длительности, настроенія даютъ направленіе дѣятельности человѣка. Человѣкъ въ дурномъ на-

строеніи склоненъ сердиться, огорчаться; все ему представляется въ мрачномъ свѣтѣ; отсюда и поступки его отличаются эгоистичностью и черствостью. Напротивъ того, хорошее настроеніе дѣлаетъ человѣка веселымъ, благодушнымъ, готовымъ всему радоваться и располагаетъ его къ добрымъ поступкамъ и снисходительности.

Отдѣлъ III.

Психологія воли.

Глава XXXI.

О движеніяхъ.

Дѣйствіе, какъ основа волевого процесса. Пассивность познавательныхъ и эмоціональныхъ состояній. Человѣкъ—существо дѣйствующее. Активная сторона сознанія. Потенціальныя состоянія. **Движенія и ихъ виды.** Разнообразіе движеній, производимыхъ живыми существами. Движенія непроизвольныя и произвольныя. Виды непроизвольныхъ движеній. 1. *Автоматическія движенія*, понятіе ихъ и отличительныя свойства. Примѣры. Первичность автоматическихъ движеній. 2. *Рефлективныя движенія;* ихъ сущность и отличительныя свойства. Примѣры. Значеніе системы рефлективныхъ движеній. 3. *Инстинктивныя движенія*, понятіе ихъ и свойства. Примѣры. Сходство и различіе инстинктивныхъ и рефлективныхъ движеній. Примѣры. Спорность вопроса объ инстинктахъ человѣка. Осложненіе инстинктивныхъ движеній другими движеніями. **Произвольныя движенія.** Понятіе произвольныхъ движеній. Примѣры. Основные виды произвольныхъ движеній. Внѣшнія и внутреннія дѣйствія воли. **Происхожденіе волевыхъ движеній.** Превращеніе непроизвольныхъ движеній въ произвольные.

Дѣйствіе, какъ основа волевого процесса. Разсмотрѣніе познавательныхъ процессовъ, а также явленій эмоціональныхъ даетъ намъ понятіе о человѣкѣ, какъ существѣ мыслящемъ и чувствующемъ. Но думаніе и чувствованіе, въ какихъ бы формахъ они ни проявлялись, должны быть признаваемы за состоянія пассивныя, страдательныя. Я о чемъ-нибудь думаю; во мнѣ происходитъ сложная умственная ра-

бота; но работа эта, пока она ограничивается мыслительными и эмоціональными процессами, остается во мнѣ, не выходитъ за предѣлы моего «я», ни оказываетъ ни на что своего вліянія; слѣдовательно, она имѣетъ пассивный характеръ. Или, предположимъ, что я слушаю музыкальную пьесу; пьеса возбуждаетъ во мнѣ эстетическое чувство; я испытываю наслажденіе; состояніе это является слѣдствіемъ психическаго процесса; но пока оно не выразится вліяніемъ на что-либо, до тѣхъ поръ оно также состояніе пассивное, страдательное.

Однако мы знаемъ, что человѣкъ не только существо думающее и чувствующее, но также и дѣйствующее. Сознаніе наше не удовлетворяется этими пассивными состояніями; оно выражаетъ позывъ къ перенесенію внутренней силы на что-либо внѣшнее, стремленіе оказать то или иное вліяніе какъ на собственную жизнь, такъ и на предметы внѣшняго міра. Такія состоянія мы называемъ *движеніями* или *дѣйствіями*. Такимъ образомъ, кромѣ познанія и чувства, душа обладаетъ двигательной или активной стороной, которая и называется волей. Эта двигательная сторона находитъ себѣ выраженіе какъ въ дѣйствительныхъ движеніяхъ, такъ и въ двигательномъ напряженіи, которое сохраняетъ спокойное состояніе, готовое при всякомъ благопріятномъ случаѣ перейти въ движеніе. Такое внутреннее состояніе, характеризуемое позывомъ къ движенію, называется *потенціальнымъ* состояніемъ. Таковы душевныя состоянія, которыя мы называемъ желаніемъ, стремленіемъ, хотѣніемъ, намѣреніемъ. Всѣ эти состоянія вмѣстѣ съ движеніями называются «явленіями воли».

Движенія и ихъ виды. Итакъ, въ основаніи волевого процесса лежитъ дѣйствіе или движеніе. Поэтому, для уясненія сущности волевой стороны нашего сознанія необходимо разсмотрѣть прежде всего всѣ тѣ движенія, которыя способно совершать живое существо, а вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкъ. Движенія эти весьма разнообразны. Однако разнообра-

зіе это сводится къ дѣленію всѣхъ движеній на двѣ группы: движенія непроизвольныя, не зависящія отъ сознанія, и движенія произвольныя, которыя управляются сознаніемъ. Между непроизвольными движеніями слѣдуетъ различать: 1) автоматическія или импульсивныя, 2) рефлективныя и 3) инстинктивныя.

1. *Автоматическія или импульсивныя движенія.* Чтобы понять сущность автоматическихъ движеній, обратимъ вниманіе на нѣкоторыя движенія, производимыя новорожденнымъ ребенкомъ. Онъ безпорядочно двигаетъ руками, ногами, отчасти головой, издаетъ различнаго рода звуки. Во 1-хъ, всѣ эти дѣйствія, очевидно, производятся безъ участія сознанія и, слѣдовательно, имѣютъ механическій характеръ; во 2 хъ, для нихъ нѣтъ внѣшней возбуждающей причины; это обстоятельство заставляетъ полагать, что такою причиною служитъ накопленіе нервной энергіи, избытокъ которой ищетъ себѣ выхода и находитъ его въ двигательныхъ нервныхъ путяхъ. Наконецъ, движенія эти не преслѣдуютъ никакой опредѣленной цѣли, они нецѣлесообразны. Всѣ движенія такого характера называются *автоматическими* или *импульсивными*. Такими же свойствами отличаются движенія, которыми сопровождается пробужденіе, когда оно совершается безъ участія внѣшняго раздраженія; или движенія, въ которыхъ чувствуютъ потребность люди и животныя послѣ отдыха или питанія, когда силы ихъ возстановлены настолько, что ощущается ихъ избытокъ. Автоматическія движенія называются еще самопроизвольными. Нѣкоторые авторитетные психологи считаютъ ихъ первичными, начальными движеніями, они необходимы для существованія жизни и участвуютъ во всѣхъ другихъ формахъ движенія.

2. *Рефлективныя движенія.* Какъ сущность, такъ и происхожденіе рефлективныхъ движеній намъ уже извѣстны. Сущность ихъ, какъ показываетъ названіе, состоитъ въ томъ,

что они являются движеніями не прямыми, а *отраженными*. Для опредѣленія отличительныхъ свойствъ ихъ возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Когда человѣкъ чувствуетъ укусъ насѣкомаго, то болевое ощущеніе немедленно и безотчетно сопровождается конвульсивнаго характера движеніями: подергиваніемъ, хватаніемъ руки за укушенное мѣсто. Если во время ѣды частица пищи попадаетъ въ дыхательное горло, то происходитъ дѣйствіе, которое называется кашлемъ; пыль или ѣдкій запахъ какого-либо вещества производятъ явленіе чиханія. Количественное измѣненіе свѣта дѣйствуетъ на мышцы глаза; отъ сильнаго свѣта съуживается зрачекъ и закрываются вѣки. Это все рефлекторныя движенія. Они, подобно автоматическимъ движеніямъ, происходятъ безъ участія сознанія и потому механичны. Въ отличіе же отъ автоматическихъ движеній они вызываются не непосредственнымъ внутреннимъ состояніемъ, а силою внѣшняго раздраженія, которое идетъ отъ посторонникъ предметовъ, или изъ частей собственнаго организма. Кромѣ того, рефлекторныя движенія отличаются цѣлесообразностью; каждое изъ нихъ имѣетъ опредѣленную цѣль, полезную для организма. Посредствомъ рефлекторныхъ движеній организмъ приспособляется къ окружающей средѣ, поддерживаетъ и охраняетъ свое существованіе. Можно сказать, что система рефлекторныхъ движеній представляетъ механическую самозащиту организма.

3. *Инстинктивныя движенія.* Особую группу непроизвольныхъ движеній составляютъ движенія инстинктивныя. Подъ ними разумѣются такія сложныя движенія, которыя вызываются внутренней потребностью, слѣдовательно, связываются съ какими-либо психическими состояніями, отличаются цѣлесообразностью, но безъ сознательнаго предвидѣнія цѣли, по крайней мѣрѣ, въ моментъ ихъ совершенія, почему эти движенія носятъ непроизвольный характеръ. Въ наиболѣе типичной формѣ инстинктивныя движенія наблюдаются въ жизни живот-

ныхъ. Сюда относятся всѣ сложныя и вызывающія въ насъ удивленіе дѣйствія, которыя обнаруживаютъ животныя при постройкѣ жилищъ: норъ, гнѣздъ; дѣйствія, къ которымъ прибѣгаютъ они при добываніи пищи, при выводѣ и кормленіи дѣтенышей и мн. др. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ животныя производятъ цѣлый рядъ сложныхъ движеній, движенія эти преслѣдуютъ опредѣленныя цѣли; однако цѣлесообразность эта животнымъ не сознается. Справедливость этого можетъ быть подтверждена слѣдующимъ примѣромъ. Многія насѣкомыя заготовляютъ пищу и кровъ своимъ будущимъ личинкамъ, которыхъ они никогда не увидятъ, такъ какъ погибнуть ранѣе ихъ появленія на свѣтъ. Подобныя дѣйствія находятъ себѣ объясненіе въ томъ, что органы связаны съ прирожденными приспособленіями для совершенія извѣстнаго рода дѣйствій. Это сообщаетъ дѣйствіямъ характеръ непроизвольности и цѣлесообразности и сближаетъ ихъ съ рефлексами. Отличаются же они отъ рефлексовъ тѣмъ, что сопровождаются внутреннимъ влеченіемъ, т. е. имѣютъ за собою психическую основу.

Инстинктивныя движенія свойственны также и человѣку. Наиболѣе характернымъ образчикомъ ихъ могутъ служить сосательныя движенія новорожденнаго ребенка. На первый разъ движенія эти можно принять за рефлекторныя. На нихъ можно смотрѣть, какъ на слѣдствіе внѣшняго раздраженія отъ прикосновенія къ губамъ ребенка посторонняго тѣла, и тогда они являются чисто физіологическими движеніями, лишенными всякихъ психическихъ мотивовъ, т. е. не только непроизвольными, но и безсознательными. Но это невѣрно. Сосательныя движенія производятся ребенкомъ только тогда, когда онъ голоденъ. Всякій предметъ, подносимый въ это время къ его губамъ, вызываетъ сосательныя движенія. Когда же ребенокъ насыщенъ, то движенія эти прекращаются. Все это служитъ доказательствомъ того, что сосательныя движенія ребенка возникаютъ подъ вліяніемъ ощущенія голода и связаннаго съ

нимъ чувства страданія, которое этими движеніями ребенокъ старается устранить; слѣдовательно, сосательныя движенія не чисто физіологическія дѣйствія, а дѣйствія, обусловленныя психическимъ мотивомъ. Вопросъ объ инстинктивныхъ движеніяхъ у человѣка принадлежитъ къ вопросамъ спорнымъ. Нѣкоторые психологи совершенно отрицаютъ существованіе инстинктовъ у человѣка. Другіе, напротивъ, признаютъ человѣка существомъ, богато одареннымъ инстинктомъ и инстинктивными движеніями. Разрѣшеніе этого вопроса стоитъ въ связи съ вопросомъ о сущности и происхожденіи инстинкта. Въ этомъ отношеніи наиболѣе естественнымъ представляется то воззрѣніе, по которому инстинктивныя дѣйствія считаются унаслѣдованными привычками, которыя постепенно пріобрѣтались и видоизмѣнялись подъ вліяніемъ естественныхъ жизненныхъ условій въ ряду многихъ поколѣній. Сообразно съ этимъ воззрѣніемъ, за человѣкомъ слѣдуетъ признать существованіе у него инстинктивныхъ движеній. «Подобно птицамъ, говоритъ Вундтъ, человѣкъ одаренъ инстинктомъ супружеской жизни, подобно лисицѣ, онъ воспитываетъ своихъ дѣтей, съ бобромъ онъ раздѣляетъ инстинктъ строить дома, съ пчелой привычку основывать государства и колоніи, а кромѣ того, онъ, какъ муравей, любитъ вести войну, заводить рабовъ и полезныхъ домашнихъ животныхъ». Вообще слѣдуетъ сказать, что инстинктивныя движенія у человѣка, благодаря болѣе совершенной духовной организаціи его, осложняются множествомъ другихъ заученныхъ движеній, которыя по своему происхожденію относятся къ движеніямъ произвольнаго характера.

Произвольныя движенія. Всѣ разсмотрѣнныя нами движенія обладаютъ однимъ общимъ признакомъ непроизвольности. Это значитъ, что имъ не предшествуетъ какое-либо сознательное намѣреніе. Но на ряду съ этими дѣйствіями существуютъ такія, которыя рѣзко отличаются отъ нихъ тѣмъ,

что въ нихъ сознаніе человѣка принимаетъ активное участіе. Эти дѣйствія называются *произвольными, волевыми.* Въ чемъ же заключается ихъ произвольность? Разъяснимъ это на примѣрахъ. Я уронилъ на полъ книгу и хочу ее поднять. Для этого я совершаю извѣстныя, опредѣленныя движенія. Мнѣ нужно переодѣться. Я также произвожу цѣлый рядъ опредѣленныхъ дѣйствій въ извѣстномъ, послѣдовательномъ порядкѣ. Отличительной чертой этихъ дѣйствій является существованіе сознательно намѣренной цѣли. Еще до совершенія дѣйствія въ сознаніи моемъ возникаетъ представленіе цѣли, которую я намѣреваюсь осуществить. Вмѣстѣ съ тѣмъ я представляю себѣ и тѣ средства, тѣ движенія, которыми я могъ достигнуть цѣли. Такъ напр., я знаю, что для поднятія съ полу книги мнѣ нужно нагнуться; для того, чтобы одѣться, мнѣ нужно совершить рядъ извѣстныхъ, опредѣленныхъ и въ извѣстномъ порядкѣ расположенныхъ дѣйствій и т. п. Отсюда *волевымъ или произвольнымъ движеніемъ слѣдуетъ назвать всякое намѣренное движеніе, сопровождаемое сознательнымъ предвидѣніемъ цѣли его, а также представленіемъ самаго движенія.*

Если мы станемъ разсматривать различные случаи обнаруженія волевыхъ движеній, то увидимъ, что всѣ они сводятся къ двумъ основнымъ видамъ. Изъ анализа произвольныхъ движеній мы уже знаемъ, что человѣкъ, благодаря волѣ, можетъ производить различныя сознательно намѣренныя движенія своего тѣла. У меня явилась потребность прогуляться; я встаю и иду на прогулку, т. е. совершаю цѣлый рядъ намѣренныхъ тѣлесныхъ движеній. Такія волевыя дѣйствія, которыя выражаются въ различныхъ тѣлодвиженіяхъ, называются *внѣшними* дѣйствіями воли. Но существуютъ произвольныя дѣйствія иного рода. Обратимся къ примѣрамъ. Положимъ, я слушаю музыкальную пьесу; разговоръ сосѣдей мѣшаетъ мнѣ слушать. Не имѣя возможности остановить разговаривающихъ, но желая устранить препятствіе, я напрягаю свое вниманіе, заставляю

себя слушать музыку и не слушать разговора. Это есть дѣйствіе моей воли. Въ другой разъ мнѣ нужно вспомнить фамилію моего знакомаго. Я прибѣгаю къ различнымъ внутреннимъ дѣйствіямъ, чтобы облегчить работу памяти въ воспроизведеніи того, что мнѣ нужно. Несомнѣнно, эти дѣйствія также волевыя. Или, я на кого-нибудь разгнѣвался; но я тутъ же вспоминаю, что мнѣ сердиться вредно, и я дѣлаю надъ собой усиліе, чтобы подавить въ себѣ чувство гнѣва. Это усиліе есть также дѣйствіе воли. Такимъ образомъ, изъ этихъ примѣровъ видно, что воля можетъ оказывать непосредственное дѣйствіе на явленія нашего сознанія. Такія дѣйствія воли мы называемъ *внутренними*.

Происхожденіе волевыхъ движеній. Чтобы объяснить себѣ происхожденіе волевыхъ движеній, обратимся къ жизни ребенка. Всѣ движенія новорожденнаго дитяти, соотвѣтственно его психическому состоянію, отличаются непроизвольностью; это все движенія автоматическія, рефлективныя и инстинктивныя; между ними нѣтъ ни одного, которое имѣло бы характеръ намѣренности и могло бы быть названо произвольнымъ. Дальнѣйшая жизнь дитяти показываетъ, что произвольныя движенія возникаютъ постепенно, образуясь изъ движеній непроизвольныхъ. Намъ уже извѣстно, чѣмъ отличаются произвольныя движенія. Чтобы непроизвольное движеніе сдѣлалось произвольнымъ, необходимо, чтобы ему предшествовало сознаніе цѣли, которая имъ достигается, а также представленіе самаго движенія. Это происходитъ слѣдующимъ образомъ. Положимъ, ребенокъ совершаетъ какое-нибудь автоматическое движеніе; движеніе это случайно вызоветъ въ немъ чувство удовольствія. Если подобное явленіе будетъ многократно повторяться, то между движеніемъ и связаннымъ съ нимъ чувствомъ удовольствія въ сознаніи ребенка устанавливается ассоціація. Затѣмъ, если по какому-нибудь поводу у ребенка явится представленіе удовольствія, то по ассоціаціи

онъ уже съ сознательнымъ намѣреніемъ произведетъ то движеніе, которое должно доставить ему это удовольствіе. Напр., передъ глазами ребенка находится какой-нибудь предметъ. Производя различнаго рода автоматическія движенія, онъ случайно коснется рукою этого предмета и рефлективно схватитъ его. Дѣйствія эти вызовутъ въ немъ чувство удовольствія. При повтореніи явленіе это запоминается. Впослѣдствіи, глядя на какой-либо предметъ, ребенокъ можетъ представить себѣ удовольствіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средство, которымъ это удовольствіе достигается. У него является желаніе взять предметъ, и онъ, чтобы удовлетворить это желаніе. совершаетъ намѣренное и цѣлесообразное дѣйствіе. Такъ непроизвольное движеніе обращается въ произвольное. Такимъ образомъ, матеріаломъ для произвольныхъ движеній служатъ непроизвольныя движенія. Основаніемъ является природный, вытекающій изъ закона самосохраненія, инстинктъ, по которому мы стремимся ко всему пріятному и избѣгаемъ непріятнаго. Естественнымъ же средствомъ для образованія произвольныхъ движеній служитъ постоянный опытъ, контролируемый дѣятельностью сознанія. Такова эмпирическая теорія происхожденія и развитія волевыхъ движеній.

Глава XXXII.

Элементы воли.

Волевой процессъ. Сложность волевого процесса и его составъ: потенціальное состояніе и реальное дѣйствіе. Волевые элементы и связь ихъ съ элементами познанія и чувства. **Отношеніе воли къ познанію и чувству.** Зависимость произвольныхъ дѣйствій отъ познавательныхъ элементовъ. Чувство, какъ состояніе, предшествующее возникновенію волевого акта. **Влеченіе.** Опредѣленіе его. Примѣры. Моменты, изъ которыхъ состоитъ влеченіе: эмоціональный и волевой. Влеченіе и инстинктъ; ихъ сходство и различіе. **Желаніе.** Опредѣленіе его. Различіе между желаніемъ и влеченіемъ. Примѣры.

Сложные волевые процессы. Анализъ сложнаго волевого процесса. Примѣры. Моменты сложнаго волевого процесса. 1. *Представленіе цѣлей дѣйствія.* Познавательный характеръ этого момента. Его значеніе въ волевомъ процессѣ. 2. *Мотивы* и *побужденія.* Понятіе ихъ и значеніе въ волевомъ процессѣ. 3. *Обдумываніе* или *обсужденіе.* Сущность этого момента. Его сложность. Чувство нерѣшимости. 4. *Рѣшеніе.* Сущность этого момента и особая роль его въ волевомъ процессѣ. 5. *Исполненіе.* Понятіе этого момента. Его самостоятельность и отличіе отъ рѣшенія. Примѣры. Намѣреніе. Чувство усилія и значеніе его въ волевомъ процессѣ.

Волевой процессъ. Анализъ произвольныхъ движеній намъ показалъ, что всякій волевой процессъ есть явленіе сложное. Произвольное движеніе это только конечный, заключательный моментъ волевого акта; моментъ же этотъ обусловливается предшествующими состояніями, которыя въ совокупности и составляютъ волевой актъ. Каковы же эти состоянія? Прежде всего мы должны вспомнить, что воля, какъ активная сторона сознанія, вообще обнаруживается въ дѣйствіи; приэтомъ дѣйствіе это можетъ быть реальнымъ, или пребывать въ потенціальномъ состояніи. Эти два состоянія дѣйствія находятся между собою въ преемственномъ отношеніи: всякому реальному дѣйствію предшествуетъ потенціальное состояніе. Элементарными психическими явленіями, которыя заключаютъ въ себѣ дѣйствіе въ потенціальномъ состояніи, служатъ *влеченіе* и *желаніе*, которыя мы и разсмотримъ. Но и эти психическія явленія, взятыя сами по себѣ, отличаются нѣкоторою сложностью; сложность эта зависитъ отъ связи ихъ съ элементами познанія и чувства. Поэтому прежде разсмотрѣнія ихъ, необходимо выяснить отношеніе воли къ познанію и чувству.

Отношеніе воли къ познанію и чувству. Произвольныя движенія намъ показали, что между волевымъ процессомъ и познаніемъ существуетъ тѣсная связь. Никакое произвольное дѣйствіе не можетъ возникнуть безъ участія познавательныхъ элементовъ; ими обусловливается какъ цѣ-

лесообразность, такъ и сознательность волевого движенія. Безъ представленія цѣли движенія и самаго движенія не можетъ быть рѣчи о произвольности. Вмѣстѣ съ тѣмъ происхожденіе волевыхъ движеній намъ показало связь волевого акта и съ чувствомъ. Основаніемъ всякаго волевого движенія мы признали инстинктивное стремленіе получить удовольствіе или избѣгнуть страданія. Такимъ образомъ, возникновенію волевого акта должно предшествовать чувство. Чтобы захотѣть чего-нибудь, нужно сначала почувствовать.

Влеченіе. Когда человѣкъ испытываетъ чувство неудовольствія, то у него является внутреннее стремленіе къ такимъ дѣйствіямъ, посредствомъ которыхъ онъ можетъ освободиться отъ этого чувства; для осуществленія этого стремленія необходимо имѣть опредѣленное представленіе о предметѣ, который можетъ устранить страданіе и доставить удовольствіе. Но стремленіе это не сразу и не всегда связывается съ такимъ опредѣленнымъ представленіемъ. Такое психическое состояніе, которое заключаетъ въ себѣ позывъ къ дѣятельности, направленный на устраненіе неудовольствія и достиженіе удовольствія, безъ опредѣленнаго представленія предмета, которымъ это можетъ быть достигнуто, называется *влеченіемъ*. Природа влеченія въ болѣе чистомъ видѣ проявляется у новорожденныхъ дѣтей и у животныхъ. Собака, напр., испытывая чувство голода, въ то же время не имѣетъ опредѣленнаго представленія о какомъ-либо съѣдобномъ предметѣ, которымъ она могла-бы удовлетворить голодъ. Тоже самое можно сказать и о новорожденномъ ребенкѣ. Влеченія могутъ быть и у взрослаго человѣка. Мы также можемъ испытывать, напр., голодъ, жажду безъ опредѣленнаго представленія предметовъ, которыми голодъ и жажда могутъ быть утолены. Равнымъ образомъ, мы можемъ испытывать позывъ къ дѣятельности безъ опредѣленнаго представленія тѣхъ дѣйствій, посредствомъ которыхъ позывъ этотъ можетъ быть удовлетво-

ренъ. Влеченіе—состояніе сложное; оно заключаетъ въ себѣ два момента: эмоціональный, состоящій въ чувствѣ удовольствія или страданія, и волевой—это позывъ къ дѣйствію. Влеченія, какъ видно изъ примѣровъ, обусловливаются потребностями нашей природы и потому родственны инстинктамъ. Однако между влеченіями и инстинктами существуетъ разница. Въ то время какъ въ инстинктѣ существо не сознаетъ цѣли дѣйствія, влеченіе предваряется сознаніемъ этой цѣли; вслѣдствіе этого влеченіе заключаетъ въ себѣ элементъ болѣе или менѣе сознательнаго требованія.

Желаніе. Если влеченіе связывается съ опредѣленнымъ представленіемъ предмета, который можетъ устранить страданіе и принести удовольствіе, то оно переходитъ въ душевное состояніе, которое называется *желаніемъ*. Такимъ образомъ, опредѣленное, ясно очерченное представленіе предмета удовольствія является существеннымъ, характернымъ признакомъ желанія. Поэтому сила желанія опредѣляется не силою чувства, а живостью и яркостью представленія. Различіе между влеченіемъ и желаніемъ лучше всего можетъ быть уяснено изъ примѣровъ. Я чувствую голодъ; чувство это сопровождается стремленіемъ къ устраненію неудовольствія, какое я испытываю; но у меня нѣтъ опредѣленнаго представленія того предмета, который могъ бы меня удовлетворить; тогда выборъ пищи для утоленія голода для меня не имѣетъ значенія. Такое состояніе есть влеченіе. Но потребность къ удовлетворенію голода можетъ сопровождаться опредѣленнымъ представленіемъ предмета, которымъ я могу насытиться, въ видѣ, напр., куска жаренаго мяса; тогда утоленіе голода какою-либо другою пищею не доставляетъ мнѣ ожидаемаго удовольствія. Это состояніе есть желаніе. Мнѣ хочется курить; если вмѣстѣ съ тѣмъ я не представляю предмета, который способенъ меня удовлетворить, то я удовольствуюсь любой папиросой; это—влеченіе. Но если вмѣстѣ съ потребностью къ

куренію я представляю себѣ хорошую сигару, то это будетъ желаніе. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что влеченіе болѣе руководится физическою, животною природою человѣка, тогда какъ въ желаніи преобладаетъ психическая сторона.

Сложные волевые процессы. Психическая жизнь человѣка представляетъ множество такихъ волевыхъ актовъ, которые состоятъ изъ двухъ волевыхъ моментовъ: 1) влеченія или желанія и 2) непосредственно слѣдующаго за нимъ дѣйствія. Такъ напр., у меня явилась потребность пройтись; я встаю и хожу по комнатѣ. Мнѣ захотѣлось поѣсть; я открываю шкафъ, достаю оттуда, что тамъ есть съѣдобнаго, и утоляю голодъ. У меня явилось желаніе выпить пива; я иду въ портерную и требую себѣ пива и т. п. Всѣ подобные случаи относятся къ волевымъ актамъ, которые могутъ быть названы простыми. Но этимъ дѣло не ограничивается. На ряду съ простыми актами существуютъ сложные волевые процессы, къ анализу которыхъ мы и обратимся.

Для выясненія состава сложнаго волевого процесса обратимся къ примѣрамъ. Я думаю о томъ, какъ мнѣ провести сегодняшній вечеръ. Знакомые предлагаютъ мнѣ пойти въ театръ; но у меня есть спѣшная работа. Отсюда у меня возникаетъ *представленіе о двухъ цѣляхъ*, на которыя могутъ быть направлены мои дѣйствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ я представляю себѣ и слѣдствія этихъ дѣйствій. Театральное зрѣлище обѣщаетъ мнѣ отдыхъ и эстетическое удовольствіе; исполненіе же работы—сознаніе исполненной мною обязанности и, какъ слѣдствіе этого сознанія, спокойствіе совѣсти. Какъ первое, такъ и второе представленіе являются для меня фактами, основаніями, резонами, склоняющими меня поступить такъ или иначе; поэтому ихъ называютъ *мотивами*. Представленіе мотивовъ можетъ сопровождаться болѣе или менѣе сильнымъ возбужденіемъ чувствъ, желаній. Такъ, представленіе ожидаемаго воздѣйствія на меня театральнаго зрѣлища можетъ осло-

жниться во мнѣ чувствомъ предвкушаемаго удовольствія, а также желаніемъ получить его; точно также и представленіе объ исполненномъ мною долгѣ можетъ вызвать соотвѣтствующее чувство. Эти чувства и желанія, связанныя съ мотивами, вмѣстѣ съ послѣдними являются побудительными причинами, заставляющими насъ совершить извѣстное дѣйствіе. За представленіемъ мотивовъ я начинаю сравнивать ихъ между собою, оцѣнивать сравнительное ихъ для меня преимущество; слѣдовательно, во мнѣ происходитъ процессъ *обдумыванія*, *обсужденія*. Наконецъ, желаніе получить удовольствіе отъ театральнаго зрѣлища получаетъ въ моемъ сознаніи преобладающее значеніе, и я прихожу къ *рѣшенію* идти въ театръ. Результатомъ этого рѣшенія является его *исполненіе:* я совершаю рядъ дѣйствій, за которыми слѣдуетъ то, что я вечеромъ сижу въ театрѣ. Разсматривая данный волевой актъ, мы находимъ въ немъ пять моментовъ: 1) представленіе цѣлей дѣйствія, 2) представленіе мотивовъ и побужденій, 3) обдумываніе или обсужденіе, 4) рѣшеніе или выборъ и 5) исполненіе. Разсмотримъ каждый изъ этихъ моментовъ въ отдѣльности.

1. *Представленіе цѣлей дѣйствія.* Этотъ моментъ самъ по себѣ есть явленіе познавательнаго порядка и не составляетъ волевого акта въ собственномъ смыслѣ. Но наличность его въ волевомъ процессѣ представляется очень важною. Мы уже знаемъ, какое значеніе онъ имѣетъ въ актѣ желанія; ясностью представленія предмета, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣли предстоящаго дѣйствія опредѣляется сила желанія. Желаніе же является элементарнымъ моментомъ всякаго сложнаго волевого процесса. Отъ силы того или другого желанія зависитъ и рѣшеніе.

2. *Мотивы и побужденія.* Подъ мотивами, какъ видно изъ примѣра, разумѣются тѣ слѣдствія, которыя предвидятся отъ предполагаемаго къ совершенію дѣйствія. Живость пред-

ставленія мотивовъ имѣетъ также очень важное значеніе въ направленіи волевого процесса: отъ нея зависитъ рѣшеніе. Чѣмъ живѣе я представлю себѣ благопріятныя для меня послѣдствія театральнаго зрѣлища, тѣмъ тверже и непоколебимѣе будетъ мое рѣшеніе идти въ театръ. Представленіе мотивовъ можетъ осложниться чувствомъ, которое мы назвали *побужденіемъ*. Тогда рѣшеніе становится еще болѣе непоколебимымъ. Такимъ образомъ, мотивы и побужденія являются причинами совершенія или несовершенія предполагаемаго дѣйствія.

3. *Обдумываніе или обсужденіе.* Обдумываніемъ или обсужденіемъ мы называемъ процессъ сопоставленія, сравненія и оцѣнки мотивовъ и побужденій предполагаемыхъ дѣйствій. Однако было бы ошибочно видѣть въ этомъ процессѣ дѣйствіе одного лишь ума. Если бы это было такъ, то тогда рѣшеніе являлось бы результатомъ логической необходимости. Такъ напр., если бы мое рѣшеніе пойти въ театръ или остаться дома и работать основывалось на спокойномъ размышленіи, то, несомнѣнно, я склонился бы къ рѣшенію остаться дома, потому - что отвлеченное мышленіе долгъ предпочитаетъ удовольствію. Но я поступилъ иначе. Это произошло потому, что къ дѣятельности мышленія присоединилась работа чувствъ; приэтомъ чувство удовольствія, ожидаемое отъ театральнаго зрѣлища одержало побѣду надъ чувствомъ, связаннымъ съ сознаніемъ обязанности. На основаніи этого мы должны прійти къ заключенію, что подъ процессомъ обдумыванія слѣдуетъ понимать столкновеніе, борьбу мотивовъ и побужденій, гдѣ акты чистаго мышленія составляютъ лишь элементъ. Этимъ объясняется тяжелое чувство нерѣшительности, колебанія, которое приходится переживать намъ при столкновеніи мотивовъ и побужденій одинаковой интенсивности.

4. *Рѣшеніе.* Борьба мотивовъ и побужденій не можетъ быть безконечною; она должна заключиться какимъ-либо исхо-

домъ. Естественнымъ исходомъ является то, что мы останавливаемся на одномъ какомъ-нибудь мотивѣ, выбираемъ одинъ изъ нихъ. Актъ выбора одного изъ мотивовъ предполагаемаго дѣйствія называется *рѣшеніемъ*. Рѣшеніе есть существенный моментъ волевого процесса.

5. *Исполненіе.* Конечною цѣлью всякаго волевого процесса служитъ реальное дѣйствіе; поэтому за рѣшеніемъ должно слѣдовать соотвѣтственное ему дѣйствіе; производство такого дѣйствія составляетъ послѣдній волевой моментъ, который называется *исполненіемъ*. Исполненіе есть самостоятельный волевой процессъ, и его не слѣдуетъ смѣшивать съ рѣшеніемъ. Бываютъ случаи, когда человѣкъ, несмотря на состоявшееся рѣшеніе, не можетъ привести его въ исполненіе. Положимъ, кто-нибудь рѣшилъ совершить убійство, но у него, по свойствамъ его характера, не хватило силъ исполнить это рѣшеніе. Если рѣшеніе не приведено въ исполненіе, то такое состояніе мы называемъ *намѣреніемъ*.

Во многихъ случаяхъ переходъ отъ рѣшенія къ исполненію совершается безъ принужденія, легко, можно сказать, *автоматически*. Я лежу въ кровати; мнѣ нужно вставать, но не хочется. Происходитъ борьба мотивовъ; наконецъ, я рѣшаю встать и это рѣшеніе привожу въ исполненіе. Но бываютъ случаи, когда переходъ этотъ является труднымъ. Чтобы исполнить рѣшеніе, мы должны принудить себя къ совершенію извѣстнаго дѣйствія. Производя, напр., оцѣнку мотивовъ, идти ли мнѣ гулять или остаться дома и сѣсть за работу, я рѣшилъ сдѣлать послѣднее; но если желаніе работать недостаточно овладѣло мною, то, чтобы привести рѣшеніе въ исполненіе, я долженъ произвести надъ собой усиліе. Такимъ образомъ, исполненіе иногда связывается съ *чувствомъ усилія*, которое является въ такихъ случаяхъ существеннымъ элементомъ волевого процесса.

Глава XXXIII.

Развитіе воли.

Понятіе развитой воли. Возможность совершенствованія волевой способности. Что нужно понимать подъ развитою волей? Примѣры. **Условія, необходимыя для развитія воли.** Упражненіе—основное условіе развитія воли. Сущность упражненія воли: повтореніе волевыхъ актовъ съ усиліемъ. **Воздѣйствіе воли на познаніе и чувство.** 1. *Вліяніе воли на познаніе.* Непроизвольность познавательныхъ актовъ. Активное вниманіе, какъ проявленіе воли, и вліяніе его на произвольность познавательныхъ актовъ. 2. *Воздѣйствіе воли на чувство.* Различныя формы вліянія воли на чувство: задержка въ развитіи чувства и возбужденіе его. Самообладаніе. **Привычки, склонности, характеръ.** 1. *Привычки и условія ихъ образованія.* Общее и тѣсное пониманіе привычки. Процессъ образованія привычекъ. Примѣры. 2. *Склонности.* Понятіе склонности. Разнообразіе склонностей. Связь между привычкой и склонностью. Пріобрѣтенныя и врожденныя склонности. Причины склонностей. 3. *Характеръ.* Двоякое пониманіе характера. Роль воли въ образованіи характера. Элементы, изъ коихъ слагается характеръ. Понятіе темперамента. Различные типы душевнаго развитія и ихъ основанія. Виды темпераментовъ и характеристика ихъ. Три основныхъ типа характеровъ: чувственные, эгоцентрическіе и сверхличные. Переходныя формы характеровъ.

Понятіе развитой воли. Раньше мы уже имѣли достаточно случаевъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что духовная жизнь человѣка въ тѣхъ явленіяхъ, которыя мы разсматривали, подлежитъ росту. Каждая душевная способность развивается, совершенствуется. Мы говоримъ, данный человѣкъ обладаетъ развитымъ умомъ или развитымъ чувствомъ. Тоже самое можно сказать и о волѣ. Что же разумѣется подъ развитою волею и въ чемъ состоитъ это развитіе? Въ простѣйшемъ видѣ воля можетъ обнаруживаться подъ вліяніемъ чувственныхъ влеченій. Такъ напр., если я, разгоряченный долгою ходьбою, испытываю жажду и, видя передъ собой воду, утоляю ее, то это будетъ волевой актъ, основанный исключительно на чувственномъ влеченіи. Но если я сознаю, что утоленіе жажды въ разгоряченномъ состояніи вредно, и на этомъ

основаніи воздерживаюсь отъ этого дѣйствія, пока не остыну, то я совершаю волевой актъ подъ вліяніемъ мотива, который имѣетъ разсудочный характеръ. Или, если я, во имя сознаваемаго мною долга помогать страждущимъ людямъ, отказываюсь отъ личныхъ удовольствій, подавляю въ себѣ чувственныя влеченія и оказываю кому-либо помощь, то совершаемый мною волевой актъ является слѣдствіемъ разсудочнаго мотива, въ основаніи котораго лежитъ нравственное чувство. Такъ поступаетъ, напр., врачъ, встающій ночью съ постели и ѣдущій къ больному.

Условія, необходимыя для развитія воли. Психофизическою основою развитія душевныхъ способностей служитъ законъ привычки или навыка; отсюда необходимымъ условіемъ его является упражненіе. Такъ развиваются память, фантазія, чувства. Тоже самое можно сказать и о волѣ; она также подлежитъ развитію путемъ упражненія. Въ чемъ же состоитъ упражненіе воли? Заключительнымъ актомъ волевого процесса является совершеніе извѣстнаго дѣйствія, соотвѣтствующаго избранной цѣли. Успѣшное исполненіе волевого дѣйствія находится въ зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ дѣйствіе это намъ знакомо и нами усвоено. Усвоеніе же волевого дѣйствія достигается, какъ намъ извѣстно, частымъ его повтореніемъ. Мнѣ хочется танцовать. Чтобы исполнить это желаніе, я долженъ совершить рядъ извѣстныхъ дѣйствій, я долженъ научиться танцовать. Но для того, чтобы совершеніе волевыхъ дѣйствій сдѣлалось легкимъ и свободнымъ, необходимо напряженіе или усиліе. Всякое новое для насъ волевое дѣйствіе требуетъ большого усилія, которое при повтореніи дѣйствія ослабляется. Для того, чтобы пріучить себя къ правильному, регулярному труду, я долженъ постоянно заставлять себя въ извѣстное время приниматься за работу и не прекращать ее ранѣе положеннаго срока, иначе говоря, я долженъ сдѣлать усиліе. Сначала это усиліе можетъ быть очень

большимъ; я съ большимъ трудомъ буду заставлять себя приниматься за работу; но при настойчивомъ повтореніи дѣйствій, оно ослабѣваетъ и можетъ совсѣмъ исчезнуть. Такимъ образомъ. необходимымъ условіемъ развитія воли служитъ настойчивое повтореніе волевыхъ актовъ, или повтореніе ихъ съ успѣхомъ.

Воздѣйствіе воли на познаніе и чувство. Изъ предыдущаго ясно, что существеннымъ элементомъ волевого процесса является чувство усилія. Собственно говоря, сущность волевого акта сводится къ преодолѣнію извѣстнаго усилія. Этимъ свойствомъ воля оказываетъ воздѣйствіе на познаніе и чувство.

1. *Воздѣйствіе воли на познаніе.* Жизнь сознанія совершается по извѣстнымъ законамъ. Такъ напр., теченіе представленій обусловливается извѣстными законами ассоціаціи и въ основаніи своемъ является актомъ непроизвольнымъ. Но мы знаемъ, что посредствомъ такъ называемаго активнаго вниманія мы можемъ сознательно и произвольно регулировать непроизвольное теченіе представленій, а именно, мы можемъ одни представленія устранять, другія, напротивъ, вызывать. Но вмѣшательство нашего сознанія въ непроизвольное теченіе представленій, какъ намъ извѣстно, обусловливается интересомъ къ извѣстнымъ представленіямъ; интересъ же вызываетъ собою влеченіе или желаніе къ нимъ. Результатомъ этого является напряженіе нашего сознанія, усиліе, т. е. волевой актъ. Такимъ образомъ, то, что мы называемъ активнымъ вниманіемъ, есть проявленіе воли, черезъ которое она и дѣйствуетъ на познаніе.

2. *Воздѣйствіе воли на чувство.* Характерную особенность чувства составляетъ непроизвольность возникновенія и развитія его. Эта особенность, повидимому, исключаетъ возможность вліянія воли на чувство. Однако практика показываетъ намъ, что и здѣсь это вліяніе имѣетъ мѣсто. Положимъ,

въ данный моментъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ событій, я испытываю ссрьезное настроеніе; вдругъ какое-либо обстоятельство совершенно неожиданно возбуждаетъ во мнѣ чувство смѣшного; лицо мое готово уже принять соотвѣтствующее выраженіе; но я нахожу это въ данный моментъ неудобнымъ; чтобы подавить въ себѣ это чувство, я стараюсь придать моему лицу выраженіе строгости; вмѣстѣ съ тѣмъ во мнѣ появится соотвѣтствующее чувство, которое и окажетъ подавляющее вліяніе на чувство смѣшного. Очевидно, я совершаю извѣстное усиліе; во мнѣ происходитъ волевой актъ, который задерживаетъ развитіе чувства. Однако воздѣйствіе воли на чувство обнаруживается не только въ томъ, что мы въ состояніи задержать развитіе чувства; но также и въ томъ, что посредствомъ ея мы можемъ возбудить въ себѣ то, или иное чувство. Для этого мы также прибѣгаемъ къ воспроизведенію внѣшнихъ выраженій, соотвѣтствующихъ тому чувству, которое мы желаемъ вызвать. Если я при извѣстныхъ обстоятельствахъ желаю возбудить въ себѣ чувство гнѣва, то я выпрямляю тѣло, сжимаю руки въ кулакъ и прибѣгаю къ соотвѣтствующей мимикѣ. Принятіе участія во внѣшнихъ церемоніяхъ, по мнѣнію Паскаля, можетъ вызвать религіозное чувство. Нѣкоторые утверждаютъ, что, подражая жестамъ и движеніямъ людей, можно возбуждать въ себѣ тѣ чувства, которыя они переживаютъ и такимъ образомъ сжиться съ ними. Поэты-художники прибѣгаютъ иногда къ внѣшнимъ выраженіямъ, чтобы вызвать въ себѣ тѣ чувства, которыя должны переживать создаваемыя ихъ воображеніемъ герои. Такимъ образомъ, вліяніе воли на чувство сказывается въ томъ, что мы до нѣкоторой степени можемъ управлять нашими чувствами; а именно, задерживать одни и возбуждать другія. Способность управлять чувствами обыкновенно называютъ *самообладаніемъ*.

Привычки, склонности, характеръ. Взаимодѣйствіе элементовъ познанія, чувства и воли находитъ себѣ

выраженіе въ психическихъ явленіяхъ, которыя мы называемъ привычками, склонностями и, наконецъ, завершается въ характерѣ.

1. *Привычки и условія ихъ образованія.* Мы уже знаемъ, что какъ физическими, такъ и психическими явленіями управляетъ законъ навыка. Слѣдствіемъ этого закона служитъ то, что всякое явленіе производится тѣмъ легче, чѣмъ чаще оно повторяется. Отсюда способность болѣе или менѣе легкаго воспроизведенія какого-нибудь явленія, пріобрѣтенную путемъ его повторенія, мы обыкновенно называемъ привычкой. Таково общее пониманіе привычки. Но существуетъ болѣе тѣсное пониманіе ея, связанное съ волевой стороной душевной жизни. Конечнымъ результатомъ всякаго волевого процесса служитъ движеніе. Волевыя движенія также подчиняются закону навыка. Каждое изъ нихъ при своемъ первоначальномъ возникновеніи совершается нами медленно, съ трудомъ и требуетъ извѣстнаго напряженія, усилія воли. Но отъ частаго повторенія оно производится съ возрастающею легкостью и становится привычнымъ. Первоначальныя произвольныя движенія дѣтей неумѣлы и неувѣренны; тогда какъ взрослый человѣкъ совершаетъ ихъ легко и непринужденно. Ребенокъ, начинающій учиться писать, съ большимъ усиліемъ выводитъ каждую букву; когда же онъ научится писать, то всѣ движенія, необходимыя для этого сложнаго акта, пріобрѣтаютъ быстроту и легкость. Тоже самое происходитъ и со взрослымъ человѣкомъ, когда ему приходится совершать какое-нибудь новое, непривычное для него дѣйствіе, каковы, напр., игра на музыкальномъ инструментѣ, верховая ѣзда, гребля и мн. др. Всѣ подобныя дѣйствія первоначально требуютъ напряженія воли и только путемъ упражненія становятся умѣлыми и увѣренными. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствія эти утрачиваютъ сознательность и произвольный характеръ; они становятся механическими и могутъ быть отнесены къ разряду автоматическихъ движеній. Такимъ об-

разомъ *привычкой* въ тѣсномъ смыслѣ слова называется способность усвоенія волевыхъ дѣйствій въ такой степени, что они теряютъ произвольность и становятся автоматическими. Такія дѣйствія называются также *привычками* или *навыками*.

2. *Склонности*. Привычныя дѣйствія могутъ сочетаться съ психическими элементами: познавательными, чувствительными и волевыми. Слѣдствіемъ такого сочетанія являются различнаго рода желанія. Такого рода желанія могутъ принимать опредѣленный и притомъ исключительный характеръ; иначе говоря, у человѣка можетъ явиться предрасположеніе къ извѣстнаго рода желаніямъ. Такія предрасположенія къ желаніямъ одного какого-нибудь рода, носящія исключительный, преобладающій характеръ, называются *склонностями*. Такъ напр., привычка къ постоянному правильному труду въ связи съ сознаніемъ пользы его, а также удовольствіемъ при его исполненіи, вызываетъ въ человѣкѣ постоянное желаніе дѣятельности, которое и обращается въ склонность. Вынужденное бездѣйствіе причиняетъ такому человѣку страданіе. Склонности могутъ касаться различныхъ сторонъ жизни человѣческой и потому отличаются большимъ разнообразіемъ. Такимъ образомъ, одною изъ причинъ образованія склонностей служитъ привычка. Привычныя дѣйствія отъ частаго повторенія становятся легкими, удобоисполнимыми, а потому пріятными и желательными. Привычка рано вставать и ходить на прогулку становится потребностью и развивается въ склонность. Неудовлетвореніе этой потребности влечетъ за собою страданіе. Такія склонности, которыя являются слѣдствіемъ выработавшихся привычекъ, можно назвать *пріобрѣтенными*. Но существуютъ склонности, которыя являются результатомъ не только однѣхъ привычекъ, но и органическихъ условій, состоящихъ въ особомъ устройствѣ и приспособленіи тѣхъ или иныхъ органовъ. Эти органическія особенности предрасполагаютъ къ извѣстнаго рода желаніямъ и дѣйствіямъ, которыя путемъ

частаго повторенія становятся привычными и обращаются въ склонности. Такія склонности называютъ *врожденными*. Такъ напр., есть люди, какъ говорится, отъ природы склонные къ физическимъ играмъ, къ различнаго рода спорту. Такая прирожденная склонность объясняется особеннымъ свойствомъ нервно-мышечной системы, обладающей чуткостью и подвижностью. Замѣчаемая въ нѣкоторыхъ людяхъ склонность къ музыкѣ, живописи также находитъ себѣ объясненіе въ болѣе чувствительномъ и совершенномъ устройствѣ органовъ слуха и зрѣнія. Привычка и врожденность такъ тѣсно сплетаются другъ къ другомъ, что во многихъ случаяхъ опредѣленіе причины образованія въ человѣкѣ той или другой склонности бываетъ затруднительнымъ. Склонность, сопровождаемая сильнымъ и постояннымъ чувствомъ, вслѣдствіе чего она становится постояннымъ состояніемъ, которое подавляетъ всѣ другія, принято называть страстью. Но господство эмоціональнаго элемента надъ волевымъ заставило насъ отнести страсти къ области чувства.

3. *Характеръ*. Слово «характеръ» употребляется въ двоякомъ смыслѣ: широкомъ и узкомъ. Подъ характеромъ въ широкомъ смыслѣ слова понимается совокупность всѣхъ психическихъ особенностей, свойственныхъ отдѣльному лицу и отличающихъ одинъ индивидъ отъ другого, иначе говоря, общій складъ индивидуальной душевной жизни во всемъ ея составѣ и разнообразіи проявленій. Сюда относятся психическіе элементы и формы познанія чувства и воли, которые могутъ проявляться въ безконечно разнообразныхъ сочетаніяхъ и оттѣнкахъ. Отсюда происходитъ неисчерпаемое разнообразіе характеровъ. Можно сказать, сколько людей, столько характеровъ. Задача психологіи отмѣтить въ этомъ разнообразіи типическія различія, которыя обусловливаются взаимодѣйствіемъ различныхъ душевныхъ элементовъ. Въ болѣе узкомъ смыслѣ характеромъ называется опредѣленный, привыч-

ный способъ проявленія душевныхъ способностей во внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Для того, чтобы способъ дѣйствованія сдѣлался привычнымъ, необходимо сознательное усиліе воли; поэтому понимаемый въ такомъ смыслѣ характеръ является результатомъ взаимодѣйствія различныхъ душевныхъ элементовъ подъ вліяніемъ контролирующей дѣятельности воли. Постоянство воли является здѣсь существеннымъ элементомъ. Если человѣкъ обнаруживаетъ опредѣленный, постоянный способъ дѣйствованія, то мы о немъ говоримъ, что онъ «человѣкъ съ характеромъ»; наоборотъ, человѣка неопредѣленнаго, неустойчиваго въ своихъ дѣйствіяхъ мы называемъ безхарактернымъ.

Какъ-бы мы ни понимали характеръ, во всякомъ случаѣ въ образованіи его принимаютъ участіе, съ одной стороны, природныя особенности индивидуума, а съ другой—, привычки и склонности, образовавшіяся путемъ сознательнаго волевого опыта. Совокупность природныхъ душевныхъ особенностей, находящихся въ зависимости отъ физическихъ особенностей организма принято называть *темпераментомъ*.

Ученіе о темпераментахъ ведетъ свое начало съ древнихъ временъ. Многочисленныя наблюденія надъ разнообразными индивидуальными особенностями людей привели къ тому, что все это разнообразіе можетъ быть сведено къ нѣсколькимъ, довольно рѣзко обособленнымъ типамъ душевнаго развитія. Основаніемъ къ различенію этихъ типовъ служатъ психофизическія особенности организма. Особенности эти, главнымъ образомъ, состоятъ въ различной степени воспріимчивости къ чувственнымъ раздраженіямъ; различіе это обнаруживается въ силѣ и быстротѣ возникновенія и смѣны душевныхъ состояній. Нѣкоторые индивидуумы склонны къ сильнымъ эмоціямъ; другіе же, наоборотъ, обнаруживаютъ слабость эмоціональныхъ состояній; въ нѣкоторыхъ смѣна душевныхъ состояній происходитъ быстро, у другихъ она со-

вершается медленно. На этомъ основаніи установилось дѣленіе темпераментовъ на четыре типическихъ класса: *сангвинический*, *флегматическіи*, *холерическій* и *меланхолическій*. Темпераменты эти съ ихъ основными особенностями находятъ себѣ выраженіе въ слѣдующей схемѣ Вундта.

Темпераменты	быстрые:	медленные:
Сильные:	холерическіе	меланхолическіе:
Слабые·	сангвиническіе.	флегматическіе:

Люди холерическаго темперамента отличаются быстрою воспріимчивостью къ чувственнымъ раздраженіямъ, а также быстрою возбудимостью; вмѣстѣ съ тѣмъ переживаемыя ими душевныя состоянія являются опредѣленными, устойчивыми и глубокими; поступки смѣлы и рѣшительны. Сангвиники также отличаются быстрою воспріимчивостью и возбудимостью, но переживаемыя ими душевныя состоянія лишены глубины и постоянства: чувства ихъ быстры, но не сильны и кратковременны; поступки не обпаруживаютъ сильной воли. У людей съ меланхолическимъ темпераментомъ, какъ воспріимчивость къ чувственнымъ раздраженіямъ, такъ и отвѣтная психическая реакція отличаются медленностью; однако психическія движенія, переживаемыя ими, глубоки и устойчивы; дѣйствія. хотя не энергичны, но опредѣленны и постоянны. Характернымъ признакомъ флегматика служитъ медленность, какъ въ возникновеніи, такъ и смѣнѣ душевныхъ состояній. Вмѣстѣ съ тѣмъ душевныя движенія флегматика не глубоки; особенно медленно протекаютъ волевые процессы; поэтому флегматическіе люди неохотливы къ дѣйствіямъ. Флегматика трудно заставить совершить дѣйствіе; однако если онъ его совершаетъ, то совершаетъ съ обнаруженіемъ болѣе или менѣе

твердой воли. Къ указаннымъ двумъ противоположностямъ, которыя принимаются за основу для дѣленія людей по темпераментамъ, психологъ Геффдингъ присоединяетъ еще одну— *склонность къ удовольствію или неудовольствію*. Есть люди, отъ природы подверженные тяжелому, мрачному настроенію; напротивъ того, есть такіе, у которыхъ преобладающимъ настроеніемъ является настроеніе свѣтлое, веселое. Принимая во вниманіе и эту противоположность, мы получимъ восемь различныхъ темпераментовъ.

1. Свѣтлый, сильный, быстрый.

2. Мрачный, сильный, быстрый (почти соотвѣтствующій холерическому).

3. Свѣтлый, сильный, медленный.

4. Мрачный, сильный, медленный (почти соотвѣтствующій меланхолическому).

5. Свѣтлый, слабый, быстрый (почти соотвѣтствующій сангвиническому).

6. Мрачный, слабый, быстрый.

7. Свѣтлый, слабый, медленный (почти соотвѣтствующій флегматическому).

8. Мрачный, слабый, медленный.

Вообще слѣдуетъ сказать, что въ основаніи различія темпераментовъ лежатъ болѣе физическія, чѣмъ психическія особенности, а именно: строеніе нервныхъ клѣтокъ, отсюда различная чувствительность къ возбужденію органовъ внѣшнихъ чувствъ; затѣмъ, составъ крови, различіе въ процессахъ кровообращенія, пищеваренія и пр. Что касается психическихъ особенностей, то основаніемъ различія темпераментовъ служатъ, главнымъ образомъ, состоянія чувства и воли.

Итакъ, въ характерѣ каждаго индивидуума слѣдуетъ различать два элемента: постоянный, неизмѣнный и измѣняющійся. Неизмѣннымъ элементомъ характера служитъ первоначальный темпераментъ, а измѣняющійся элементъ составляютъ при-

вычки, которыя могутъ мѣняться и этимъ вліять на измѣненіе характера.

Характеръ, какъ извѣстное, опредѣленное направленіе индивидуальной воли, обусловливается тѣми влеченіями, которыя имѣютъ господствующее значеніе и на осуществленіе которыхъ направлена, главнымъ образомъ, дѣятельность человѣка. Сообразно съ особенностями господствующихъ влеченій, все разнообразіе характеровъ можетъ быть сведено къ тремъ основнымъ типамъ. У однихъ людей преобладающими являются чувственныя влеченія; интересы такихъ лицъ сосредоточены преимущественно на чувственныхъ удовольствіяхъ (вкусно поѣсть, не обременять себя трудомъ, а проводить время въ легкихъ развлеченіяхъ и т. п.). Такіе характеры могутъ быть названы *чувственными*. У другихъ людей руководящими служатъ личныя влеченія; интересы ихъ сосредоточены на своемъ «я»; вся дѣятельность ихъ направлена на удовлетвореніе эгоистическихъ побужденій. Что-бы они ни дѣлали, мысли и чувства ихъ всегда сосредоточены на ихъ собственной личности, они никогда не забываютъ о себѣ. Даже подвиги самоотверженія совершаются ими изъ личныхъ, эгоистическихъ побужденій. Это—характеры *эгоцентрическіе*. Наконецъ, существуютъ люди съ сильно развитымъ моральнымъ и симпатическимъ чувствомъ; господствующими влеченіями ихъ служатъ влеченія сверхличныя; всѣ интересы ихъ сосредоточиваются на внѣшнемъ мірѣ, выходящемъ за предѣлы ихъ физической и духовной индивидуальности; дѣятельность ихъ направлена преимущественно на благо другихъ людей и отличается нравственнымъ характеромъ. Такіе характеры называются *сверхличными* или *нравственными*.

Между указанными типами характеровъ существуетъ, конечно, множество переходныхъ формъ. Въ каждомъ человѣкѣ на протяженіи его жизни совершается эволюція характера. Развиваясь, онъ постепенно переходитъ изъ одной формы въ

другую. Такъ, въ дѣтскомъ возрастѣ характеръ каждаго человѣка отличается чувственностью; юношескому возрасту болѣе всего свойственна эгоцентричность, которая находитъ себѣ выраженіе въ честолюбивыхъ и словолюбивыхъ мечтахъ юноши; вступленіе въ зрѣлый возрастъ во многихъ случаяхъ отмѣчается поворотомъ къ преобладанію сверхличной дѣятельности.

Глава XXXIV.

О свободѣ воли.

Общее понятіе свободы воли. Несвободныя и свободныя волевыя дѣйствія. Примѣры. Связь между свободнымъ дѣйствіемъ и рѣшеніемъ. Опредѣленіе свободы воли. Основные взгляды на свободную волю. **Метафизическое разрѣшеніе вопроса о свободѣ воли.** Детерминизмъ и индетерминизмъ. **Свобода воли съ психологической точки зрѣнія.** Психологическая несостоятельность индетерминизма. Подчиненіе воли закону причинности. Ограниченіе этого закона существованіемъ сознательной способности свободнаго выбора. Доказательства. Психологическое пониманіе причинности воли. Характеръ, какъ причина волевыхъ дѣйствій. **Свобода воли съ этической точки зрѣнія.** Понятіе объ отвѣтственности человѣка за совершаемыя имъ дѣйствія. Относительность понятія свободной воли и примѣнимость къ волевымъ состояніямъ закона эволюціи. Высшая степень свободы воли. Вмѣняемость. Теоретическій и практическій взглядъ на вмѣняемость.

Общее понятіе свободы воли. Однимъ изъ вопросовъ, входящихъ въ составъ ученія о волѣ, является вопросъ о свободѣ воли. Что же слѣдуетъ разумѣть подъ свободной волей? Если мы станемъ анализировать волевыя дѣйствія, какъ результатъ волевыхъ процессовъ, то мы найдемъ, что одни изъ этихъ дѣйствій имѣютъ для насъ характеръ необходимости и потому могутъ быть названы *несвободными;* другія же являются слѣдствіемъ нашего выбора, рѣшенія; поэтому мы ихъ называемъ *свободными.* Такъ напр., мнѣ хочется пить; я подхожу къ столу, гдѣ стоитъ графинъ съ во-

дой, наливаю въ стаканъ воды и утоляю жажду. Или, мнѣ нужно выйти изъ дому; я надѣваю пальто, шапку и выхожу изъ дому. Въ обоихъ случаяхъ совершаемыя мною дѣйствія являются непосредственнымъ слѣдствіемъ моего желанія; это придаетъ имъ характеръ необходимости; можно сказать, что они несвободны. Но когда мнѣ хочется пить, а я, чувствуя себя разгоряченнымъ, удерживаюсь отъ естественной потребности утоленія жажды, то тогда я совершаю дѣйствіе по моему добровольному выбору, и потому дѣйствіе это должно быть названо свободнымъ. Очевидно, что въ простыхъ волевыхъ актахъ дѣйствіе, слѣдующее непосредственно за желаніемъ, есть дѣйствіе несвободное. Въ сложныхъ же волевыхъ процессахъ, гдѣ дѣйствіе вытекаетъ изъ рѣшенія, дѣйствіе это свободно. Такимъ образомъ, понятіе о свободномъ дѣйствіи находится въ тѣсной связи съ главнѣйшимъ волевымъ моментомъ—*выборомъ* или *рѣшеніемъ*. Отсюда *подъ свободой воли слѣдуетъ понимать способность сознательнаго выбора между различнаго рода дѣйствіями.* Казалось бы, что вопросъ о свободѣ воли является простымъ и легкимъ. Между тѣмъ научное разрѣшеніе его представляетъ большія трудности. Существуетъ два противоположныхъ взгляда на этотъ предметъ. Одни ученые совершенно отрицаютъ свободу воли; другіе, напротивъ, считаютъ волю вполнѣ свободной.

Собственно говоря, полное, подробное разсмотрѣніе вопроса о свободѣ воли составляетъ предметъ философіи. Однако, вопросъ этотъ опирается на данныя чисто психологическаго характера, а именно, на состоянія нашего сознанія. Съ этой стороны, онъ представляетъ и психологическій интересъ. Во всякомъ случаѣ, основаніемъ проблемы о свободной волѣ служитъ философское или метафизическое ея разрѣшеніе.

Метафизическое разрѣшеніе вопроса о свободѣ воли. Какъ мы сказали, на свободу воли существуетъ два противоположныхъ взгляда. Основаніемъ одного изъ нихъ слу-

житъ идея причинности. Мы убѣждены въ томъ, что всякое физическое явленіе имѣетъ свою причину, эта причина, какъ извѣстное вліяніе, имѣетъ также свою причину; такимъ образомъ, всѣ явленія видимаго міра представляютъ собою цѣпь причинъ и слѣдствій. Это убѣжденіе приводитъ насъ къ мысли о томъ, что должна существовать конечная причина, причина всѣхъ причинъ, или, какъ говорятъ, первопричина. Распространяя причинную зависимость на дѣйствія человѣка, мы должны прійти къ тому, что дѣйствія эти не зависятъ отъ воли человѣка, а суть дѣйствія первопричины слѣдовательно, всѣ человѣческія дѣйствія, какъ и всѣ явленія физическаго міра, находятся въ зависимости отъ предшествующихъ обстоятельствъ и подчинены всеобщему закону причинности. Философская система, отрицающая свободу воли, называется *детерминизмомъ*, а философы—*детерминистами*. Другіе философы разсуждаютъ иначе. По ихъ мнѣнію, волевыя дѣйствія отличаются отъ физическихъ явленій тѣмъ, что они не подчиняются всеобщему закону причинности, а представляютъ самостоятельный, причинный рядъ явленій, первопричиною которыхъ служитъ непосредственно само сознаніе, въ частности воля человѣка. При такомъ пониманіи, всѣ волевыя дѣйствія человѣка свободны отъ общей причины, а зависятъ отъ него самого. Система, которая признаетъ за волей человѣка свободу отъ причинности, называется *индетерминизмомъ*, а философы—*индетерминистами*.

Свобода воли съ психологической точки зрѣнія. Разсмотрѣніе вопроса о свободной волѣ съ точки зрѣнія психологіи приводитъ къ слѣдующимъ соображеніямъ. Если признать вмѣстѣ съ индетерминистами безпричинность, а слѣдовательно, полную свободу воли, то тогда придется отвергнуть причинную зависимость между волевыми дѣйствіями и мотивами и признать за волевыми актами характеръ произвола и случайности. При такомъ положеніи вещей мы не имѣли бы

никакой возможности въ томъ или иномъ случаѣ предугадывать поступковъ людскихъ; они всегда имѣли бы для насъ характеръ полной случайности; иначе говоря, въ волевыхъ состояніяхъ мы не могли бы усмотрѣть никакой законности, а при такомъ условіи невозможно было бы научное изученіе ихъ. Между тѣмъ уже практическая дѣйствительность обнаруживаетъ достаточную возможность предугаданія нами дѣйствій того или другого индивидуума; это показываетъ, что въ происхожденіи и развитіи волевыхъ состояній человѣка существуетъ законность: одни явленія вызываютъ собою опредѣленныя слѣдствія; слѣдовательно, воля подчиняется закону причинности. Съ другой стороны, анализъ многихъ состояній сознанія, въ которыя входитъ элементъ воли, свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что въ насъ есть способность сознательно - свободнаго выбора, рѣшенія. Особенно убѣдительно это проявляется въ сложныхъ волевыхъ процессахъ. Когда человѣкъ стоитъ передъ выборомъ, то до совершенія того или другого дѣйствія у него есть сознаніе того, что выборъ мотива находится въ его власти, что онъ, какъ говорится, воленъ поступить по своему личному усмотрѣнію. Равнымъ образомъ, по совершеніи дѣйствія согласно принятому рѣшенію, человѣкъ сознаетъ, что онъ могъ поступить и иначе; такое сознаніе обнаруживается въ чувствѣ одобренія себя или раскаянія за совершенный поступокъ. Въ этомъ сознаніи возможности произвольнаго выбора мотива и заключается свободный моментъ воли. Такой моментъ можетъ быть наблюдаемъ при всякомъ состояніи сознанія. Свобода выбора имѣетъ мѣсто и при воспоминаніи, и при воображеніи, и при дѣятельности мышленія и даже при чувствахъ; не даромъ существуютъ выраженія. «свободный умъ«, «свободная фантазія», «свободная любовь» и т. п. На свободномъ выборѣ основывается способность самоконтролированія.

Какъ же психологія должна понимать причинность воли? Несомнѣнно, что каждый волевой актъ сопровождается созна-

ніемъ того, что причиною совершаемаго человѣкомъ дѣйствія служитъ само совершающее это дѣйствіе лицо, его «я», личность. Но личность можетъ быть понимаема двояко. или какъ состояніе сознанія субъекта въ извѣстный моментъ времени, или какъ содержаніе сознанія индивидуума въ цѣломъ его объемѣ со всѣми отличительными свойствами и характерными особенностями. Во второмъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ характеромъ. Несомнѣнно, что въ вопросѣ о причинности воли разумѣется характеръ, который и является въ сознаніи причиною волевыхъ дѣйствій. Такимъ образомъ, вопросъ сводится къ причинности характера. Но что такое характеръ? Мы уже знаемъ, что характеръ слагается изъ двухъ элементовъ съ одной стороны, онъ является самороднымъ свойствомъ личности, съ другой—, онъ есть результатъ внѣшнихъ условій. Поэтому опредѣленіе причинности характера является задачею по своей сложности неразрѣшимою; математическій учетъ въ каждомъ случаѣ всѣхъ условій образованія характера является, по современному состоянію науки, дѣломъ невозможнымъ.

Этическое пониманіе свободы воли. Наиболѣе важнымъ по практическимъ послѣдствіямъ является вопросъ о свободѣ воли въ области этики. Дѣло въ томъ, что съ понятіемъ о свободной волѣ связывается вопросъ объ отвѣтственности человѣка за совершаемыя имъ дѣйствія. Признаніе свободной воли дѣлаетъ человѣка отвѣтственнымъ за все то, что онъ совершаетъ; напротивъ того, если считать волю несвободной, то тогда человѣкъ не можетъ быть отвѣтственнымъ за свои поступки. Какъ бы теоретически ни рѣшался вопросъ, несомнѣнно то, что понятіе свободной воли есть понятіе относительное. Полная, абсолютная свобода воли существуетъ только въ идеѣ. Опытъ же показываетъ намъ, что она, какъ и всѣ явленія психической жизни, подлежитъ закону эволюціи. Животныя лишены свободнаго выбора, но въ высшихъ формахъ животнаго царства наблюдаются произвольныя дѣй-

ствія. Что касается человѣка, то въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ замѣчается въ отношеніи свободы воли постепенный ростъ, совершенствованіе. Дѣтскому возрасту она не присуща; у дѣтей ее можно признать только въ потенціальномъ состояніи. Приэтомъ не всѣ люди въ отношеніи свободы воли достигаютъ одинаковой степени развитія. Подъ высшею степенью свободы воли разумѣется дѣятельность человѣка, сопровождаемая полнымъ сознаніемъ своей личности. Отъ такого пониманія свободы воли зависитъ и разрѣшеніе вопроса объ отвѣтственности человѣка за свои дѣйствія. Конечно, такой отвѣтственности подлежитъ только тотъ человѣкъ, который живетъ и поступаетъ съ полнымъ сознаніемъ свободы выбора, сознаніемъ того, что онъ является виновникомъ своихъ дѣйствій. Признаніе человѣка отвѣтственнымъ за его дѣянія называется *вмѣняемостью*. Въ вопросѣ о вмѣняемости различаютъ двѣ точки зрѣнія: теоретическую или этическую и практическую или юридическую. Съ нравственной точки зрѣнія вмѣняться могутъ лишь тѣ дѣйствія, которыя являются результатомъ свободнаго выбора, рѣшенія. Такое вмѣненіе есть вмѣненіе по совѣсти; оно допускаетъ только два отвѣта: отвѣтственъ или неотвѣтственъ. Что касается юридической точки зрѣнія, то она допускаетъ извѣстную относительность; съ этой точки зрѣнія, въ зависимости отъ различныхъ условій, при которыхъ совершено дѣйствіе, опредѣляется и степень отвѣтственности.

Заключеніе.

Глава XXXV.

Личность. Душа и тѣло.

Что такое „я“? Отличіе личности отъ характера. Элементы нашего „я“: 1) познаваемый и 2) познающій. **Эмпирическое „я“ или личность.** Опредѣленіе. Элементы личности: 1) личность физическая, 2) личность духовная и 3) личность соціальная. 1. *Физическая личность.*

Ея слагаемыя: тѣло, близкіе люди, вещи. 2. *Духовная личность.* Воспріятіе психическихъ явленій и сознаніе ихъ отличія отъ матеріальныхъ вещей. Внутренній міръ и понятіе о духовной личности. 3. *Соціальная личность.* Человѣкъ—существо общественное. Интересъ къ тому, какъ относятся къ намъ люди. Образованіе соціальной личности и значеніе ея въ жизни человѣка. **Чистое „я“.** Понятіе о мыслящемъ субъектѣ. Два мнѣнія. Опредѣленіе чистаго „я“. Свойства его: 1) единство сознанія и 2) тождество „я“. 1. *Единство сознанія.* Мнѣніе о томъ, что „я“ есть совокупность единичныхъ состояній сознанія. Неосновательность его. Необходимость признанія комбинирующаго начала. 2. *Тождество „я“.* Нетождественность эмпирической личности. Существованіе неизмѣннаго элемента сознанія. Примѣръ. Тождество познающаго „я“. **Душа и тѣло.** Роль психологіи въ вопросѣ о сущности души: характеръ и границы изслѣдованія. Психофизическій параллелизмъ и его формы: 1) эмпирическій параллелизмъ и 2) психофизическій монизмъ. 1. *Эмпирическій параллелизмъ.* Сущность его. Научность (соотвѣтствіе съ данными психологическаго опыта). 2. *Психофизическій монизмъ.* Сущность его. Разъясненіе посредствомъ примѣра. Метафизическій характеръ.

Что такое «я»? Въ обыденной жизни слова «характеръ» и «личность» обыкновенно употребляются въ одинаковомъ смыслѣ. Въ научномъ же пониманіи между характеромъ и личностью существуетъ различіе. Сущность характера мы себѣ выяснили. Что же такое личность? О чемъ бы человѣкъ ни думалъ, что бы онъ ни чувствовалъ, чѣмъ бы ни занимался, онъ всегда въ большей или меньшей степени сознаетъ самого себя, свое личное существованіе, свое «я». Что же мы разумѣемъ подъ своимъ «я»? Когда мы мыслимъ о своемъ «я», то, съ одной стороны, мы представляемъ себѣ все то, что можемъ назвать своимъ: во 1-хъ, тѣлесныя и душевныя свойства, въ каждый данный моментъ нами сознаваемыя; во 2-хъ, существа, духовно съ нами связанныя, вызывающія въ насъ чувство симпатіи; наконецъ, всѣ принадлежащія намъ и имѣющія для насъ какую-либо цѣнность вещи. Съ другой стороны, подъ «я» мы подразумѣваемъ существующее въ насъ мыслящее и объединяющее всѣ душевныя состоянія начало, которое мы называемъ сознаніемъ. Такимъ образомъ, въ томъ, что мы называемъ нашимъ «я», слѣдуетъ

различать двѣ стороны или два элемента: 1) элементъ *познаваемый*, который является для насъ объектомъ; это есть собственно то, что можетъ быть названо *личностью;* и 2) элементъ *познающій*, субъективный, въ тѣсномъ смыслѣ наше «я»; его нѣкоторые психологи называютъ «чистымъ я».

Эмпирическое «я» или личность. Итакъ, подъ личностью въ широкомъ смыслѣ разумѣется *совокупность всего того, что человѣкъ можетъ назвать своимъ.* Ее иначе называютъ *эмпирическимъ «я»*. Она является понятіемъ сложнымъ и заключаетъ въ себѣ слѣдующіе составные элементы: 1) личность физическую, 2) личность духовную и 3) личность соціальную.

1. *Физическая личность.* Мы уже знаемъ, что наше тѣло является для насъ и объектомъ и субъектомъ. Человѣкъ съ дѣтскаго возраста научается отличать свое тѣло отъ постороннихъ вещей. Путемъ непрерывнаго ряда разнообразныхъ ощущеній у насъ составляется представленіе о нашемъ тѣлѣ, какъ о предметѣ, отличномъ отъ предметовъ внѣшняго міра. Такимъ образомъ, нашъ тѣлесный организмъ пріобрѣтаетъ исключительное для насъ значеніе и тѣмъ является существенною частью нашей физической личности, представляя предметъ нашего ухода и заботъ. Затѣмъ, въ органической связи съ нашимъ «я» находятся члены нашего семейства, люди, связанные съ нами кровнымъ родствомъ, а также и тѣ лица, къ которымъ мы питаемъ чувство симпатіи. Они также составляютъ предметъ нашего интереса и заботъ. Ихъ хорошія и дурныя дѣйствія возбуждаютъ въ насъ, какъ и наши собственныя, пріятныя и непріятныя чувства. Потеря ихъ вызываетъ въ насъ сознаніе утраты части нашего «я». Поэтому они также представляютъ часть нашей физической личности. Наконецъ, въ составъ ея входитъ также все то, что мы называемъ нашимъ имуществомъ. Каждая принадлежащая мнѣ вещь въ большей или меньшей степени является близ-

кою частью моей личности. Всякое пріобрѣтеніе вызываетъ во мнѣ чувство удовольствія, всякая утрата—огорченіе и досаду. Особенно чувствительны мы къ произведеніямъ нашего личнаго труда. Гибель такой вещи, смотря по степени ея важности, можетъ равняться уничтоженію для насъ нашего «я». Безъ нея мы не можемъ представить себѣ нашего дальнѣйшаго существованія. Не трудно представить себѣ отчаяніе художника отъ случайной гибели созданной и только что законченной имъ замѣчательной картины.

2. *Духовная личность.* Кромѣ воспріятій собственнаго тѣла, существуютъ, какъ извѣстно, и внутреннія воспріятія—воспріятія нашихъ психическихъ состояній. Мы съ ясностью отличаемъ въ себѣ эти состоянія, не смѣшиваемъ ихъ съ предметами и явленіями физическаго міра, а напротивъ, признаемъ ихъ отличными отъ нихъ. Такъ напр., представленія о какомъ-нибудь столѣ, собакѣ, облакѣ я отличаю отъ воспринимаемыхъ мною дѣйствительныхъ предметовъ. Послѣдніе могутъ измѣнить свой видъ, разрушиться, исчезнуть; между тѣмъ, представленія о нихъ продолжаютъ существовать въ моемъ сознаніи. Отецъ мой умеръ, но представленіе о немъ живетъ во мнѣ, какъ фактъ, подлежащій моему внутреннему воспріятію. Вмѣстѣ съ тѣмъ я сознаю, что всѣ существующія во мнѣ представленія совершенно отличны отъ всего того, что я называю матеріальнымъ. Равнымъ образомъ, я радуюсь, печалюсь, гнѣваюсь, словомъ, испытываю различнаго рода чувства и признаю ихъ фактами, не похожими ни на какую матеріальную вещь. То же самое можно сказать и о явленіяхъ нашей воли. Они такъ или иначе оказываютъ воздѣйствіе на предметы матеріальнаго міра, тѣмъ не менѣе мы ихъ отличаемъ отъ всего того, что имѣетъ характеръ матеріальности признаемъ явленіями совершенно иного порядка. Къ этому нужно прибавить слѣдующее. Когда человѣкъ думаетъ о себѣ, какъ о духовномъ существѣ, то всѣ другіе элементы

его личности представляются ему въ отношеніи духовнаго элемента какъ бы внѣшними объектами. Такъ, когда я думаю о переживаемыхъ или пережитыхъ мною душевныхъ состояніяхъ, то мое физическое «я» кажется мнѣ чѣмъ-то постороннимъ, внѣ меня находящимся. Воспринимаемыя нами собственныя душевныя состоянія мы объединяемъ въ одно цѣлое, которое въ отличіе отъ міра физическаго называемъ внутреннимъ міромъ. Этотъ внутренній міръ, какъ познаваемая часть нашего существа и относимая нами къ общей причинѣ —сознанію, и есть наша *духовная личность*, наше *духовное «я»*; это «я» также находится въ тѣсной связи съ эмпирической личностью.

3. *Соціальная личность*. Нѣкоторые психологи въ эмпирической личности различаютъ еще личность соціальную. Связь человѣка съ существами себѣ подобными или, какъ говорятъ, съ окружающей средой, сдѣлала его съ незапамятныхъ временъ существомъ общественнымъ. Поэтому каждый изъ насъ обладаетъ прирожденною наклонностью интересоваться отношеніемъ къ намъ людей, насъ окружающихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ располагать ихъ къ себѣ, вызывать въ нихъ къ себѣ чувство симпатіи. Такое свойство человѣческой природы приводитъ къ образованію въ человѣкѣ соціальной личности. Изъ совокупности отношеній людей, съ которыми мы приходимъ въ соприкосновеніе, у насъ получается нѣкоторое общее представленіе о томъ, какъ посторонніе люди относятся къ намъ и каковы ихъ отъ насъ требованія. Представленіе это мы отождествляемъ со своимъ «я», и такимъ образомъ въ нашемъ сознаніи получается то, что называется *соціальной личностью*. Соціальная личность является весьма важнымъ элементомъ нашего эмпирическаго «я». Всѣ наши представленія о доброй и худой славѣ, объ извѣстности, о чести и позорѣ связаны съ нею. Сознаніемъ соціальной личности опредѣляется сила и значеніе для насъ общественнаго мнѣнія. Вотъ почему всякая

форма принудительнаго удаленія человѣка изъ общества является для него однимъ изъ тяжелыхъ наказаній.

Чистое „я“. Точное опредѣленіе чистаго «я» представляетъ съ психологической точки зрѣнія трудности. Что слѣдуетъ разумѣть подъ чистымъ «я»? Было сказано, что оно составляетъ познающій элементъ вообще нашего «я». Это есть то «я», которое въ каждый данный моментъ мыслитъ, *сознаетъ*; иначе говоря, оно есть мыслящій субъектъ. Но что же представляетъ собою этотъ мыслящій субъектъ? Съ одной стороны, опытъ показываетъ, что жизнь сознанія проявляется въ цѣломъ рядѣ преходящихъ и смѣняющихъ другъ друга состояній, которыя психологія и разсматриваетъ, какъ таковыя. Съ другой стороны, каждому человѣку его познающее «я» представляется чѣмъ-то постояннымъ, неизмѣняющимся. Отсюда, по мнѣнію однихъ ученыхъ, подъ мыслящимъ субъектомъ слѣдуетъ признавать измѣнчивыя состоянія сознанія, они являются единственнымъ, исключительнымъ дѣятелемъ познаванія. Другіе, напротивъ, полагаютъ за измѣнчивыми состояніями сознанія существованіе неизмѣннаго начала, *субстанціи*, которая и служитъ дѣятелемъ, вызывающимъ измѣненія въ нашемъ сознаніи. Отдѣльныя, единичныя состоянія сознанія являются для него лишь только средствомъ, орудіемъ. Если допустить второе пониманіе мыслящаго субъекта, то чистое «я» можетъ быть опредѣлено такъ: оно есть *индивидуальная мыслящая субстанція, сознающая и объединяющая въ одно цѣлое всѣ измѣнчивыя душевныя состоянія, которыя относятся къ нему, какъ его свойства.* Въ пользу такого пониманія чистаго «я» говоритъ слѣдующее: въ 1-хъ, *единство сознанія* и во 2-хъ, *тождество «я»*.

1. *Единство сознанія.* Психологическій опытъ показываетъ намъ, что наше «я» образуется изъ разнообразныхъ единичныхъ фактовъ: умственныхъ, чувственныхъ и волевыхъ. Основываясь на эмпирическихъ данныхъ, нѣкоторые психологи,

какъ мы видѣли, полагаютъ, что наше «я» есть не что иное, какъ совокупность единичныхъ состояній сознанія и ничего больше. Однако такое пониманіе встрѣчаетъ себѣ довольно вѣское возраженіе. Представимъ себѣ тотъ случай, когда мы сравниваемъ между собою два представленія. Если признать, что наше «я» есть только сумма отдѣльныхъ состояній сознанія, то вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ допустить, что процессъ сравненія представленій состоитъ въ самопроизвольномъ соединеніи и сопоставленіи этихъ представленій; иначе говоря, выходитъ, что представленія сами себя сравниваютъ. Но такое допущеніе, очевидно, невозможно. Процессъ сравненія представленій можетъ осуществиться только при условіи одновременнаго существованія ихъ въ нашемъ сознаніи, одновременной ихъ мыслимости; т. е. необходимо то, что называется *единствомъ сознанія*, а это возможно лишь при условіи признанія нѣкоего *комбинирующаго начала*, чего-то *третьяго*, которое соединяетъ отдѣльные психическіе факты въ одно цѣлое.

2. *Тождество «я»*. Другимъ аргументомъ, который приводится въ доказательство субстанціональности нашего «я», служитъ такъ называемое тождество «я» или личности. Если мы обратимся къ нашей эмпирической личности и станемъ сравнивать ея состоянія въ различные моменты времени, то она окажется не одною и тою же, иначе говоря, нетождественной. Въ одинъ моментъ я былъ здоровъ, въ другой —боленъ; въ одно время я былъ утомленъ, въ другое—бодръ; однажды я былъ золъ и гнѣвенъ, въ другой разъ добръ и благодушенъ и т. д. Если же сравнивать наше эмпирическое «я» въ моменты времени, находящіеся на далекомъ другъ отъ друга разстояніи, то различіе личности будетъ еще ощутительнѣе. Такъ напр., при сравненіи себя въ 50-ти лѣтнемъ возрастѣ съ тѣмъ, чѣмъ я былъ въ 20 лѣтъ, я найду большую разницу. Тогда я былъ молодъ, теперь я старъ: тогда я былъ бодръ,

неутомимъ, предпріимчивъ, теперь я слабъ, вялъ и неподвиженъ; тогда я обладалъ хорошею памятью, теперь я сталъ забывчивъ и т. д. Такимъ образомъ, въ отношеніи личности, какъ познаваемаго элемента въ сознаніи, абсолютнаго тождества не существуетъ. Но несмотря на это сознаваемое нами различіе нашего «я» въ разные моменты времени, мы признаемъ себя всегда за одно и то же. Когда я въ 50 лѣтъ моей жизни вспоминаю себя, когда мнѣ было 10 лѣтъ, то это вспоминаемое мною «я» признается мною за мое теперешнее «я», за то «я», которое я сознаю въ себѣ въ моментъ воспоминанія. Я мысленно говорю· «10-ти лѣтъ я былъ тотъ самый, кто я въ настоящее время». Слѣдовательно, устраняя все измѣнчивое, преходящее въ моей личности, я признаю существованіе во мнѣ неизмѣннаго начала; оно является для меня всегда и вездѣ тождественнымъ съ самимъ собою. Очевидно, это есть мое чистое «я», ему то и приписывается признакъ абсолютнаго тождества.

Душа и тѣло. Въ отдѣлѣ о задачахъ психологіи было, между прочимъ, сказано, что психологія, имѣя своимъ предметомъ психическія явленія, какъ они обнаруживаются въ сознаніи отдѣльныхъ субъектовъ, не отказывается совершенно отъ изслѣдованія вопроса о сущности основы этихъ явленій, которую мы называемъ душой. Но психологія наука по преимуществу опытная, исходящая изъ фактовъ и на нихъ основывающая свои выводы. Поэтому болѣе или менѣе удовлетворительное разрѣшеніе вопроса о сущности души находится въ зависимости отъ состоянія психологической науки. Несмотря на тѣ крупные успѣхи, которые сдѣлала въ послѣднее время психологія, все же научный матеріалъ ея не представляетъ собою такихъ данныхъ, которыя давали бы возможность удовлетворительнаго разрѣшенія разсматриваемаго вопроса. Изслѣдованіе послѣдняго и до настоящаго времени имѣетъ преобладающій метафизическій характеръ и является предметомъ бо-

лѣе философіи, чѣмъ психологіи. Однако и послѣдняя, основываясь на своихъ научныхъ данныхъ, предлагаетъ по этому вопросу свои объясненія.

При опредѣленіи психологіи и предмета ея занятій были указаны тѣ главныя формы, къ которымъ сводится все разнообразіе существующихъ представленій и понятій о душѣ. Формы эти слѣдующія: *спиритуализмъ*, *матеріализмъ* и *эмпиризмъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ было сказано, что психологія, какъ наука опытная, опирающаяся на реальные факты, въ основу своихъ изслѣдованій должна положить эмпирическое воззрѣніе на душу. По этому воззрѣнію душа представляется совокупностью особаго рода явленій, которыя мы называемъ психическими, и больше ничего. Поэтому, опираясь на него, психологія тѣмъ самымъ устранила себя отъ разрѣшенія вопроса о сущности души, дабы не внести въ свои изслѣдованія нежелательную предубѣжденность и тѣмъ сохранить за собою научную осторожность. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она, конечно, оставила за собою право высказывать и по этому предмету свои предположенія, но не иначе, какъ исходя изъ имѣющихся въ ея распоряженіи данныхъ. Такъ возникла особая теорія, извѣстная подъ названіемъ *психофизическаго параллелизма*. Теорія эта нашла себѣ выраженіе въ двухъ воззрѣніяхъ: 1) *эмпирическомъ параллелизмѣ* и 2) *психофизическомъ монизмѣ*.

1. *Эмпирическій параллелизмъ*. Стоя на почвѣ опытныхъ данныхъ, психологи-эмпирики признаютъ между явленіями духовными и матеріальными коренное различіе. Исходя изъ принципа, что психическое можетъ имѣть своимъ источникомъ всегда только психическое, а физическое можетъ быть вызвано только физическимъ, эмпирики признаютъ, что духовное и матеріальное—двѣ совершенно отличныя другъ отъ друга области, изъ которыхъ каждая раскрывается соотвѣтственно своимъ законамъ и притомъ совершенно самостоятельно, не

обнаруживая взаимодѣйствія психическія явленія не зависятъ отъ физическихъ; равнымъ образомъ, физическія не зависятъ отъ психическихъ. Однако проявленіе физическаго и матеріальнаго совершается одновременно: каждому психическому явленію соотвѣтствуетъ физическое. Такимъ образомъ, связь между психическимъ и матеріальнымъ представляется въ видѣ *параллельнаго хода* двухъ самостоятельныхъ рядовъ явленій, одновременно существующихъ, другъ другу соотвѣтствующихъ, но ни въ какую причинную связь другъ съ другомъ не входящихъ. Таково психологическое воззрѣніе на тѣло и душу. Не выходя изъ предѣловъ данныхъ опыта, оно не касается вопроса о сущности матеріальнаго и духовнаго, а лишь констатируетъ существующую между ними связь, соотвѣтствіе. Воззрѣніе это можетъ быть названо *эмпирическимъ параллелизмомъ*.

2. *Психофизическій монизмъ*. Однако не всѣ психологи-эмпирики довольствуются эмпирическимъ параллелизмомъ. Многіе находятъ необходимымъ объяснить и ту внутреннюю связь между физическимъ и психическимъ, отъ которой зависитъ параллелизмъ явленій. По ихъ мнѣнію, хотя психическія и физическія явленія и представляютъ два самостоятельныхъ ряда, но по существу между ними нѣтъ коренного различія. Если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія теоріи познанія, то они представляютъ собою лишь различныя стороны одного и того же явленія, одной и той же невѣдомой *реальности*. Различіе ихъ зависитъ отъ различныхъ точекъ зрѣнія. Это можно пояснить слѣдующимъ примѣромъ. Когда человѣкъ мыслитъ, чувствуетъ, желаетъ, словомъ, переживаетъ какія-либо психическія состоянія, то переживаніе это сопровождается процессомъ движенія нѣкоторыхъ мозговыхъ частицъ. Путемъ внутренняго опыта онъ переживаемые имъ факты сознаетъ какъ психическія состоянія; онъ знаетъ, что у него въ данный моментъ явилась извѣстная мысль, чувство, желаніе. Но если бы въ моментъ переживанія какого-либо

психическаго состоянія, постороннее лицо, съ помощью какихъ-нибудь усовершенствованныхъ приборовъ, могло бы подвергнуть разсмотрѣнію совершающіеся въ мозгу процессы, то оно восприняло бы то же самое, что сознаетъ переживающій данное состояніе человѣкъ, но только съ другой стороны. То, что для послѣдняго является психическимъ состояніемъ, для посторонняго оказалось бы движеніемъ частицъ мозга. По существу разсматриваемый обоими людьми фактъ есть одно и то же; различіе же, по которому для одного этотъ фактъ представляется мыслью, а для другого движеніемъ мозговыхъ частицъ, происходитъ вслѣдствіе того, что разсмотрѣніе происходитъ съ двухъ различныхъ сторонъ или точекъ зрѣнія: одинъ разсматриваетъ его *изнутри*, а другой *извнѣ*. Такимъ образомъ, духовное и матеріальное есть *одно и то же*, но разсматриваемое съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія; это двѣ стороны *одной и той же реальности*, одна *внутренняя*, а другая *внѣшняя*. Воззрѣніе это, признающее также параллелизмъ между психическими и физическими явленіями, но сводящее ихъ къ *единству*, а слѣдовательно *тождеству*, называется *теоріей тождественности*, или иначе *психофизическимъ монизмомъ*. Такимъ образомъ, монистическое воззрѣніе сводится къ признанію единства духа и матеріи; доводы монизма въ этомъ отношеніи носятъ метафизическій характеръ. Но оставаясь на эмпирической почвѣ, монизмъ оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, какова сущность того единаго принципа, двумя сторонами котораго являются духъ и матерія. Вопросъ этотъ находится пока въ рукахъ метафизики.

УКАЗАТЕЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I. Систематическіе курсы общей психологіи.

Бэнъ. Психологія. 1902.

Бэнъ. Душа и тѣло. 1883.

Вундтъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ. Спб. 1894.

Геффдингъ. Очерки психологіи, основанной на опытѣ. 1904.

Джемсъ. Психологія. Спб. 1905.

Компейре. Элементарный курсъ психологіи. 1902.

Лопатинъ. Курсъ психологіи. 1903.

Лэддъ. Очеркъ элементарной психологіи. 1900.

Нечаевъ. Очеркъ психологіи для воспитателей и учителей. 1903.

Селли. Основныя начала психологіи въ примѣненіи ея къ воспитанію. Спб. 1897.

Сикорскій. Всеобщая психологія съ физіогномикой. 1905.

Снегиревъ. Психологія. 1905.

Фонсегривъ. Элементы психологіи. 1903.

II. Сочиненія по частнымъ вопросамъ общей психологіи примѣнительно къ главамъ учебника.

Къ гл. I-й и II-й.

Балдвинъ. Введеніе въ психологію. М. 1903.

Бинэ, Анри. Филиппъ, Куртье. Введеніе въ экспериментальную психологію. 1904.

Геффдингъ. Психологія. I.

Ланге. Психологическія изслѣдованія. 1892.

Льюисъ. Изученіе психологіи, ея предметъ, область и методъ. М. 1880.

Остроумовъ. О физіологическомъ методѣ въ психологіи. 1888.
Рибо. Современная англійская психологія. Спб. 1881.
Рибо. Современная германская психологія. Спб. 1895.
Снегиревъ. Психологія. Введеніе, I—V.
Сикорскій. Всеобщая психологія. II, 2.
Фонсегривъ. Элементы психологіи. Гл. I, II.
Цигенъ. Физіологическая психологія. 1893.
Челпановъ. Мозгъ и душа. Спб. 1903.

Къ гл. III-й.

Бэнъ. Психологія. Введеніе, гл. III.
Бехтеревъ. Основы ученія о функціяхъ мозга.
Мебіусъ. Нервная система человѣка. 1895.
Сикорскій. Всеобщая психологія. Отд. I, 4.
Сѣченовъ. Физіологическіе очерки. Ч. II. Спб. 1898.
Сѣченовъ. Физіологія нервныхъ центровъ. Спб. 1891.
Фостеръ и Шоръ. Физіологія для начинающихъ. М. 1902.
Эдингеръ. Лекціи о строеніи центральной нервной системы. Спб. 1894.

Къ гл. IV-й.

Бехтеревъ. Сознаніе и его границы. 1888.
Бинэ. Измѣненія личности. 1894.
Введенскій. О предѣлахъ и признакахъ одушевленія. 1892.
Викторовъ. Ученіе о личности и настроеніяхъ. 1904.
Геффдингъ. Психологія. 1905. Гл. III.
Ланге. Психологическія изслѣдованія: о вниманіи. 1893.
Липпсъ. Самосознаніе. 1903.
Рибо. Болѣзни личности. 1886.
Рибо. Психологія вниманія. Спб. 1897.

Къ гл. V-й.

Геффдингъ. Психологія. IV.

Лосскій. Недостатки традиціонной классификаціи душевныхъ явленій. Вѣстн. психологіи 1904.
Снегиревъ. Психологія. Введеніе, VI.

Къ гл. VI-й, VII-й, VIII-й, IX-й и X-й.

Бэнъ. Психологія. Кн. I, гл. III.
Бернштейнъ. Физіологія органовъ чувствъ. Спб. 1876.
Вундтъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ. II—XIII.
Геккель. Развитіе и происхожденіе органовъ чувствъ. 1882.
Гельмгольцъ Научное и философское изслѣдованіе зрѣнія. 1897.
Гензенъ. Физіологія слуха. Въ руководствѣ физіологіи Германна. Спб. 1888, т. III, ч. 2.
Джемсъ. Психологія. Гл. II—VI.
Крейбихъ. Пять чувствъ человѣка. 1903.
Макъ-Кендрикъ и *Снодграсъ.* Физіологія органовъ чувствъ. 1896.
Махъ. Введеніе къ ученію о слуховыхъ ощущеніяхъ Гельмгольца. 1879.
Штейнъ. Ученія о функціяхъ ушного лабиринта. М. 1892.

Къ гл. XI-й.

Джемсъ. Психологія. Гл. XX.
Гельмгольцъ. Факты въ воспріятіи. 1886.
Ланге. Психологическія изслѣдованія: о перцепціи. 1892.
Фонсегривъ. Элементы психологіи. Гл. VII.

Къ гл. XII-й.

Бехтеревъ. Значеніе органовъ равновѣсія въ образованіи представленій о пространствѣ. 1896.
Вундтъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ. X.
Герингъ. Пространственное чувство и движеніе глазъ Спб. 1887.
Геффдингъ. Психологія V, C.

Джемсъ. Психологія Гл. XXI.
Челпановъ. Проблема воспріятія пространства 1896—1904.
Шиманскій. Ученіе Канта и Спенсера о пространствѣ. 1903.

Къ гл. XIII-й.

Геффдингъ. Психологія. V, C.
Гюйо. Происхожденіе идеи времени. 1900.
Маринъ. О вліяніи чувствованій на теченіе времени. (Вопросы философ. и психол. № 8-й).
Челпановъ. Мозгъ и душа. Лекц. XII.

Къ гл. XIV-й.

Геффдингъ. Психологія. V, B, 7a.
Гротъ. Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа. 1878.
Джемсъ. Психологія. Гл. XX.
Кандинскій. О псевдогаллюцинаціяхъ. 1890.
Снегиревъ. Физіологическое ученіе о снѣ и сновидѣніяхъ. 1886.

Къ гл. XV-й и XVI-й.

Геффдингъ. Психологія. V, B.
Вундтъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ XVIII—XX.
Джемсъ. Психологія. Гл. XVI.
Лопатинъ. Подвижныя ассоціаціи представленій. (Вопросы псих. и философ. № 19).
Нечаевъ. Ассоціація сходства. 1905.

Къ гл. XVII-й.

Анри. Воспитаніе памяти. 1901.
Джемсъ. Психологія. Гл. XVIII.
Проданъ. О памяти. 1905.
Рибо. Аффективная память. 1895.
Рибо. Болѣзни памяти. 1894.
Сикорскій. Всеобщая психологія. II, 3, a, ββ.

Тэнъ. Объ умѣ и познаніи. Спб. 1894.
Фонсегривъ. Элементы психологіи. Гл. XX.
Челпановъ. Память и мнемоника. 1898.

Къ гл. XVIII-й.

Геффдингъ. Психологія. V, B, 12.
Джемсъ. Психологія. Гл. XIX.
Кейръ. Воображеніе и память. 1898.
Рибо. Творческое воображеніе. 1900.
Снегиревъ. Психологія. ч. I, II, 2.
Тиндаль Рѣчь о значеніи воображенія въ научномъ творчествѣ. Въ приложеніи къ книгѣ Секки: «Единство физическихъ силъ».
Тэнъ. Объ умѣ и познаніи.
Фонсегривъ. Элементы психологіи. Гл. XXV.

Къ гл. XIX-й и XX-й.

Бинэ. Механизмъ мышленія. 1894.
Джемсъ. Психологія Гл. XXII.
Мюллеръ Максъ. Наука о мысли. Спб. 1892.
Потебня. Языкъ и мысль. 1892.
Прейеръ. Душа ребенка. 1891.
Рибо. О развитіи общихъ идей. 1898.
Сикорскій. Всеобщая психологія. II, 3, б, в, г, д, ж.
Тэнъ. Объ умѣ и познаніи.
Фонсегривъ. Элементы психологіи. Гл. XVI.

Къ гл. XXI-й, XXII-й и XXIII-й.

Бинэ. Психологія умозаключенія. М. 1889.
Вундтъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ. XXI.
Селли. Основныя начала психологіи. Гл. XIV—XV.
Фонсегривъ. Элементы психологіи. Гл. XVII—XIX.

Къ гл. XXIV-й, XXV-й и XXVI-й.

Вундтъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ. XIV.
Геффдингъ. Психологія. VI, A, Б, C. D.
Гротъ. Психологія чувствованій. 1880.
Гротъ. Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка. 1889.
Дарвинъ. О выраженіи душевныхъ волненій у человѣка и животныхъ. 1896.
Джемсъ. Психологія. Гл. XXIV.
Згурскій. Психофизіологическая теорія чувствованій. М. 1901.
Мантегацца. Физіономія и выраженіе чувствъ. 1900.
Моссо. Страхъ. 1887.
Рибо. Психологія чувствованій. 1897.
Селли. Основныя начала психологіи. Гл. XVI—XVII.
Сикорскій. Всеобщая психологія. II, 4, а, б, в, д, е, ж.
Снегиревъ. Психологія. Ч. 2-я, II, 1, 2, 3, 4.
Тома. Воспитаніе чувствъ. 1900.
Фонсегривъ. Элементы психологіи Гл. VI, XII, XXVII.
Фуллье. Страданіе и удовольствіе. 1895.

Къ гл. XXVII-й, XXVIII-й и XXIX.

Бергсонъ. Смѣхъ въ жизни и на сценѣ. Спб. 1900.
Геффдингъ. Психологія. VI, C, 8, 9; E, 8, 9.
Гюйо. Задачи современной эстетики. Спб. 1900.
Селли. Основныя начала психологіи. Гл. XVIII.
Селли. Смѣхъ, его физіологія и психологія. 1906.
Сикорскій. Всеобщая психологія. II, 4, г.
Смирновъ. Физіологическія и психологическія основанія эстетики.
Снегиревъ. Психологія. Ч. 2-я, II, d (а, в, с).
Сутерландъ. Нравственный инстинктъ. 1899.

Къ гл. XXX-й.

Викторовъ. Ученіе о личности и настроеніяхъ. 1903.
Вундтъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ. XXV.
Геффдингъ. Психологія. VI, E, 5.
Ланге. Аффекты. 1890.
Летурно. Физіологія страстей. 1896.

Къ гл. XXXI-й.

Вундтъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ. XXVI—XXVIII.
Геффдингъ. Психологія. VII, A.
Джемсъ. Психологія. Гл. XXV.
Морганъ. Привычка и инстинктъ. 1899.
Селли. Основныя начала психологіи. Гл. XIX.
Сикорскій. Всеобщая психологія. II, 5, а, б.

Къ гл. XXXII-й.

Вундтъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ. XV, XXI X
Геффдингъ. Психологія. VII, B, 1.
Дарвинъ. Инстинктъ. 1896.
Джемсъ. Психологія. Гл. XXVI.
Лосскій. Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. 1903.
Сикорскій. Всеобщая психологія. II, 5, в, г.
Рибо. Воля. 1894.
Фонсегривъ. Элементы психологіи. Гл. XXXI.

Къ гл. XXXIII-й.

Бэнъ. Объ изученіи характера. 1886.
Вундтъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ. XXIX.
Геффдингъ. Психологія. VII, B, C.
Джемсъ. Психологія. Гл. X.
Лазурскій. Очеркъ науки о характерахъ. 1906.
Лейо. Воспитаніе воли. 1899.

Полянъ. Психологія характера. 1896.
Рибо. Болѣзни воли. 1884.
Рибо. Различныя формы характера. 1892.
Селли. Основныя начала психологіи. Гл. XX.
Токарскій. О темпераментахъ. (Вопросы псих. и филос. 1896—янв.).
Фуллье. Темпераментъ и характеръ. 1898.

Къ гл. XXXIV-й.

Введенскій. Споръ о свободѣ воли передъ судомъ критической философіи (Журн. Мин. Нар. Просв. 1900).
Виндельбандъ. О свободѣ волн. 1905.
Геффдингъ. Психологія. VII, B, 5.
Гротъ, Лопатинъ, Булаевъ, Корсаковъ, Токарскій, Астафьевъ. О свободѣ воли. Труды Московскаго психол. общ. Вып. 3-й.
Джемсъ. Психологія. Гл. XXVI.
Куно Фишеръ. О свободѣ человѣка. 1899.
Фонсегривъ. Элементы психологіи. Гл. XXXII.
Фуллье. Свобода воли и детерминизмъ. 1898.
Шопенгауэръ. Двѣ основныя проблемы этики: I. О свободѣ воли. 1896.

Къ гл. XXXV-й.

Бинэ. Измѣненія личности. 1894.
Викторовъ. Ученіе о личности и настроеніяхъ. 1904.
Вундтъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ. XXX.
Геффдингъ. Психологія. II, 8, a, c.
Джемсъ. Психологія. Гл. XII.
Рибо. Болѣзни личности. 1886.
Сикорскій. Всеобщая психологія. II, 6, a, б.
Снегиревъ. Психологія. К. 2-я, I, 1, a.
Фонсегривъ. Элементы психологіи. Гл. XXXIII, XXXVI.

